

Андреа Робинсон Королева вампиров

Аннотация

Когда в обычной школе в маленьком американском городке появляется несколько загадочных новичков, Софи МакГи сразу начинает подозревать неладное. Уж очень они странно одеваются, странно общаются между собой, отличаются странными привычками и явно что-то затевают. Одновременно в дом по соседству возвращается друг детства Софи - Джеймс Хэллоуэл. Но с ним тоже происходит что-то странное... Довольно быстро Софи понимает, что к ним в школу заявили самые что ни на есть настоящие вампиры. Совсем как в кино и книжках, которые она смотрела и читала. Вот только Софи даже не подозревала, что и сама может оказаться главной героиней вампирской саги.

Андреа Робинсон Королева вампиров

Глава первая

«Софи МакГи, главный редактор».

Звучит, надо сказать, отлично. Я смакую эти слова снова, на этот раз с нелепым французским акцентом, вроде того, что бывает в плохих комедиях. Звучит так же классно, если не лучше. Дело, кажется, идет на лад, так что я пускаю в ход несколько других акцентов — южный (великолепно), австралийский (пикантно), швейцарский (свежо и естественно, но человек с таким акцентом по-хорошему должен быть судьей). Мистер Амадо, мой преподаватель по журналистике, точно дал бы мне сейчас эту должность. Только я собираюсь испробовать акцент Человека-робота, как кто-то стучит в дверь моей спальни.

— Что ты там делаешь? Ты что, говоришь сама с собой? — спрашивает приглушенный голос, в котором слышится одновременно любопытство и нетерпение — фирменная интонация моей сводной сестры Кэролайн.

— Я говорю по телефону, — громко отвечаю я и тут же понимаю, что вчера оставила телефон внизу на журнальном столике. Нужно добавить в список дел на этот год: «Научиться врать лучше».

— Снова играешь со своим именем, да? — спрашивает она. — Сомневаюсь, что твой преподаватель сделает тебя главным редактором, если ты чокнутая.

Справедливо. Но...

— Что тебе нужно? — спрашиваю я.

— Мама говорит, что съест твой свежий французский тост, если ты сейчас же не спустишься к завтраку.

Дело касается сахарной пудры, а значит, нельзя терять времени зря. Я благодарю Кэролайн за предупреждение и снова начинаю собирать сумку, слыша, как сестра сбегает вниз по лестнице. Ручки? Проверила. План работы? Проверила. Записная книжка по журналистике с идеями статей на этот год? Проверила трижды. Помимо того что я могу безупречно представиться, есть еще масса причин, по которым я заслуживаю звания главного редактора. Я сделала все от меня зависящее, чтобы доказать, что это действительно должна быть я: писала заметки для журналов, ходила на факультативные курсы по фотографии и даже была в летнем журналистском лагере, где нас заставляли носить ядовито-зеленые футболки и работать над несуществующей газетой «Тинейджеры сегодня».

Убедившись, что моя прическа не выглядит слишком уж экстравагантно, я скатываюсь по лестнице на кухню, где вижу свою семью в самом разгаре утреннего ритуала под названием «Завтрак семьи МакГи».

Кэролайн сидит за круглым столом, разодетая как на прием, и подозрительно выбирает кусочки со своей тарелки с фруктами. Марси снова дала ей три ломтика дыни и, как обычно, сидит в уголке и с улыбкой наблюдает, как Кэролайн давит виноградины, как будто это маленькие фиолетовые взрывающиеся гранаты. Они не проходят испытания. Отодвинув тарелку с фруктами, она вытягивает загорелые ноги и принимается счищать невидимые пылинки со своего наряда. Сегодня это короткая джинсовая юбка и несколько слоев маечек девчачьей расцветки под дымчатым подобием кардигана, надетого специально для того, чтобы вскружить голову почтенной директрисе. Кэролайн это ни за что не признает, но ее любимое занятие — после просмотра реалити-шоу — это проектирование нелепых прикидов.

Мой папа сидит напротив нее в синем офисном костюме. До девяти лет я была твердо уверена, что он и в постели не снимает галстук. Сегодняшний его выбор — красный в полоску — выглядывает из-под газеты со сводкой бизнес-новостей. Папа покачивает головой и бормочет себе под нос что-то про фондовую биржу и застой на рынке недвижимости.

Итак, не хватает только моей приемной мамы, Марси, хрустящей моими тостами (коварная!) и осведомляющейся, когда же я, наконец, запишусь на теннис — чтобы восполнить ее собственную нехватку спорта в средней школе. Вместо этого она выглядывает в окно, выходящее прямо на дом наших соседей — или то, что было их домом, пока полгода назад они оттуда не съехали. Я проскальзываю на последнее оставшееся свободным место и как можно незаметнее перекладываю немного тостов себе на тарелку — совершенно необязательно привлекать внимание Марси.

— Кажется, соседний дом наконец-то купили, — объявляет она, ни к кому конкретно не обращаясь. — Там свет в верхних окнах... но я пока не видела, чтобы приезжали грузовые машины.

Она перегибается через раковину, не заботясь о том, что розовый поясok ее шелкового халата попал в слив. Если и есть что-то, привлекающее Марси больше, чем роль судьи, присяжного и массовика-затейника в нашей семье, так это сбор информации о наших соседях.

— Это, наверное, просто солнце отсвечивает, — говорит папа.

— Но таблички на дверях уже нет.

— Значит, они приехали поздно вечером.

На лице Марси написано сомнение — возможно, потому, что вчера за ужином она тоже шпионила за соседями. Но она все-таки опускает занавеску и возвращается на свое место рядом с Кэролайн.

— Вот бы это были Хэллоуэлы, — с грустью говорит она, протягивая руку за отвергнутым Кэролайн ломтиком дыни. — У тебя все так замечательно складывалось с их сыном.

Я спешно запихиваю себе в рот еще один кусок тоста, что избавляет меня от необходимости отвечать. Марси уверена, что их сын Джеймс — мой друг сердца, потому что однажды за весь пикник мы ухитрились ни разу не развязать кетчупную войну и не обозвать друг друга «ведром с соплями». В реальности же наши отношения заключались в таскании друг друга за волосы (в шесть лет), варварском обращении с куклами (в семь лет) и нескончаемых издевках по поводу моих веснушек (в одиннадцать лет). Не слишком-то похоже на Ромео и Джульетту, но попробуй-ка убедить в этом Марси! К счастью, Джеймс успел переехать в Нью-Йорк раньше, чем кому-то из нас пришлось выпить яду или убить двоюродного брата.

— Надеюсь, у них есть сын-подросток, — говорит Кэролайн, счищая семечки со своей клубники. — Симпатичный, — добавляет она, прежде чем бросить испытующий взгляд на мою одежду. — Ты что, серьезно? И это ты собираешься надеть в свой первый день в школе?

Я смотрю на свою линялую зеленую футболку, джинсы с низкой талией и классические конверсы. По мне так не повод рыдать в углу.

— А что? спрашиваю я. — Мне не хватает надписи на попе?

Кэролайн пропускает мою шутку мимо ушей.

— Если хочешь одолжить у меня что-то, просто спроси. Ну, что-нибудь типа юбки. Или что-нибудь не из хлопковой ткани.

— Буду иметь в виду, — отмахиваюсь я от нее. Это может прозвучать как клевета, но Кэролайн действительно искренне обеспокоена судьбой несчастных жертв моды мира сего. Однажды я застала ее всхлипывающей над списком самых безвкусно одетых звезд журнала «Пипл». Она утверждала, что дело в аллергии, но я подозреваю, что ее здоровье в тот момент подорвали фотографии звезд с грудью, выпадающей из бюстгальтера.

Как только Кэролайн возвращается к изучению фруктов, папа опускает угол газеты и подмигивает мне — традиционный способ меня поддержать. Прежде чем я успеваю подмигнуть ему в ответ, Марси склоняется над столом и легонько стучит мне по запястью наманикюренным ногтем указательного пальца, ожидая моего полного внимания, и только потом задает вопрос.

— Так ты подумала насчет тенниса в этом году?

В этот момент я понимаю, что пришло время брать рюкзак и ехать в школу.

Средняя школа Томаса Джефферсона расположена на окраине города, в месте, которое обычно отводят для психиатрических больниц и промышленных предприятий, выбрасывающих опасные отходы. Я приезжаю заранее — как раз чтобы успеть припарковаться на своем привычном месте в дальнем конце площадки, вблизи лесного массива, который примыкает к ней с запада. Высокие сосны гарантируют, что мой джип не нагреется под солнцем до состояния сауны, что, в свою очередь, спасет меня от неминуемой смерти в раскаленной машине после полудня. Вот почему я люблю лес. Мои одноклассники тоже любят лес, но в основном потому, что там можно тайком целоваться за деревьями.

Что касается самого здания школы, то с мая ничего не изменилось: оно по-прежнему могло бы служить по совместительству тюрьмой — правда, тюрьмой со школьной атмосферой и классами различной специализации. Узкие окна подошли бы скорее для орудийной башни в какой-нибудь крепости, чем для учебного заведения, а в пасмурные дни стены по цвету сливаются с небом. Хотя неожиданная реконструкция здания этим летом явно пошла ему на пользу, внутри оно не стало менее мрачным.

На главной дорожке толпятся группки учеников, которые отчаянно пытаются насладиться последними секундами свободы перед тем, как школьный звонок погонит всех к входной двери. Обычно я поскорей прохожу сквозь строй учеников, занятых светской болтовней, и направляюсь прямиком в класс, но сегодня в гуле голосов почему-то не слышно

привычного трепы про летние вечеринки в бассейне, новые машины и злых менеджеров в «Дэйри Куин»¹. Вместо этого все **говорят** про группу новых учеников, которые пытались обменяться рукопожатием со всеми, кого встречали в школьных коридорах.

— Я слышал, что это ученики по обмену, они приехали из-за границы, — говорит Дэнни Бауманн, чья сияющая на солнце светловолосая голова возвышается над группой футболистов справа от меня. — Из Болгарии или откуда-то еще из Южной Америки.

Вряд ли кого-то удивил бы тот факт, что вместо изучения географии мира Дэнни Бауманн посвятил весь семестр созданию проекта своей воображаемой футбольной лиги. Я знаю это потому, что, в свою очередь, посвятила весь семестр изучению Дэнни Бауманна. Я тайно в него влюблена. Я подхожу поближе, чтобы услышать еще что-нибудь, но мои попытки подслушать кончаются ничем из-за Линдси Аллен, которая внезапно выскакивает прямо перед моим носом.

— Привет! Рада тебя видеть, — обнимает она меня, не дав мне опомниться. Это неугомонное рыжеволосое ничтожество ростом метр с кепкой безраздельно властвует над Ученическим советом и заправляет всем, что касается духовых инструментов. Она совершенно убого читает монолог Леди Макбет на занятиях по ораторскому искусству, и говорят, что однажды ее исполнение заставило плакать преподавателя по драматургии. Рассказать кое-что пострашнее? Она переехала сюда всего год назад, а уже соперничает со мной за то, чтобы стать главным редактором школьной газеты. Срываясь с места, она увлекает меня за собой, ни на минуту не прекращая тараторить.

— В общем, мистер Амадо просил тебя зайти к нему перед уроком, если успеешь. Он хочет, чтобы мы не теряли времени зря и начинали делать номер, посвященный новому учебному году, — говорит она, поправляя наносу свои стильные очки в яркой оправе.

Прекрасно. Она уже добралась до отдела новостей, известного также как класс журналистики мистера Амадо. И в этих своих очках она выглядит как настоящий главный редактор. Кажется, я теряю свои позиции.

— И какую тему он нам хочет поручить? — спрашиваю я, заранее боясь ответа.

— Колонку с характеристиками новых учеников, — отмечает она. — Это должно быть забавно. Хотя, наверное, немного муторно. Слушай, я тебе несколько раз звонила летом, а ты мне ни разу не перезвонила!

— Ой, правда... Я была... занята.

Паршивая отмазка. Я пытаюсь спасти положение, объясняя, что вожатый журналистского лагеря был помешан на домашних заданиях. Правда заключается в том, что я собиралась позвонить ей — на самом деле собиралась, — но каждый раз находилось что-то более важное. На мое счастье, звенит звонок, и, пока я окончательно не загнала себя в тупик своими объяснениями, Линдси убегает, издавая панические возгласы о трех учителях, к которым ей нужно успеть за оставшиеся до урока десять минут.

Когда я захожу в класс журналистики, мистер Амадо занят тем, что мелкими остроконечными буквами выводит на доске свое имя и вдохновляющую цитату. Кабинет по-прежнему представляет собой беспорядочное нагромождение столов, газетных вырезок и компьютеров — многие из них настолько древние, что на клавиатуре остались только призраки букв. Я люблю это место. Сделав глубокий вдох, я вежливо покашливаю. Здесь, кстати, до сих пор пахнет резиновым клеем, хотя все уже давным-давно перешли на электронную верстку.

Мистер Амадо бросает маркер в ящик стола и оборачивается.

— Софи! Рад тебя видеть.

— Линдси говорит, что вы хотели обсудить новый номер журнала?

— Точно! — он хлопает в ладоши, прохаживаясь туда-сюда перед своим столом. — Но сначала садись, и давай обсудим наши планы на этот год.

¹ «Дэйри Куин» (англ. Dairy Queen) — популярная американская сеть закусочных.

Он указывает на парту в переднем ряду. Я сажусь, пользуясь удобным случаем изучить нацарапанное на ней безумное художество, изображающее то ли мистера Амадо в женской одежде, то ли весьма привлекательную самку снежного человека. Пока я размышляю об этом, мистер Амадо откидывается на спинку стула, хмуря брови с таким видом, как будто собрался сообщить мне, что у меня рак мозга.

— Надеюсь, ты знаешь, что я считаю тебя отличным журналистом и автором. Ты исключительно хорошо работала в прошлом году. Если бы не записи в журнале, я бы думал, что на самом деле ты из старших классов. И я горжусь тем, что ты снова в числе моих сотрудников.

Что ж, пока вроде речь идет о чем-то более приятном, чем рак.

— Я знаю, что вы хотите поручить мне характеристики новых учеников, но на самом деле у меня есть отличная идея статьи для нового номера, — говорю я, дергая за молнию рюкзака и вытаскивая записную книжку. — Вы когда-нибудь задумывались о том, какой процент библиотечных книг так никто никогда и не заказывал? Я уверена, что если сравнить это соотношение со средним значением, станет ясно, насколько у нас на самом деле невежественные ученики. Ну, то есть вы, конечно, и так это видите, но только представьте...

— Софи, — мягко прерывает меня мистер Амадо. — Послушай меня. Как я уже сказал, я ценю все, что ты делаешь, но наша школьная газета в целом должна быть менее аналитической и более...

— Гламурной?

— Развлекательной.

— М-м-м...

— Я не спорю, что твоя статья про нарушение кодекса здоровья поварами в школьной столовой была блестящей — она была! — но мне кажется, слишком уж многих мы гладим против шерсти. И кроме того, я подозреваю, что они плюют в мой суп, когда я не вижу.

Меня так и подмывает сделать ехидное замечание о том, что трудновато будет достичь прогресса, если бояться поваров в столовке, но я предусмотрительно оставляю эти соображения при себе. Не дождавшись ответа, мистер Амадо вздыхает, подъезжает на кресле к своему столу, чтобы взять папку, и возвращается обратно.

— У нас много новых учеников в этом году: восемь в одних только средних и старших классах, — говорит он, протягивая мне папку. — Я хочу, чтобы вы с Линдси написали их характеристики. Возьмите каждая по четыре новеньких. Можете делать эти характеристики в любой форме, но только убедитесь, что этот очерк будет интересен всем.

Он улыбается, отчего кончики его усов весело топорщатся.

— Не нужно заставлять их признаваться в сокровенных тайнах. Если кто-то из них убил в Рино человека просто для того, чтобы посмотреть, как он будет умирать, — это его дело. Нас это не касается.

Веселого в этом задании примерно столько же, сколько в игре в пейнтбол без одежды. А ведь в глубине души я надеялась, что в средней школе мне больше не придется проводить опросы про лучшие замороженные йогурты в торговом центре и собирать отзывы о новом фильме «Пила».

— Все в порядке? — спрашивает мистер Амадо.

Пора прекращать дуться.

— Значит, мы должны говорить о любимых блюдах, хобби, цветах, фильмах, домашних животных и средствах по уходу за волосами? — спрашиваю я, старательно изображая энтузиазм.

Вам решать, — отвечает он. В этот момент звенит звонок. Провожая меня до двери, мистер Амадо пытается меня приободрить. — У тебя все получится, не переживай! И, послушай, я тебе обещаю, что твоя следующая статья будет о том, что члены команды «зеленых» не сортируют мусор.

Мне остается только надеяться...

Глава вторая

Несколько лет назад администрация школы вдруг осознала, что сорока пяти минут урока недостаточно для изучения истории Римской цивилизации или математики. Теперь у нас по-прежнему восемь уроков в день, но посещать нам нужно только четыре из них. Это значит, что особо изворотливым ученикам удастся спланировать себе дни без векторов, формул, уравнений, десятичных дробей и прочих математических штучек, сокрушающих слабый дух учеников. В этом году я устроила все так, что у меня будет два гуманитарных урока подряд, потом английский, а потом журналистика с мистером Амадо. Мой день начинается с урока рисования у миссис Левин, вечно несчастной женщины. Ходят слухи, что она встречалась с тремя учителями физкультуры одновременно. О местонахождении мистера Левина не известно ничего. Некоторые считают, что она его съела.

Она произносит свою традиционную вступительную речь — нельзя есть, нельзя кричать, нельзя опрокидывать дорогие краски, иначе родителям придется за них заплатить, — после чего швыряет на столы миски с сосновыми шишками.

— Натюрморт с сосновыми шишками. Вперед, — рявкает она и захлопывает за собой дверь кабинета.

Как и следовало ожидать, рисование шишек надоедает мне довольно быстро. Оглянувшись и убедившись в том, что миссис Левин продолжает прятаться у себя в кабинете, я потихоньку достаю папку мистера Амадо со списком новых учеников и вложенными копиями их расписаний.

Марисабель Джонс

Виолетта Мартин

Невилл Смит

Влад Смитсон

«Выбор имени для ребенка в нетрезвом состоянии серьезная проблема для общества», — думаю я, переходя к изучению расписаний и отчасти ожидая увидеть, что новички записались на занятия по защите от темных искусств. Но предметы в расписании самые обычные. У меня будет английский с Владом и Виолеттой и французский с Марисабель. Неплохо для начала. Черновой вариант плана работы только начинает вырисовываться у меня в голове, когда на мою страницу падает чья-то тень.

— Сосновые шишки, мисс МакГи? — осведомляется миссис Левин.

— Ага. Абстракция.

— Остроумно. Но мы рисуем натуралистичный натюрморт, не так ли? — замечает она и снова уползает в свою пещеру.

За пять минут до конца урока система внутренней связи начинает потрескивать, и голос директора Морган напоминает, что вместо следующего урока будет общее организационное собрание. После звонка я неохотно собираю вещи и тащусь в зрительный зал.

К тому времени, когда я вхожу в тяжелые деревянные двери зала, большинство мест уже занято. На задних рядах преобладают ученики в безразмерных фанатских футболках, без особого успеха пытающиеся прикрыть наушники лохматыми волосами; на передних рядах устроили светский раут Кэролайн и ее подружки. Обычно они находятся в центре внимания, болтая, хихикая над глупостями и прыгая туда-сюда по рядам, пока все остальные за ними наблюдают.

Однако сегодня все взгляды направлены куда-то в сторону. Следуя за ними, я замечаю в правом крыле зала высокого блондина, который стоит, прислонившись к сцене. У него тонкие черты лица, длинный нос, резко изогнутые брови и узкие бакенбарды. Время от времени он распрямляет скрещенные на груди руки и брезгливо одергивает манжеты своей строгой черной рубашки. Станный жест, не менее странно и то, как он наклоняет голову каждый раз, когда кто-нибудь из переднего ряда обращается к нему. Он не может не

слышать перешептываний, достигших сейчас своего апогея, но, не обращая ни малейшего внимания на пятьсот пар глаз, неотрывно следящих за каждым его движением, он пристально смотрит на учеников в передних рядах. Уголок его рта то и дело подергивается, словно он пытается сдержать презрительную ухмылку.

Десять против одного, что это новенький — надеюсь, один из моих новеньких. Трепещите все, в дело вступает главный редактор.

Тяжелый занавес начинает колыхаться, и на сцену, пятясь, выходит директор Морган, продолжая выкрикивать приказания беспомощным юным дарованиям из команды звукотехников. Понимая, что представление вот-вот начнется, я быстро проскальзываю на ближайшее свободное место на задних рядах, пока меня не заметила мисс Кейт, жуткая школьная ассистентка. Я не удивилась бы, узнав, что ей уже сто тридцать семь лет. Мне до сих пор снится в кошмарах тот день, когда она стояла у меня над душой в столовой, пока я недоела весь горошек.

Мое место оказывается рядом с Нилом Гарреттом, который весьма мило может рассказать о том, как он провел лето в космическом лагере, но имеет неприятную привычку приносить в школу хомяка по меньшей мере раз в год. Сейчас он шепчет что-то правому карману своих штанов, и я понимаю, что сегодня именно такой день.

— Доброе утро, дорогие ученики! — начинает директор со своего возвышения, поправляя прическу и выжидая, когда микрофон перестанет фонить. Затянув пучок так сильно, что кончики ее бровей демонически поднимаются, она продолжает: — Я рада приветствовать вас в новом учебном году в средней школе Томаса Джефферсона. Хочу напомнить вам, что пришло время выбросить из головы летние мысли и снова взяться за ум.

Она сопровождает свои слова соответствующим жестом. Я начинаю мечтать о том, чтобы хомяк Нила укусил меня, заразил вирусом бешенства, и я умерла быстро и безболезненно, не выслушивая всю эту чушь.

Далее следует традиционная чепуха: наши спортивные команды — великолепны, хорошие оценки — прекрасны, глубокие вырезы — ужасны, короткие юбки — должны быть искоренены немедленно. Когда она переходит к тому ужасному злу, что таят в себе футболки с принтом, большинство слушателей отключаются, либо тупо пялясь в пространство, либо с величайшим интересом изучая швы на своих штанах. Я бросаю взгляд на новенького, ожидая увидеть его в том же оцепенении, что и всех вокруг. Но вместо этого он храбро сидит в проходе на подлокотнике кресла и неистово строчит что-то в блокноте на пружинках. Время от времени он поднимает взгляд, словно опасаясь, что упустил какое-то слово. Один из учителей, которым поручено следить за соблюдением общественного порядка, со строгим лицом говорит ему что-то на ухо, но новенький только нетерпеливо от него отмахивается. Учитель повторяет свою попытку, и на этот раз тот поворачивается, глядя ему прямо в лицо. Я не слышу, что он говорит, но через пару секунд учитель отступает.

— Итак, в заключение необходимо отметить... — произносит директор Морган, и я наостряю уши в бессмысленной надежде на то, что ее речь подходит к концу, — ...туфли с острыми носами отныне будут запрещены ввиду печального инцидента в конце прошлого года. Позже я объясню, какие носы считаются острыми, а какие нет. — Она откашливается и перебирает листки с записями. — А теперь я хочу обратить ваше внимание на то, что в этом году у нас богатый урожай новых учеников. Надеюсь, вы окажете им радушный прием и расскажете о наших правилах.

Переходя к следующему листку, она объявляет, что сейчас вкратце напомним нам о надлежащем поведении в столовой, но тут что-то в переднем ряду привлекает ее внимание. Новый ученик широкими решительными шагами поднимается по ступенькам на сцену.

По залу проносится всеобщий стон. В прошлом году собрание продолжалось больше двух часов из-за выходки одного ученика, который притворялся, что ему необходима помощь директора в чтении правил внутреннего распорядка школы Томаса Джефферсона. У некоторых людей в голове застревают дурацкие попсовые песни, у меня же застрял их диалог на тему раздела «Правила и вы» («Вот это да, неужели копирование из Википедии —

это и правда плагиат, директор Морган?»).

Но на этот раз директор Морган, похоже, не собирается поддаваться на провокацию.

— Что вы делаете? Сию же секунду вернитесь на свое место! — рывкает она, стискивая руками микрофон, но парень не останавливается, пока не доходит до трибуны. Не обращая никакого внимания на заикания директора, он выхватывает у нее микрофон, в который она вцепилась мертвой хваткой, и с улыбкой встречает ее взгляд.

— Могу я сказать пару слов? — произносит он, и его слова эхом разносятся по залу.

Директор Морган лепечет что-то про общее организационное собрание, и мальчик ободряюще ей улыбается. Я в замешательстве перевожу взгляд на Нила, чтобы узнать, как он отреагирует на этот необъяснимый феномен, но он занят укрощением своего вихляющего кармана.

— Все в порядке, — вдруг произносит директор, и несколько учителей, которые придвинулись было к сцене на тот случай, если понадобится подкрепление, отступают назад. Директор складывает перед собой руки и уступает парню место.

Скривив губы в усмешке, он пристраивается к микрофону.

— Я хочу представиться, — спокойно начинает он, но тут с боковых ступенек доносится гулкий стук шагов. Улыбка сползает с его лица, когда он видит изящную девушку, которая пересекает сцену и становится рядом с ним. Она невероятно красива мрачной готической красотой со своими тонкими темными бровями и длинными каштановыми волосами, естественными волнами лежащими на плечах. Если и есть на свете девушка, словно специально предназначенная для того, чтобы, сидя в прокуренном кафе, повествовать о трагической смерти ее морской свинки, когда ей было четыре, то это она. Парень откашливается.

— Так вот, — начинает он и тут же опять прерывается, бросив свирепый взгляд на девушку, которая дергает его за рукав. Он возвращается к микрофону, и я вижу, как напряглись его скулы. — Мы хотим представиться. Меня зовут Влад, а это моя... — он медлит, склонив набок голову, — ...это моя сводная сестра, Марисабель. Я надеюсь, что вы рады видеть нас в вашем очаровательном штате Мичиган, и я уверен, что с некоторыми из вас мы станем верными друзьями.

Влад и Марисабель, двое новеньких, у которых мне надо взять интервью. Я сверяюсь со своим списком, чтобы убедиться в этом, а Влад тем временем подмигивает переднему ряду и, отвесив церемонный поклон, спрыгивает со сцены. Марисабель — она выглядит неожиданно мрачной — немного погода следует за ним. Поначалу никто не понимает, как на все это реагировать. Проносится волна шепота, раздаются жидкие аплодисменты и, наконец, несколько восторженных возгласов. Когда Влад возвращается на свое место, два парня в спортивных майках хлопают его по спине, как будто он только что выкинул отличнейшую шутку. Сначала это его, кажется, обижает, но заметив, что они ему улыбаются, он отвечает им озорной усмешкой.

— Ну, что ж, да. Хорошо. Спасибо, — дрожащим голосом произносит директор Морган, возвращаясь к трибуне. Она несколько раз откашливается, пытается трясущимися руками схватить микрофон. — Собрание окончено, — объявляет она наконец. — Не бегайте в коридорах!

— Это было очень странно, — замечает Нил, держа руку в кармане и пытаясь уgomонить сидящее там существо, которое ерзает из стороны в сторону, видимо, взволнованное грохотом пятисот пар ног, идущих к столовой.

— Он как будто сломал ее, — отвечаю я, не сводя глаз с директора Морган. Учителя обеспокоенно окружают ее. Отрицательно покачив головой, она делает им знак удалиться, и хотя я не слышу, что она говорит, выглядит она довольно растерянной.

— Это не так уж и плохо, — задумчиво произносит Нил. — Возможно, нас ждет более щадящий и мягкий режим в Томасе Джеффе. Да здравствуют туфли с острыми носами!

— Возможно, — откликаюсь я, но не успеваю подробнее расспросить Нила о том, что он думает про выходку Влада, потому что из-под клапана его кармана высовывается розовый

носик. — Твой... э-э-э... друг пытается сбежать.

— А, вот черт, он голодный. Увидимся позже! — бросает он, срываясь с места, и, спотыкаясь, выбегает через заднюю дверь зала.

Поиск места в столовой во время обеда требует хитрости и сноровки. Иногда я сажусь с Линдси — правда, она большую часть времени разглагольствует о спасении мира, лесов или о зимних пальто из новой коллекции. Кэролайн всегда готова потесниться и дать мне место, но только с тем условием, что я не буду ни с кем заговаривать. Ей не очень-то нравится, когда я задаю ее подружкам вопросы вроде «Тебе не кажется, что надпись на футболке "Торможу перед мальчиками" чересчур прямолинейна?» и добавляю «Вообще-то, незаконно не делать этого». Заканчивается все обычно тем, что я сажусь где-нибудь в уголке и тихо читаю там или работаю над своими статьями.

Но после странного происшествия на собрании было бы глупо не воспользоваться инсайдерской информацией. Я пробираюсь к пестрящему всеми цветами радуги столику Кэролайн, и она отодвигается, освобождая для меня место. Она не сводит глаз с центрального прохода, где вокруг одного из столиков толпятся Влад, Марисабель и несколько других незнакомых мне учеников. «Интересно, это солидарность новеньких или они все знакомы?» — думаю я, но, прежде чем я успеваю высказать это вслух, мое внимание отвлекает Кэролайн.

— О. Боже. Мой. Софи, он мне подмигнул! То есть мне кажется, что мне. — Она обводит наш столик оценивающим взглядом. — Да, это точно было мне. Это было, ну, так волнующе! Я никогда в своей жизни не чувствовала ничего подобного — даже тогда, когда Томми отдал мне свою футболку после матча выпускников.

— Думаю, это было... э-э-э... потно!

— Ты же понимаешь, о чем я. Аманда, объясни ей!

Я перевожу взгляд на трех ее лучших подружек, сидящих рядышком напротив меня. Они выглядят как один человек с тремя разными стрижками.

— О да, это так волнующе! — говорит средняя, кивая головой и потряхивая длинными сережками в знак согласия.

«Ты не сказала ничего нового, Аманда», — думаю я. Но не успеваю я потребовать пояснений или хотя бы решить, нужны ли мне пояснения, как Кэролайн хватает меня за руку и страшным шепотом произносит мое имя.

Влад направляется к нам через столовую. Он движется бесшумно и с непринужденной грацией — неплохое достижение, учитывая тот факт, что из-за дешевой плитки на полу любой человек в кедах издает при ходьбе звуки пукающей мыши. Когда он приближается к краю нашего столика, его красота становится еще более очевидной, хотя со своего места я вижу только его тонко очерченные ноздри. Перегнувшись через меня, он берет Кэролайн за руку.

— Могу я узнать ваше имя? — спрашивает он, нагибаясь и целуя ее в запястье.

Кэролайн близка к тому, чтобы упасть в обморок от гипервентиляции легких, но каким-то образом она умудряется прохрипеть в ответ свое имя.

— Прелестное имя для прелестной девушки, — замечает он, нисколько не смущаясь тем, что «прелестная девушка» ведет себя так, словно только что перенесла лоботомию. — Не будете ли вы так любезны ознакомить меня со школой?

Он говорит старомодными и банальными фразами, словно сошел со страниц книги «Гордость и предубеждение: школьные годы», однако это, похоже, совсем не смущает Кэролайн.

— Да! — выпаливает она. — Я буду счастлива эскортировать вас.

От волнения моя сестра часто утрачивает свои речевые способности. Она, видимо, хотела сказать «сопровождать», но и без этого остальная часть фразы звучит неестественно формально.

— Чудесно! — отвечает Влад и вслед за этим наверняка произносит какую-нибудь еще нелепую фразу вроде «Твои волосы подобны солнцу, сияющему во тьме» или «Давай

встретим рассвет поцелуем», но этого я уже не слышу: мое внимание отвлекает громкое возмущенное фырканье и следующий за ним грохот захлопнувшейся двери. Я украдкой бросаю взгляд на столик Влада. Марисабель зла. Вряд ли ей настолько не понравилась мясная нарезка. Приходится признать: она явно не одобряет того, что Влад клеится к Кэролайн.

Я открываю рот, чтобы спросить у Влада про его сводную сестру, но тут, к сожалению, звенит звонок, прервав нашу захватывающую мелодраму. Отвесив еще один нелепый короткий поклон, Влад широкими шагами уходит к своему столику, и я понимаю, что наступил самый подходящий момент договориться с ним об интервью, которое, надо признать, обещает быть весьма интересным. Собрав вещи, я убираю поднос и направляюсь к Владу, с досадой отметив, что он уже успел вступить в разговор с двумя здоровенными парнями спортивного вида и мальчиком с медно-рыжими волосами, который никак не может решить, куда девать руки. Я пробираюсь за ближайший столик и, делая вид, что ищу в сумке тетрадь, ожидаю удобного случая связаться в беседу.

— Я уже им нравлюсь, Невилл! — говорит Влад. — Видел, сколько человек меня поздравили после этого? Вот, погляди, этот жест называется «здороваться кулачками». Сейчас это более актуально, чем рукопожатия.

Невилл — или, как я его про себя называю, Объект для интервью номер три — игнорирует протянутый кулак Влада.

— Мне все-таки кажется, что это совершенно излишнее привлечение внимания, — замечает он, доставая из кармана штанов скомканное расписание. — Как ты думаешь, что изучают на уроке под названием «Базовые навыки»? Не думаю, что буду туда ходить.

— Ты должен ходить на все уроки, — раздраженно бросает Влад. — Все ходят на все уроки.

Невилл сначала вроде собирается протестовать, но потом передумывает.

— Ну ладно, — говорит он, оглядывая столовую. — А где...

— Не знаю. Я позже с ним разберусь. Иди на урок.

Невилл поджимает губы, но подчиняется. Я немного разочарована тем, что мне не удастся убить двух зайцев одновременно, взяв интервью у них обоих. После того как Невилл исчезает за дверью, Влад поворачивается к двум парням, которые выглядят как футбольные нападающие. Всем своим видом он ясно показывает, что находит поведение Невилла вопиющим. Парни ничего не говорят, только улыбаются одинаковыми улыбками. За исключением ямочки на подбородке и цвета волос — один брюнет, а другой блондин — они практически идентичны.

Это определенно какая-то жуткая группировка. Они не только знают друг друга, они... «Нет, говорю я себе, — нет». Согласно мистеру Амадо, мое дело — не строить предположения, а брать интервью. Пока Влад не успел повернуться и заговорить с двумя другими парнями, я трогаю его за плечо. Он резко оборачивается, мгновенно сменив учтивую грацию на бдительность и настороженность. Когда его глаза, сверкнув, встречаются с моими, я замечаю, что они темно-серые.

— Привет, я Софи, — представляюсь я, протягивая ему руку, но он изумленно смотрит на нее с таким видом, будто я только что вынула из кармана живую рыбу и предложила ее потрогать. Когда становится ясно, что он не собирается пожимать мне руку, я ее убираю. — Ну ладно. Короче, я работаю над школьной газетой, и мы хотим написать заметки про новеньких. Ну, знаешь, все как обычно: откуда ты приехал, какая твоя любимая группа, с кем из умерших знаменитостей ты хотел бы пообедать...

На последнем пункте он фыркает. Боже, это невыносимо...

—...ну и все такое. Я понимаю, это звучит скучно, но если ты выкроишь пару минут, то мы быстро с этим покончим.

Я жду. Впервые с начала моей жуткой речи он смотрит на меня — и не просто смотрит, а оглядывает меня от макушки до пят. Потом он встречает мой взгляд.

— Нет.

— Что?

— Нет, боюсь, я не могу тебе помочь, — вежливо отвечает он и, холодно улыбнувшись, поворачивается спиной и идет к выходу. Двое безмолвных верзил неуклюже следуют за ним.

— Я сестра Кэролайн! — кричу я вслед. Для большего унижения мне не хватает только удара по лицу. Но, впрочем, все это уже неважно: звук захлопнувшейся двери недвусмысленно показывает, что разговор окончен.

Следующий урок не за горами, так что я всего на пару секунд позволяю себе предаться праведному гневу после такого унижения, а потом направляюсь в класс. По дороге я утешаю свое самолюбие тем, что снова с ним встречаться я совершенно не обязана. Я и не обязана — по крайней мере в течение тех двух секунд, что отделяют меня от того момента, когда я вхожу в класс английского и вижу его, сидящего в первом ряду, вытянут длинные ноги. Я собираюсь с духом, готовясь достойно встретить самодовольную ухмылку, презрительный смешок или хоть какие-то признаки узнавания, но Влад, откинувшись на спинку стула, рассеянно изучает свои ногти и время от времени записывает что-то в черный блокнотик, который я увидела еще в зале. Позвольте угадать: сегодня я без всяких на то причин вел себя как настоящий придурок. Конец».

Хотя пришла одна из последних, несколько мест в боковом ряду все еще свободны. Мне не требуется много **времени**, чтобы понять причину. **Уже на полпути туда** сильнейшая волна цветочных духов чуть не сбивает меня с ног. Она исходит от миниатюрной блондинки, которая вышла из столовой незадолго до меня и теперь чопорно сидит на угловом месте, являя собой живое олицетворение идеальной осанки. Она превосходит всех новеньких странностью своего наряда: на **ней бледно-лиловая** юбка в пол, пышно украшенная оборками из легкой газовой ткани, и узкий бархатный жакет.

Я сверяюсь со своим **списком**. Доброе утро, Виолетта Мартин. После того как мисс Уолпол раздаст нам учебный план на этот семестр, **я** пытаюсь **привлечь внимание девушки**:

— Пссст, Виолетта!

Она продолжает смотреть перед собой, лениво накручивая на палец белокурый локон. Дождавшись **момента**, когда мисс Уолпол отворачивается к доске и начинает писать пять необходимых условий хорошего сочинения, я трогаю Виолетту за плечо.

— Да? — откликается она странным, каким-то неземным голосом. Вводные занятия, конечно, не располагают к тому, чтобы, стоя на столе, колотить себя в грудь, но Виолетта достигла какого-то нового уровня выпадения из реальности.

— Меня зовут Софи, — шепчу я, адресуясь к ее щеке, — и я пишу заметки про новеньких для школьной газеты. Если у тебя найдется минутка после урока, можно будет задать тебе пару вопросов? — Я замечаю ее ботинки с сотней мелких кнопочек и замысловатой шнуровкой. — И мне не терпится узнать про твои взгляды на моду.

Ответа я не получаю, если только не считать ответом то, как она играет прядью своих волос и медальоном на шее. Я пытаюсь применить другую тактику:

— М-м-м... а этот медальон — подарок от твоего мальчика?

— Нет, — сквозь зубы отвечает она, а потом изображает подавленные всхлипывания и, вытянув из лифа кружевной платочек, промокает им несуществующие слезы. Сидящие впереди оборачиваются и награждают нас сердитыми взглядами, опасаясь, что из-за шума у них будут неприятности. Я открываю рот, собираясь дать им совет не лезть в чужое дело, и тут чувствую, как пальцы Виолетты сжимаются на моем запястье.

— Могу я задать тебе вопрос? — спрашивает она, наконец-то удостоив меня взглядом. Я начинаю объяснять, что интервью пройдет успешнее, если вопросы буду задавать я, но она, резко притянув меня к себе, начинает сбивчиво, задыхаясь, говорить: — Допустим, тебе нравится мальчик. Он тебе нравится очень сильно, и тебе наплевать на то, что твои родители и друзья говорят, что это плохо кончится. Тебе кажется, что он тоже тобой восхищается, и поэтому ты даешь ему все — все, чего бы он ни захотел. И что же делает он? Остается с тобой навсегда? Как бы не так! Он не обращает на тебя внимания и уезжает неизвестно куда.

Ее голос срывается, и, отпустив мою руку, она резко откидывается на стуле.

— Я теряюсь в догадках, — сдавленно говорит она, прижимая ко рту носовой платок. — Как ты думаешь, может быть, мне подарить ему локон своих волос? Возможно, он не догадывается, что я все еще его люблю.

Я отрываюсь от изучения полукруглых розовых отметин, оставшихся на моем запястье от ее ногтей:

— Нет, это, скорее всего, его взбесит.

— Но тогда что мне делать? Что мне делать?

— М-м-м... вот, — я поспешно хватаю растрепанный номер журнала «Севентин», забытый кем-то под моим стулом. Указывая на заголовок на обложке, я говорю: — Смотри! «Как понять, любит ли он тебя».

Она выхватывает журнал у меня из рук и жадно листает, беззвучно шевеля губами.

— «Обалденный»? Как грубо! Возможно, мне понадобится некоторая помощь с языком. Ты не дашь мне свой адрес? — она опускает журнал и выжидающе смотрит на меня.

— Может быть, лучше номер мобильного?

— Нет, адрес, пожалуйста.

Я колеблюсь. Если я дам ей свой адрес, закончится все тем, что на меня навесят ярлык «лучшая подружка» и заставят поклясться на мизинцах в вечной дружбе. Нил, сидящий прямо перед Виолеттой, не упускает случая воспользоваться моим замешательством и оборачивается к нам.

— Можешь взять мой адрес, — говорит он, играя бровями, что делает его похожим скорее на Чарли Чаплина, чем на коварного соблазнителя, особенно если принять во внимание торчащий у него на затылке рыжий вихор.

— Прости? — переспрашивает Виолетта.

— Мой адрес.

— Я не уверена, что это было бы удобно.

— Нил, прекрати, — шикаю я на него, опасаясь, что все мои достижения пойдут насмарку, если мы продолжим в том же духе.

Он игнорирует мои слова.

— Тебе когда-нибудь говорили, что ты очень анимэшная? Я фанат анимэ!

— Нил!

— «Евангелион». Приходи как-нибудь, сама убедишься.

Виолетта беспомощно смотрит на меня, кажется, искренне озадаченная тем, как на это реагировать.

— Нил, если ты сейчас же не прекратишь, я ударю тебя по карману.

— Но...

— Я серьезно.

С видом скорее озадаченным, чем испуганным, Нил отворачивается. Чувствуя отчасти облегчение, а отчасти обиду на то, что Нил так легко поверил в то, что я могу обидеть его хомяка, я записываю адрес на клочке бумаги. Действительно, чего я боюсь? Заманив ее к себе домой, я сумею заставить ее сосредоточиться и ответить на несколько вопросов.

Последним уроком у меня сегодня журналистика, и, хотя это мой любимый предмет, сегодня я обеспокоена отсутствием успехов на фронте интервью. Когда я прихожу к мистеру Амадо, Линдси, как и следовало ожидать, уже там.

— Я поговорила с тремя из них, — хвастается она смиренно слушающему мистеру Амадо. Она собирается добавить что-то еще, когда замечает в дверях меня. — Это отличный проект, правда?

«Конечно, если ты мазохист», — думаю я. Ну почему мне не достались любители поболтать? Я плюхаюсь на стул в первом ряду. Мистер Амадо прогоняет Линдси от своего стола и обращается к классу:

— Большинство из вас заходили ко мне сегодня утром, и я думаю, вы все ясно

представляете сферы вашей ответственности в создании первого номера. Он уходит в печать через две недели, и я не собираюсь, утомлять вас правилами поведения на уроке или заставлять вас рассказывать, как вы провели лето. Давайте начнем.

Он указывает на Нила, рисующего что-то на обороте своей папки. Нил делает ежемесячные комиксы для газеты и полагает, что этим его участие в делах группы ограничивается. Мистер Амадо, со своей стороны, считает, что Нил должен также попробовать себя в написании статей. Иногда мне кажется, что их противостояние составляет главную часть моей жизни.

Мистер Амадо подходит к Нилу и, когда его верный помощник отказывается поднять на него глаза, барабанит пальцами по краю стола:

— Нил, что ты выяснил по поводу донорской крови, пропавшей на празднике нового учебного года? — Он бросает быстрый взгляд на Линдси. — Некоторые ученики посвятили много времени тому, чтобы обеспечить приток волонтеров в этом году.

— Ну, кровь была...

В глазах мистера Амадо вспыхивает надежда:

— Так?

— ...а потом крови не стало.

Мистер Амадо натянуто улыбается.

— Тебе понадобится больше информации для твоей статьи, — говорит он, стараясь, чтобы его голос звучал скорее ободряюще, чем разочарованно.

Нил возвращается к штрихованию сложной композиции, которую он набросал на обороте папки.

— Разве это не дело полиции? — растерянно спрашивает он.

— Я хотел, чтобы ты оценил ситуацию с точки зрения школьников и поговорил с девушками, которые обслуживали киоск. Тем вечером они оставались там до восьми.

— Я поговорил.

— Прекрасно!

— Они не знают, что произошло.

Мистер Амадо вздыхает:

— Просто сделай мне одолжение, Нил, постарайся копнуть немного глубже. Пожалуйста.

Нил шутливо отдает честь:

— Будет сделано, мистер Амадо!

Неудовлетворенный таким ответом, мистер Амадо склоняется над Нилом и нашептывает ему на ухо что-то угрожающее — или, может быть, ободряющее. Линдси косится на мой закрытый блокнот. Ее записная книжка уже вся исписана каракулями. Каракулями главного редактора.

— Ну, на чем ты будешь делать акцент в статье? — шепотом спрашивает она. Сквозь внешнее дружелюбие в ее голосе проглядывают сопернические нотки.

— На том, почему новенькие меня ненавидят.

— Что?

— Не бери в голову. — Самое меньшее, что я могу сделать — это вести себя так, как будто мне есть о чем писать. Я открываю блокнот и пытаюсь поддержать беседу: — Ты уже со всеми встретила?

— Почти, — отвечает она, переворачивая страницу. — Со всеми, кроме Джеймса. Слушай, не хочешь сходить в кино в пятницу? На Мейн-стрит есть кинотеатр независимого кино, там показывают крутые фильмы.

— Я не смогу, — отвечаю я, все еще раздраженная тем, что она одерживает надо мной верх.

— Ой, ладно. Ну, может...

— Мистер Амадо идет.

Линдси выпрямляется на стуле. Мистер Амадо целеустремленно шагает к нам —

настолько, насколько это возможно для человека в мягких кожаных туфлях. Наклоняясь, он бросает взгляд на наши записи. Я заслоняю написанное рукой.

— Итак, — начинает он, жестом останавливая Линдси, которая порывается что-то сказать. — Успехи Линдси мне известны; хотелось бы узнать, что думает вторая половина.

Вторая половина понятия не имеет, что отвечать. Поставленная в безвыходное положение, **я** задаю один из актуальных для меня вопросов:

— Вам не кажется странным то, что они все знакомы друг с другом? И то, что Мичиган они находят очаровательным?

Мистер Амадо сначала ничего не отвечает и только награждает меня взглядом, которым вы бы посмотрели на бездомного, стоящего около продуктового магазина и кричащего, что в хлебе завелись прищельцы. Если бы у его усов были пальцы, он погрозил бы мне одним из них.

— Софи, — замечает он, — мы, кажется, уже говорили об этом.

Краем глаза я замечаю, как Линдси украдкой бросает на меня косые взгляды, как будто ее предупреждали, что нельзя смотреть прямо на затмение лузера.

— Я знаю, — отвечаю я, — но...

— Мы не проводим расследование, — говорит он, — мы отмечаем начало учебного года. Завтра попробуй снова.

И, хлопнув рукой по столу, он удаляется, оставляя меня недоумевать, почему любопытство Нила было одобрено, а мое — раскритиковано в пух и прах. Обмякнув на стуле, всю оставшуюся часть урока я рисую кружочки в блокноте, а Линдси тем временем на одном дыхании выкладывает все пикантные подробности, которые она узнала о двух парнях, что околачивались рядом с Владом в столовой. Их зовут Девон и Эшли — смешно, учитывая их очевидное стремление походить на кирпичную стену.

— Они были не очень-то разговорчивы, но у нас все получилось, — сообщает она. — Представляешь, они работали в цирке, когда были маленькими!

— Строй. Ты хочешь сказать, что они работали немymi клоунами? — изумляюсь я, воображая себя участницей великого космического эксперимента: интересно, через какое время взорвется голова Софии, если поместить ее в густой раствор странностей и повторять ей: «Нет, то, во что ты вляпалась, — совершенно нормально».

— Ну, допустим, — соглашается Линдси, — это довольно странно. Но из этого получится отличная статья! Не то что про Эндрю Арчера, который не хочет говорить ни о чем, кроме грязных мотоциклов. — Она закрывает блокнот. — А что насчет Влада? Он ведь твой, да? Он, по крайней мере, кажется интересным. И любит порисоваться. Не могу поверить, что ему сошла с рук эта утренняя история с Морган.

И тоже, Линдси. Я тоже.

Глава третья

Вечером за ужином я присутствую на шоу, посвященном Владу. Влад потрясный. Влад крутой. У Влада черный «хаммер» с тонированными стеклами, и он обещал покатать на нем Кэролайн. Влад богатый. Родители Влада уехали по делам в Европу, и их дом предоставлен в его распоряжение. И, кстати, он рад, что они разрешили его друзьям пожить с ним в этом семестре, так что он не будет чувствовать себя одиноко. Кэролайн так возбуждена, что забрасывает в рот овощи без их тщательного предварительного осмотра.

— Представляешь! — восклицает она, поднимая вилку. — Он хочет знать про меня все, абсолютно все! Когда я родилась, где я родилась, что я планирую делать после средней школы, есть ли у меня родимые пятна... буквально все! Потрясающе, правда?

Не будь я столь незначительной персоной, я бы поблагодарила Кэролайн за то, что она сложила всю эту информацию — правда, искаженную ее одержимостью — к моим ногам.

Вместо этого я пытаюсь перевести разговор в другое русло. Но когда Кэролайн принимается разыгрывать в лицах прощальную сцену возле ее шкафчика, я не выдерживаю.

— Он странный, — говорю я. — Как насчет всех этих поклонов?

Кэролайн краснеет.

— Он из Европы, — защищается она.

— Нет, ты сказала, что его родители работают в Европе.

— Это одно и то же.

— Короче, это полнейшая чушь. Все это — полнейшая...

— Ты встретила с кем-нибудь из новых учеников? — прерывает нас Марси, привыкшая прекращать детские ссоры в самом зародыше.

— С Виолеттой. Похоже, она сумасшедшая, — говорю я и тут вспоминаю, что мы обменялись адресами. — Она... э-э-э... возможно, придет.

Марси давно привыкла слышать вещи, которые говорятся единственно с целью ее шокировать. Поэтому ей часто непросто понять, когда я говорю серьезно. Ее губы подергиваются и наконец решают растянуться в снисходительную усмешку.

— Хорошо, — говорит она. — Только предупреди заранее. Я уберу все ножи.

Гордая своей шуткой, она продолжает улыбаться мне, и я улыбаюсь ей в ответ. Она поймет, о чем я, когда увидит Виолетту, выглядящую так, словно она только что вылезла из чемодана своей прабабушки. К счастью, папа, завладев разговором, до конца ужина рассуждает о банковских делах. Потом я помогаю помыть посуду и поспешно ретируюсь к себе в комнату, пока Кэролайн не загнала меня в угол и не продолжила петь дифирамбы Владу.

Мы живем в отреставрированном доме викторианской эпохи — старом, со скрипящими половицами. Моя комната находится на верхнем этаже — раньше там был чердак, — и я ее обожаю, хотя потолок здесь косой и низкий, а в воздухе немного пахнет нафталином. Когда мне было двенадцать, я выкрасила стены в насыщенный темно-красный цвет. Марси как-то обмолвилась, что теперь комната похожа на бордель, но если и так, то это неработающий бордель: единственный мальчик, когда-либо бывавший в моей комнате, — это Джеймс. (Нам было девять, мы играли в докторов, и я пыталась вырезать ему аппендицит пластиковой вилкой. Он струсил в середине операции.) Больше всего в комнате мне нравятся два окошка, которые выступают наружу, образуя небольшие ниши. В одной я устроила сиденье из подушек, а в другую втиснула письменный стол. Когда я устаю делать уроки, мне нравится уютно устроиться на стуле, поджав ноги, и смотреть на дом напротив.

Однако этим вечером у меня нет времени на безделье. Информация, предоставленная Кэролайн за ужином, позволяет мне сделать хоть что-то к следующему занятию. Я записываю, что мне удалось узнать.

Влад

Любит: дорогие машины, быть в центре внимания, мою сестру.

Не любит: вежливость, меня.

Марисабель

Любит: нет сведений.

Не любит: когда Влад разговаривает с Кэролайн.

Виолетта

Любит: таинственного мальчика, купаться в духах, журналы для тинейджеров.

Не любит: слушать, вести себя разумно.

Невилл

Любит: нет сведений.

Не любит: базовые навыки, ходить на уроки базовых навыков.

И тут я захожу в тупик. Я бессильно отбрасываю карандаш и начинаю глазеть в окно. Сначала я вижу только отражение моей комнаты: свет позади меня, диван и затемненную версию моего разочарованного лица. Но потом за всем этим я замечаю маленький ореол света в окне напротив.

У меня дежа-вю — мгновенное и леденящее чувство. Поскольку наши родители были скупыми и старомодными, вместо рации мы с Джеймсом использовали фонарики. У нас даже была своя азбука Морзе; ни Кэролайн, ни даже нацисты никогда не смогли бы ее расшифровать. Две длинные вспышки и одна короткая означали «мне настолько скучно, что я хочу тебя увидеть», а три коротких — «пожалуйста, занавесь окно, ты извращенец и эксгибиционист». Излишне говорить, что последний сигнал был особенно популярен в шестом классе, на протяжении фазы я-иду-играть-в-баскетбол-с-моими-дурацкими-друзьями.

Я прижимаюсь лицом к стеклу, чтобы лучше рассмотреть соседский дом. Машин там действительно нет, но ведь Марси говорила, что, по ее мнению, кто-то туда въехал, а у нее есть шестое чувство, когда дело касается подобного рода вещей. Мелькает еще одна вспышка света, и я, прижавшись холодеющей щекой к стеклу и задержав дыхание, жду, не повторится ли старый сигнал. Но когда вспышки, прекратившись, больше не повторяются, я понимаю, как глупо надеяться... надеяться на что?

Я не Вероника Марс или Нэнси Дрю². У меня слишком параноидальный характер для того, чтобы проникать в чужие дома и похищать секретные данные. Все старые часы и потайные лестницы мира могут спокойно хранить свои секреты. Однако проверка источника света не требует неординарных умственных усилий. Одного быстрого взгляда внутрь будет достаточно. Я обещаю себе, что потом сразу же вернусь домой, к обломкам моей школьной журналистской карьеры.

Решение принято, и я начинаю составлять план атаки. Проще всего было бы позвонить в дверной звонок, но что я скажу, если кто-то ответит? «Я шпионила за вами из окна моей спальни и решила, что мне нужно представиться, несмотря на то что сейчас ночь и у меня нет пирога». Ну уж нет. Можно заглянуть в окна фасада, но это может привлечь внимание миссис Симс — старой кошатницы, живущей по соседству, у которой есть привычка вызывать полицию, когда она видит незнакомого человека примерно после семи тридцати. А поскольку она наполовину слепа, то почти все люди кажутся ей незнакомыми, когда она видит их с расстояния больше пяти футов. Придется пробираться через задний двор.

На цыпочках спустившись по лестнице, я осторожно минуя гостиную, где Кэролайн с родителями смотрят некое подобие «CSI: Место преступления», прохожу через кухню и затем тихо выскальзываю наружу, в теплую летнюю ночь. Большая часть нашего маленького заднего дворика занята чахлыми томатами и огурцами, посаженными Марси. Двор окружен деревянным забором, который старше меня. В какую бы краску он не был покрашен раньше, теперь она уже вся осыпалась, и доски постепенно сереют. Но это прекрасно — если бы кто-то собрался его покрасить, он бы обнаружил, что на месте двух недостающих досок есть тайная тропа, ведущая в соседний двор.

С обеих сторон пролом скрыт разросшимися кустами сирени. Я обнаружила его в десять лет, когда отчаянно пыталась найти потерянную шлепку, которую Джеймс зашвырнул за забор в отместку за то, что я обрызгала его водой, пока Марси не видела. Я сказала, что шланг случайно вырвался у меня из рук; он сказал, что моя шлепка с «Русалочкой» сама случайно залетела в соседний двор; Марси сказала нам обоим успокоиться: она смотрит шоу Опры Уинфри. Одежда Джеймса высохла, а я так никогда и не нашла свою шлепку, даже после нескольких секретных вылазок. Когда я раздвигаю колючие ветки кустарника и ныряю в пролом, какая-то часть меня глупо надеется, что я ее найду.

² Вероника Марс — героиня одноименного американского телесериала, помогающая в расследованиях своему отцу, частному детективу. Нэнси Дрю — девушка-детектив, героиня многих фильмов, книг и компьютерных игр.

Двор завален всяким хламом. В дальнем углу прячутся остатки ржавых качелей, а запах мочи, исходящий из рухнувшего сарая, указывает на то, что теперь он стал новым домом для местных бродячих собак. Старая потрескавшаяся ванночка для птиц, поставленная мамой Джеймса, до сих пор здесь, окруженная кольцом умирающей герани. Интересно, к ней и сейчас, как прежде, прилетают исключительно дрозды? Неугомонный риэлтор какое-то время пытался поддерживать здесь порядок, но, судя по состоянию газона, пару месяцев назад он оставил последнюю надежду. Трава выросла настолько, что теперь щекочет мне колени. Если бы я подходила к делу по-настоящему серьезно, и могли бы ползти по-пластунски, скрываясь в высокой траве.

Остановившись на промежуточном варианте, я, полусогнувшись, прокрадываюсь к шаткому крыльцу. На окнах гостиной нет штор, так что я тихонько подхожу и заглядываю внутрь. Отсюда мне виден весь коридор вплоть до входной двери. В дом проникает не так много лунного света, но и этого оказывается достаточно для того, чтобы понять, что кроме пыли и нескольких мотков проводов в гостиной ничего нет.

Я сажусь на корточки; должен же быть какой-то предел тому, сколько раз за день я могу ошибиться. Я как раз собираюсь ползти обратно через двор, как вдруг в дальнем конце коридора мелькает чья-то фигура. В течение секунды мой потрясенный мозг судорожно пытается найти формулу типа «Остановись, упави и откатись», которая объясняла бы, что нужно делать, если вас вот-вот уличат в шпионаже. Я делаю выбор в пользу БСВН — беги со всех ног.

Я совершаю стремительный прыжок с крыльца и, больно ударившись пятками о землю, бросаюсь наутек, сопротивляясь желанию **оглянуться назад даже тогда**, когда слышу резкий **скрип распахнувшейся и вновь** захлопнутой двери. Высокая трава мешает мне бежать, и я впадаю в такую панику, что воздух вырывается у меня из легких короткими рваными толчками. До кустов сирени остается не больше десяти футов, когда на меня наваливается кто-то тяжелый. Мы оба падаем на землю, и тут атакующий испускает удивленное проклятие.

Я падаю на бок, но под весом человека, навалившегося на меня, перекатываюсь на спину. Я знаю, что нужно держать глаза открытыми, чтобы суметь защититься, но страх заставляет меня зажмуриться, а мозг кричит: «Дура-дура-дура-дура-дура». Я бешено молочу кулаками, но они только отскакивают от плеч нападающего. Внезапно осознав, что мне полагается кричать, я набираю большой глоток воздуха и начинаю вопить. Но мой вопль тут же останавливает рука, зажавшая мне рот.

— Софи.

Это мужской голос, но звучит он тихо и сердито, в то время как голос потенциального убийцы, по моим представлениям, должен быть холодным и угрожающим. Все мое внимание в этот момент сосредоточено на том, чтобы поднять колено и освободить зажатые ноги, так что я не сразу понимаю, что напавший произнес мое имя. Я открываю глаза.

Его черты не изменились, но стали как-то резче и тверже. Я замечаю шрам от камня, который я когда-то бросила в него через забор, и хотя сейчас ночь, я ясно вижу, что волосы у него все такие же черные. Они запомнились мне не такими лохматыми — но ведь тогда мама заставляла его стричься дважды в месяц.

Убедившись, что я его узнала, он убирает руку с моего рта.

— Джеймс? Джеймс Хэллоуэл? — вскрикиваю я, не веря своим глазам, и он снова зажимает мне рот рукой. Я выкрикиваю ему в ладонь еще несколько фраз, большая часть которых не предназначена не только для детских, но даже для моих собственных ушей. На протяжении всей моей тирады он улыбается, блестя зубами в темноте. Это приводит меня в еще большую ярость.

Я не очень-то спортивная и терпеть не могу мячи и кроссовки, но когда-то я ходила на еженедельные курсы карате с таким же рвением, с каким монахини ходят на литургию. Прошло три года, прежде чем мой сенсей сказал Марси, что, как ему кажется, у меня неправильная мотивации Я уверена, что он употребил слово «кровожадный» —

непосредственно перед фразой: «Думаю, вам следует забрать ее с курсов».

Теперь я направляю всю мою злость и мучительный страх в один мощный удар по носу. Он закрывает лицо, и я сгибаю колени, чтобы ногами спихнуть его с себя, после чего перекатываюсь в сторону и поднимаюсь на ноги, все еще дрожащие от прилива **адреналина**. Все эти действия вызывают у меня головокружение, и я наклоняюсь, чтобы перевести дух и переждать звон в ушах. Посмотрев вверх, я вижу, как он с трудом поднимается с земли. Теперь, когда он стоит, я могу добавить к списку перемен еще полтора фута роста.

Некоторые люди (Кэролайн) считают, что я невосприимчива к мужскому очарованию. Это не так. Мальчики всего мира могут не обращать на меня внимания, но это не значит, что я не обращаю внимания на них. Как и любая другая девчонка, я могу впасть в ступор и глупо хихикать в присутствии мальчиков; и, между прочим, единственная причина, по которой я люблю лето — это то, что летом Дэнни Бауманн носит шорты. Так что очарование Джеймса для меня не пропадает впустую. Однако по опыту я знаю, что он невыносимый зануда.

— Не очень-то гостеприимно, — саркастически замечает он, потирая нос и затем засовывая руки в карманы. — Хотя ты всегда делала мне гадости, так что, возможно, мне стоит радоваться и такому приветствию.

Он выжидающе смотрит на меня. Если он ждет, что я выхвачу плакат с надписью «Добро пожаловать домой» и начну подбрасывать в воздух чепчик, то мне придется его разочаровать.

— Прости, а ты ожидал увидеть парад? — спрашиваю я.

— По мнению некоторых, это самое меньшее, что ты могла бы сделать для парня, подарившего тебе твой первый поцелуй.

— Первый поцелуй? Я проснулась в нашем гамаке оттого, что ты пускал слюни на мою щеку! — возмущаюсь я и затем перехожу к делу. — Что ты здесь делаешь?

— Я здесь живу, — отвечает он и показывает рукой на дом, на случай, если я подумала, что он говорит о газоне. — Снова.

— И ты не мог сказать мне это, не опрокидывая меня на землю?

— Оглядываясь назад, я понимаю, что мой план, возможно, имел некоторые недостатки, — отвечает он, но, встретив с моей стороны только злость и недоверие, оставляет свой самоуверенный тон. — Я не собирался с тобой драться. Мне просто нужно было поймать тебя прежде, чем ты вернешься домой и расскажешь всем, что видела меня здесь. — Он окидывает меня долгим оценивающим взглядом. — Знаешь, ты не очень-то быстро бегаешь. Возможно, тебе стоит потренироваться.

— Потренироваться быть жертвой насилия? Попробую. Надо не забыть делать записи. — Сейчас дыхание, по крайней мере, вернулось к нормальной последовательности вдохов и выдохов, а мышцы перестали дрожать. — Что плохого случится, если все узнают, что ты здесь? Они в любом случае обнаружат это завтра.

— А что будет завтра?

— Школа.

Джеймс издает короткий смешок:

— Поскольку я не собираюсь туда идти, думаю, мою тайну никто не раскроет.

Это меня удивляет. Джеймс всегда любил школу, в основном потому, что примерно в шестом классе он волшебным образом вдруг стал очень популярным. К тому времени, когда он уехал на лето перед началом средней школы, не оставалось ни одной спортивной команды или социальной сети, в которой не было бы его имени. Он даже встречался с Амандой, подругой Кэролайн. Это выражалось в том, что они ходили вместе на школьные танцы, и иногда ее папа возил их на машине в торговый центр. А я, в свою очередь, тогда переживала только из-за того, что когда кто-то указывал на меня друзьям в библиотеке, они отвечали: «А, та девушка», а не «О... эта девушка!».

— Твои поклонники будут разочарованы, — говорю я.

— Сомневаюсь, — отвечает он. — Много изменилось. — Джеймс вытаскивает из

кармана фонарик и начинает щелкать выключателем. Я узнаю источник мигающего света в верхнем окне. Он смотрит на меня с легкой улыбкой. — Оказывается, не так просто передавать сообщения фонариком, — говорит он, словно читая мои мысли. — Какой был сигнал для «приходи»? Два длинных и три коротких?

— Два длинных и один короткий.

— Отличная память, — замечает он. В голосе его явно слышится издевка, как будто то, что я помню наш давний код, значит больше, чем это значит на самом деле.

— Не зазнавайся, — предупреждаю я, но он продолжает усмехаться. Взмолвленная, я пытаюсь снова перевести разговор на школу: — А что твои родители? Как они относятся к тому, что ты прогуливаешь?

Его улыбка мгновенно исчезает, и я понимаю, что сморозила ужасную глупость. Хотя моя память может хранить неограниченные объемы всякой чепухи из детства, важные факты там не задерживаются. Например, тот факт, что однажды, вернувшись домой в конце девятого класса, я застала Марси сидящей за кухонным столом с карандашом и открыткой. Она ничего не писала, просто смотрела в стену с сокрушенным выражением лица. Я спросила ее, в чем дело. Оказалось, она только что узнала о том, что несколько месяцев назад Хэллоуэлы погибли при пожаре.

— Я хотела написать ему письмо, — сказала она тогда. — Но потом я поняла, что понятия не имею, на какой адрес его посылать.

И вот теперь Джеймс с бесстрастным лицом выключает фонарик.

— Мои родители мертвы, — произносит он, шагает обратно к дому и садится на нижнюю ступеньку крыльца, свесив голову между колен, как будто ему стало плохо.

Я не знаю, что делают в таких ситуациях, поэтому просто стою посреди двора, и меня переполняют воспоминания о Хэллоуэлах. Вот его мама наклоняется и протягивает нам обоим красный фруктовый лед в жаркий день; вот барбекю и его папа в рыбацкой шляпе; вот отблеск свечей на лицах его родителей, когда они ставят перед ним торт на день рождения, — я была вынуждена присутствовать на всех его днях рождения. Наконец я сажусь рядом с ним, обхватив колени руками, хотя мне совсем не холодно.

— Прости меня, — тихо говорю я.

— Ты не виновата, — немного помедлив, откликается он. — Я не должен был срыватьсь.

Да, я не виновата, но я могла бы приложить больше усилий, чтобы связаться с ним. Когда он переехал, я время от времени проверяла его страничку на «Фейсбуке», рассматривала незнакомые лица на «стене» и пыталась представить, как он теперь живет. Как только мы узнали, что случилось, я снова попыталась найти его, намереваясь послать ему какое-нибудь сообщение, но он удалил свою страничку.

— Как это случилось? — спрашиваю я наконец. — То есть я знаю, что это был пожар, но... — Я обрываю себя, понимая, что последнее, чего ему сейчас хочется, это отвечать на кучу моих любопытных вопросов. — Ладно, забудь.

Некоторое время мы сидим в тишине, прислушиваясь к треску ночных насекомых. Он начинает рассеянно выдергивать травинки, проросшие сквозь доски ступенек.

— Меня там не было, — говорит он вдруг. — Я играл в видеоигры у моего друга.

— Это был несчастный случай?

— Да, так сказал начальник пожарной охраны. Неисправная проводка. Мне повезло, что меня не было дома. Или не повезло, — мрачно добавляет он.

Я не знаю, что на это отвечать. Мне хочется задать ему еще один вопрос, но я говорю себе, что сейчас не время. Он замечает это по моему лицу.

— Спрашивай.

— Как ты можешь здесь жить? Я имею в виду — один?

— В августе мне исполнилось восемнадцать. И мне выплатили много денег по страховке.

— Да, но дом? Это не создаст проблем с кредитной историей?

Он поводит вокруг себя рукой:

— Посмотри вокруг, Софи. Он был выставлен на продажу в течение шести месяцев — я мог сказать им, что хочу купить его потому, что мой старый дом полон трупов, и они все равно согласились бы и уточнили, когда я смогу поставить подпись.

Снова наступает неловкое молчание.

— Так ты не будешь ходить в школу? — спрашиваю я наконец.

— Нет.

— Почему?

— Какое это имеет значение?

— Что ты имеешь в виду?

Он собирается что-то ответить, но потом передумывает.

— Кому какое дело до всего этого? — говорит он уже более спокойно.

— Будущим знакомым, которым придется с тобой общаться, — не подумав, говорю я, и мне тут же становится мучительно стыдно за свою бесчувственность.

— Знаешь, ты все такая же, — говорит он, и я с облегчением вижу, что он улыбается.

— Вредная и плохо бегаю?

— Нет.

— Тогда какая?

— Честная, — отвечает он, смотря на меня неопределенным взглядом, и потом указывает на мой нос. — И у тебя по-прежнему три веснушки вот здесь.

Застигнутая врасплох, я машинально подношу руку к носу. И мне вдруг отчаянно хочется заполнить тишину чем-то, кроме моего сумасшедшего сердцебиения.

— Уже поздно, — выпаливаю я.

Джеймс выглядит удивленным:

— Девять часов.

Я смотрю на часы.

— Семь минут десятого, — говорю я, начиная чувствовать себя по-идиотски. Я пытаюсь придумать какую-нибудь тему для разговора, кроме моего превращения в двухметровую уродину. Мне в голову приходит вполне закономерный вопрос: — Послушай, но если ты не ходишь в школу, то почему ты записан?

— Я не записан.

— Нет, записан, — настаиваю я. — Моя подруга должна брать интервью у новеньких, и твое имя есть в ее списке. Разве что есть еще один Джеймс, который сегодня не пришел.

Он медлит с ответом на пару мгновений дольше, чем следует.

— Это распространенное имя, — говорит он.

— Ага, среди странников.

Он резко поднимается.

— Уже поздно. Тебе, наверное, надо идти.

Я смотрю на него снизу вверх, сбита с толку таким внезапным поворотом событий. Он подает мне руку, помогая подняться, я машинально ее беру, и он так резко тянет меня вверх, что я ударяюсь о его грудь. Он бормочет извинения таким расстроенным голосом, что мне остается только промямлить в ответ, что все в порядке. Я открываю рот, чтобы поинтересоваться, не могло ли быть так, что он записался, а на следующий день его поразила внезапная амнезия, но, видя серьезное выражение его лица, я вовремя останавливаюсь. Возможно, его секреты стоят того, чтобы их хранить.

— Пожалуйста, не говори своим родственникам, что я здесь, — мягко просит он. — Я хочу оставаться в тени.

— Ясно, — отвечаю я, думая, что нетрудно будет держать в тайне историю о том, что меня застукали подглядывающей в окно, как последнего извращенца. Неловко пожелав ему доброй ночи, я поворачиваюсь и направляюсь к пролому.

Его голос настигает меня, когда я уже на полпути:

— Я был рад снова тебя увидеть, Софи.

Когда я оборачиваюсь, он уже опять сидит на ступеньке крыльца и смотрит на меня.
— Я тоже, — отвечаю я, сама удивляясь тому, насколько это правда.

Глава четвертая

Верный своему слову, Джеймс не приходит в школу ни завтра, ни послезавтра, ни послепослезавтра. Я понимаю, что для его же пользы мне следует организовать что-то вроде кампании по борьбе с прогулами, но прямо сейчас моя жизнь заполнена другими вещами. Поскольку Влад и его друзья приезжают в школу рано утром и слоняются по коридорам допоздна, может показаться, что у меня масса времени для того, чтобы припереть их к стенке, извлечь из них немного информации и на этом считать дело законченным.

Но это не так.

Вот почему я вынуждена тратить свое драгоценное свободное время на то, чтобы прятаться у дверей класса, где проходят занятия по ораторскому искусству. Линдси сказала, что Невилл записался в их клуб в первый же день, и теперь он там вне конкуренции. Так что на данный момент я готова затащить его в женский туалет и загнать в кабинку, если только это поможет мне начать этот дурацкий проект. Восхищенный смех, доносящийся из-за двери, говорит о том, что они там еще надолго, поэтому я устраиваюсь на полу возле двери и пытаюсь резюмировать то, что мне удалось узнать о других моих объектах.

Проще всего оказалось расколоть Виолетту, но это еще ничего не значит. На второй день она записалась во Французский клуб, став пятым его членом. Я председатель клуба, но она говорит почти бегло. Когда я спросила ее, училась ли она во Франции, она только моргнула в ответ, ответив: «Гувернантки». И хотя здорово, что нашелся кто-то, говорящий достаточно хорошо, для того чтобы обсудить что-то, кроме погоды и физических характеристик наших одноклассников, она не перестала жаловаться на своего невнимательного возлюбленного. Она нашла где-то свой источник журналов, и почти на каждом уроке английского вручает мне потрепанный «Гламур» с загнутыми уголками на большей части страниц и спрашивает мое мнение. Не знаю, с чего она взяла, что я источник знаний о мальчиках, но я не спешу разоблачать мою неопытность, опасаясь, что тогда не смогу получать ответы на личные вопросы, которые ловко вворачиваю в наши беседы. На данный момент мне удалось выяснить, что ее любимый цвет — фиолетовый, она любит кататься на лошадях в парке и они с друзьями приехали из северной части штата Нью-Йорк.

— Смотри, — сказала она однажды перед уроком английского, уклоняясь от ответа на мой вопрос о каникулах ее мечты и указывая пальцем на заметку в разделе об отношениях.
— Здесь говорится, что вполне приемлемо целоваться на первом свидании. Это правда?

— Конечно.

— Значит, так много лет у меня все было шиворот-навыворот, — сказала она, готовая расплакаться.

— А ты когда-нибудь думала о том, чтобы встречаться с кем-то еще?

Она только отрицательно покачала головой:

— Нет, я не могу с ним порвать. Он обязан мне всем. И я не позволю этому повториться снова, слышишь? Не позволю.

Тогда я решила отложить битву на следующий день, возможно, предварительно вооружившись книжками из серии «Помоги себе сам». Учитывая то, что я никогда не видела, как она ест, я подозреваю, что она питается исключительно психологическими консультациями.

Марисабель оказалась гораздо более сложным объектом. Хотя по расписанию она должна быть со мной на французском, она так ни разу и не пришла на урок сказать «*repetez, s'il vous plait*». Я слышала, что она проводит большую часть времени в туалете, жалуясь на жизнь другим девушкам, прогуливающим уроки. Они всегда одеваются в черное, хранят

верность высоким армейским ботинкам и носят потрепанные книги «Под стеклянным колпаком»³ в объемистых сумках через плечо. Я их побаиваюсь, поэтому до сих пор жду случая встретить ее без этой банды. Пока безуспешно.

А тут еще Джеймс. Я не должна даже думать о нем. Джеймс — не моя проблема, он проблема Линдси. В сущности, самая большая ее проблема.

— Я сегодня допрашивала отдел по посещаемости, — бушевала она на журналистике, пролистывая свои записи. — Он вообще ни разу не приходил в школу! Я сказала об этом мистеру Амадо, чтобы он позволил мне убрать его из списка, но он ответил, что иногда журналисту приходится приложить некоторые усилия, чтобы найти свой объект.

Тогда я только нервно улыбнулась в ответ и сказала, что я ее понимаю. Даже сейчас я чувствую себя виноватой в том, что скрываю местонахождение Джеймса, тем более что, как мне кажется, мое молчание связано скорее со страхом, что Линдси меня опередит, чем с данным Джеймсу обещанием. Ничто не мешает мне рассказать ей что-нибудь, что позволило бы мистеру Амадо вычеркнуть Джеймса из списка. Я должна это сделать. И я это сделаю.

Нахмурившись, я просматриваю блокнот и размышляю, сколько еще неудач я должна претерпеть, чтобы превратиться в настоящую стерву, когда вдруг слышу два голоса, доносящихся из-за угла, — один мужской, другой женский, и оба сердитые. Я поспешно прячусь за дверью открытого кабинета; они, скорее всего, через секунду уйдут, и я смогу вернуться к надзору за группой ораторского искусства.

— Марисабель, я уже говорил. Это политика, — раздосадовано произносит голос, который я определяю как голос Влада. Пока что большая часть знаний о нем досталась мне из вторых рук — от Кэролайн, которую до сих пор переполняет эйфория от того, что она подцепила этого загадочного нового парня. Единственное, до чего я дошла своим умом, — это то, что я хотела бы его ударить. Больно. И не только потому, что он отказался дать мне интервью. Я видела его с Кэролайн. Когда она смотрит на него, он спокоен и любезен, но стоит ей отвернуться, как его лицо в ту же секунду становится холодным и удивительно... непоколебимым.

Не в силах противостоять искушению посмотреть на нецензурированную версию Влада, я украдкой выглядываю из-за двери. Они стоят у дальней стены. Марисабель прислонилась к шкафчику, подняв колено, а Влад нависает над ней. Девон и Эшли, как всегда, хранящие молчание, околачиваются поблизости.

— Но прошла уже неделя, — говорит Марисабель, — а ты так и не сдвинулся с мертвой точки. Единственное, что я пока вижу, — это то, как ты вьешься около той блондинки.

— Прошло три дня, если хочешь знать. И ты могла бы помочь мне, вместо того чтобы слоняться без дела с этой сворой гарпий.

— Они не гарпии. Напротив, они очень милы, — Влад пренебрежительно фыркает, и Марисабель решает сменить тактику. Протягивая руку, она легко касается его лица. — Почему мы не уедем? Только ты и я, как прежде.

Резко оттолкнув ее руку, он ударяет кулаками по шкафчику, так что ее голова оказывается между его рук.

— Я устал жить так, словно нас не существует, — со злостью говорит он, и его слова звонко разносятся по коридору. — Если ты хочешь бродяжничать и скрываться — хорошо. Я остаюсь здесь.

Марисабель не отвечает и только, стиснув руки, смотрит на потертый синий ковер. Я бросаю взгляд на Девона и Эшли, чтобы проверить, пугает ли их это так же, как меня, но они просто стоят, тупо уставившись в пространство.

— Я жду твоего ответа, — произносит Влад, выпрямляясь, но не отпуская Марисабель.

³ «Под стеклянным колпаком» — роман американской писательницы Силвии Плат, в котором рассказывается история тяжелых душевных переживаний героини, задумывающейся об уходе из жизни.

Я слышу, как тикают часы, висящие над дверью.

— Я не хочу никуда уезжать без тебя, — шепчет она наконец.

— Прекрасно. Теперь, я думаю, мы можем идти, — говорит Влад, поворачиваясь так стремительно, что я еле успеваю сунуть голову обратно за дверь. Задержав дыхание, я жду, пока они пройдут мимо. Когда их голоса достигают главного вестибюля, я вылезаю из своего укрытия с новым планом наготове. Сначала мне нужно будет убедить Кэролайн в том, что она должна бросить Влада, а потом, что бы там ни говорил мистер Амадо, я докопаюсь до того, чем занимаются здесь эти люди. Потому что одно я знаю точно: он и Марисабель — вовсе не обычные сводные брат с сестрой, и здесь они не просто потому, что его родители «уехали в Европу».

Как по команде, дверь класса ораторского искусства со стуком распаивается, и ученики начинают расходиться. Когда появляется Невилл, я выскакиваю перед ним и торопливо проговариваю стандартную форму: интервью, новые ученики, дурацкие вопросы для поддержания беседы, пожалуйста, помощи мне. О том, какой бесстрастный допрос я устрою, когда мы покончим с любимыми фильмами, я пока решаю умолчать.

— Конечно, — отвечает он и, слегка приобняв меня за талию, проводит в соседний класс — класс здоровья, судя по рисунку мутантных яичников на доске. Мы садимся, и он выжидающе смотрит на меня. Чтобы не пугать его раньше времени, я начинаю с вопросов, которые кажутся мне скучными. Но когда я спрашиваю, нравится ли ему здесь, в Томасе Джеффе, его лицо расцветает: — О да! Здесь такие свободные порядки, — восклицает он. — Вчера я подрался с одним парнем, который обвинил меня в том, что я пялюсь на его девушку. Я и правда пялился, но не потому, почему он подумал. — Он указывает на мочку своего уха. — У нее дырка размером с пуговицу, прямо тут.

Трудно представить себе место, по сравнению с которым власть директора Морган показалась бы анархией.

— Где ты учился раньше?

Он медлит с ответом на секунду дольше, чем следует.

— То тут, то там.

— А где было тут и где было там?

— Ой, я не помню, — отвечает он и, наклонившись, заглядывает в мой блокнот. — Какие еще у тебя есть вопросы?

Я временно сдаю позиции, и мы начинаем болтать про хобби. Он не фанат спорта, но достаточно разбирается в боксе, чтобы суметь ударить кулаком в нос, если его зажмут в углу; ему всегда нравилось актерское мастерство, но у него давно не было возможности этим заняться; занятия по ораторскому искусству — прекрасная возможность вспомнить старые монологи. Поскольку все идет хорошо, я осторожно возвращаюсь к более деликатным вопросам:

— Так ты живешь с Владом, верно?

До этой минуты Невилл казался идеальным объектом для интервью: откликался на все мои вопросы и очень мило формулировал ответы в лаконичной форме. Но теперь я буквально вижу, как между нами вырастает стена. Вместо ответа он только сухо кивает.

— Вы давно знаете друг друга?

— Несколько лет.

— Как вы познакомились?

Он отводит взгляд, как сенатор, которому задали аналогичный вопрос про нового стажера:

— Обыкновенно.

— То есть?

— На уроке, — быстро отвечает он.

— На каком?

— На уроке музыки.

Надеюсь, что актер из него лучше, чем импровизатор.

— Как интересно, — говорю я. — Мне не терпится услышать эту историю от Влада. Ой, можно было бы сфотографировать вас обоих с вашими инструментами! — восклицаю я, зная, что только сумасшедший согласится на то, чтобы это опубликовали в школьной газете.

— Ой, нет, я не хочу! — паникует он. — Не пиши это.

Я прячу улыбку за блокнотом:

— Что, прости?

— Нет, я думал про... другого друга. Джорджа. Да, Джорджа.

— А с Владом-то ты как познакомился?

Он откидывается на спинку стула, нервно посматривая в сторону двери. Сдержанно кашлянув, он закатывает рукав, открывая маленькую, странно переливающуюся татуировку на внутренней стороне предплечья. После того как он ввязался в драку из-за того, что глазел на туннель в ухе какой-то девчонки, я не ожидала увидеть у него на коже что-то подобное. Это восьмиконечная звезда, светлая в центре и переходящая в переливчатый темно-синий на концах лучей. В центре она образует завиток — нет, стоп, не завиток, а орнаментированную букву «Д».

— Интересная татуировка, — замечаю я. — Зачем здесь «Д»?

Следуя за моим взглядом, Невилл смотрит на татуировку с таким видом, как будто у него на руке сидит скорпион.

— Вывшая подружка?

Он фыркает:

— Еще чего. Давай лучше поговорим о чем-нибудь другом. Я могу рассказать, как когда-то играл Оберона из «Сна в летнюю ночь».

— Что означает эта звезда? — спрашиваю я, отказываясь сдаваться, но потом решаю смягчить вопрос. — Прости, просто я обожаю татуировки. Я думаю и себе сделать, но я очень хочу, чтобы она, ну, знаешь, имела какой-то смысл.

— Она ничего не означает, — как-то непривычно резко отвечает он. — Я бы избавился от нее, если б мог, но эта проклятая штука не стирается. Они позаботились об этом.

Его тон приводит меня в замешательство.

— Ты имеешь в виду тату-мастера? — невинно переспрашиваю я. — Тогда ясно.

— Нет, я имею в виду... — Невилл замолкает, словно опасаясь проговориться. Он пытается скрыть это за непринужденной улыбкой, но мне ясно, что он зол на себя. Когда я снова бросаю взгляд на его татуировку, он опускает рукав. — Мы закончили? Мне нужно собираться домой.

— Нет, — отвечаю я, решив воспользоваться его замешательством и перейти в атаку. — Какие на самом деле отношения у Влада и Марисабель?

Его глаза расширяются.

— Это не... Я не... Они брат с сестрой, — неловко заканчивает он.

— Ясно. Тогда что это за фирма такая, которая отправляет родителей Влада в длительную командировку в Европе? И как твои родители могут спокойно относиться к тому, что шесть подростков живут вместе? И что Влад имеет в виду, говоря, что он...

Он резко встает, с грохотом опрокинув парту. Не успеваю я опомниться, как он стискивает мою руку мертвой хваткой.

— Было здорово поболтать с тобой, — говорит он. — Я серьезно. Мне понравился наш разговор. Но перестань задавать так много вопросов. Пожалуйста.

И не успеваю я его задержать, как он исчезает за дверью.

По дороге домой я прокручиваю в голове интервью, проклиная себя за то, что была слишком настойчивой и допытывалась о татуировке и загадочном слове «они». Я вспоминаю обрывок разговора, услышанного в столовой, где они не сошлись во мнениях по поводу важности посещения уроков базовых навыков; Влад определенно ведет себя как какой-нибудь босс, а существование некой организации объясняет то, почему они знали друг друга еще до переезда сюда.

Поворачивая на подъездную дорожку вслед за серебряным «жуком» Кэролайн, я перебираю в голове возможные варианты. Культ? Социальный эксперимент? Новое отстойное реалити-шоу для MTV? Все версии выглядят нелепо, и ни одна из них не объясняет, почему сразу же по прибытии сюда Влад нацелился на Кэролайн.

Это напоминает мне о том, что первым делом я должна убедить Кэролайн бросить Влада. Обычно я предпочитаю не говорить с Кэролайн о мальчиках. Когда нам было восемь и я рассказала ей, что мальчик, в которого она влюблена, ковыряется в носу, она меня поколотила. Но учитывая то, что отношения с Владом, судя по всему, могут оказаться гораздо опаснее козявок в носу, я решаю попробовать еще раз. Хотя я бы с радостью отложила этот разговор на потом — например, на тот момент, когда она съест ведерко мороженого. Или, еще лучше, на тот момент, когда в нее случайно попадет дротик с транквилизатором на африканском сафари.

Спальня Кэролайн находится на втором этаже. Войдя в открытую дверь, я обнаруживаю ее стоящей посреди бежевого ковра и примеряющей розовый сарафан. Он сочетается по цвету со стенами и делает ее похожей на балерину из музыкальной шкатулки. Под мышкой у нее все еще болтается бирка, и Кэролайн пытается оторвать ее, втягивая щеки и рассматривая себя в высоком зеркале. Сделав несколько глубоких вдохов, чтобы расслабиться, я легонько стучу по косяку двери.

— Софи! Ну, что думаешь? — поворачивается она ко мне, придерживая подол сарафана. — Мне кажется, я в нем похожа на пирожное.

— А ты хочешь выглядеть как пирожное?

— Конечно. — Она перегибается назад, чтобы рассмотреть в зеркале свою попу. — Хочу, чтобы Влад откусил кусочек.

О господи.

— Я вообще-то хотела с тобой поговорить о нем. — Я присаживаюсь на край кушетки. — Я услышала о нем кое-что, и это меня очень смущает.

— Что? Ну, иногда он бывает немного назойливым со своими вопросами, — говорит она, пританцовывая и покачиваясь на носочках, как будто стоит на невидимых каблуках. — Я просто пропускаю их мимо ушей.

— Я слышала, как он говорил с Марисабель в коридоре. Говорил про тебя. Я думаю, он что-то скрывает, и я думаю, он опасен.

Произнесенная вслух, эта фраза прозвучала очень мелодраматично, как будто я героиня сериала на канале «Лайфтайм Мувис». Я бы назвала этот сериал «Безумец и его фальшивая сестра».

Она машет на меня рукой:

— Не говори глупостей. Как тебе кажется, у меня толстые ноги?

Нужно было подольше подышать в коридоре.

— Кэролайн. Я серьезно. Есть что-то странное во всем этом.

Кэролайн прекращает вертеться перед зеркалом и ловит в зеркале мой взгляд.

— Знаешь, я удивлена, — говорит она. — По-моему, я никогда раньше не замечала, чтобы ты ревновала.

— Ты шутишь.

— Ты никогда не бегаешь за мальчиками в школе, но Влад слишком оригинальный, так что я могла бы догадаться, что ты будешь заинтересована. Мне жаль, что он не обращает на тебя внимания, но я не виновата, что нравлюсь ему. И я говорила тебе, что пора бы уже начать пользоваться помадой. — Она вдруг поворачивается ко мне, и я буквально вижу, как у нее над головой загорается лампочка. — Брат Аманды, Джейсон, ищет девушку для вечера встречи выпускников. Я могу все устроить. Он любит писать и все такое.

— Ты имеешь в виду Джейсона, который рассказывает всем, что он эльф из Средиземья? Я пас. — Нужно остановить ее, пока она снова не принялась за сватовство. — Но речь не об этом. Речь о том, что ты должна порвать с Владом.

— Так, давай посмотрим, — говорит Кэролайн и начинает считать, загибая пальцы. —

Он умный, сексуальный, хорошо одевается, не тратит половину своего времени на «Варкрафт», как Томми, и ему по-настоящему интересна моя жизнь. Так что... нет. Найди себе своего парня.

Она достает из косметички помаду и возвращается к зеркалу.

— Кэролайн...

— Разговор окончен. Уходи.

Я не двигаюсь с места, и тогда она хватает с кресла плюшевого медведя и швыряет в меня.

— Вот как? Что ж, отлично. Встречайся с ним. Рожайте маленьких невоспитанных детей, — говорю я и, хлопнув дверью, топаю к себе в комнату. Дойдя до верха лестницы, я обнаруживаю, что все еще держу в руках медведя, который словно усмехается надо мной своим вышитым ртом. Я швыряю его с лестницы вниз головой. Возможно, это послужит для Кэролайн хорошим примером.

«Все прошло не слишком удачно», — думаю я, падая на кровать. Нужно было как-то поаккуратнее подготовить Кэролайн к разговору о Владе, начав, например, с болтовни о кредитных карточках или таблетках с кофеином. Теперь мне ясно: чтобы отогнать Кэролайн от Влада, нужно вооружиться доказательствами. Я хватаю с пола свой макбук и ставлю его на колени. Повинуясь какому-то странному импульсу, я вбиваю в «гугл» слова «Восьмиконечная черная звезда татуировка на руке» и получаю полный ассортимент фотографий людей, показывающих свои новые татуировки, а также горстку академичных рассуждений о том, что восьмиконечные звезды обычно символизируют хаос. Разумно, но совершенно бесполезно. Нет ничего с буквой «Д» в центре и ничего, хотя бы отдаленно напоминающего татуировку Невилла.

Вот дерьмо. Я размышляю о том, что беллетристика создает нереалистичные представления о всесильности Интернета, когда вдруг слышу, как что-то ударяется о мое окно. За этим следуют еще три легких щелчка и громкий треск. Это камни.

Окно поддается не сразу, рассыпая хлопья краски. Наконец мне удается его распахнуть. Убедившись, что горизонт чист от гальки, я поднимаю сетку и высовываю голову наружу. Джеймс смотрит на меня снизу вверх, на лице у него написано удивление, что ему пришлось ждать так долго.

— Мне казалось, кидание камней разрешено только после полуночи, — заявляю я. — В следующий раз попробуй воспользоваться дверным звонком.

— Ага. Я, конечно, могу ошибаться, но, по-моему, это отличная подсказка, что я здесь.

— И почему, интересно, это является проблемой?

Он игнорирует мой вопрос:

— Знаешь, я удивлен, что ты еще не пришла меня повидать. Ты вечно приходила к моей двери и надоедала мне. Помнишь, как я отказался попробовать твой магический трюк «Смертельный прыжок»?

О да, я помню. Честно говоря, я не могу винить его за то, что он не захотел прыгать с крыши в детский бассейн, а теперь, вспоминая об этом, я думаю, что этот трюк был не таким уж магическим. Но все это к делу не относится.

— Мне кажется, у тебя искаженные воспоминания, — заявляю я. — Это ты мне докучал.

— Как печально, что ты живешь иллюзиями, — говорит он и затем, прежде чем я успеваю придумать уничижительный ответ, кивает в сторону ограды. — Выходи. Можем обсудить, насколько ты не права.

— Заманчиво.

— Очень заманчиво, — говорит он с такой ангельской улыбкой, что это перестает казаться мне заманчивым. На нем серая рубашка с длинными рукавами и джинсы, которым не помешало бы немного стирального порошка, но помятый вид определенно ему идет. Однако я немного опасаюсь за свое поведение: моя бдительность подорвана усталостью, разочарованием и тем фактом, что теперь моя сестра меня ненавидит. Кроме того, сегодня я

уже получила свою дневную дозу тайн и загадок, а отшельническое поведение Джеймса только заставляет меня задаваться новыми вопросами.

— Вот что, — предлагаю я, перевешиваясь через подоконник и стараясь не свалиться вниз головой в кусты, — приходи завтра в школу, тогда и поговорим.

Не знаю, чего ожидал Джеймс, но явно не этого.

— Но...

— Спокойной ночи, — нараспев произношу я, захлопывая окно, пока до меня не успели донестись другие его увещевания. Без ночного воздуха моя комната вдруг кажется мне душной и тесной. Но хуже всего то, как взволнованно колотится мое сердце. Это оттого, что я перегибалась через подоконник, решаю я. И кроме того, думаю я, выключая лампу и ныряя под одеяло, его необъяснимая ненависть к школе — хороший повод не выполнять данное ему обещание.

Глава пятая

На следующее утро я жду Виолетту у ее шкафчика. Когда она, торопясь, выходит из-за угла, я атакую ее очередной порцией вопросов, включая тот, есть ли у нее на теле какой-нибудь боди-арт. Если они все принадлежат к некой группе, было бы логично, что у них у всех одинаковые татуировки или, по крайней мере, какие-то их вариации. В этот момент я кажусь себе очень умной.

— Боди-арт? — переспрашивает она, отрывая ниточку от подола хлопкового девчачьего платья с цветочным рисунком. Из-под него виднеются синие колготки и ботинки с многочисленными кнопочками. Ее наряды становятся все более и более авангардными.

— Татуировка, — говорю я. — Или пирсинг. Или татуировка.

Она по-прежнему выглядит озадаченной, и я начинаю сомневаться в своих умственных способностях. Несмотря на это, я все-таки указываю на колченогую бабочку на открытой лодыжке какой-то девочки, пытающейся откопать книгу в своем шкафчике. — Что-то вроде этого.

— О нет, — отвечает она. — Я бы никогда не стала рисовать на себе насекомых.

— Это не обязательно должны быть насекомые, это может быть что угодно. Звезда, например.

Ее лицо проясняется:

— У Невилла есть что-то такое!

Мое сердце начинает биться быстрее.

— А еще у кого-то из твоих знакомых?

— Да! — отвечает она, бросаясь к шкафчику и вытаскивая оттуда журнал. Она пролистывает его и находит фотографию певицы Рианны. — Вот здесь, — говорит она, показывая на пятнышко под ее ухом. — Мне кажется, это сделано с большим вкусом.

— Я имела в виду кого-то, кого ты знаешь лично. Может быть, Марисабель?

Она отрицательно качает головой:

— Не, ни у кого. Но это была очень содержательная статья. У меня такое чувство, будто я сама знакома с Рианной, — настаивает она и затем уходит на урок, не закрыв дверцу своего шкафчика. В надежде найти там ключ к разгадке, я заглядываю внутрь, но обнаруживаю только гору журналов и ничего больше. «По крайней мере, теперь у меня есть помноженное на четыре подтверждение того, что они здесь не по академическим причинам», — думаю я, разочарованно захлопывая шкафчик. Итак, они не являются членами клуба «Татуировка месяца», но Невилл определенно попел себя очень странно, когда я спросила его про татуировку. Как все это связано?

В течение следующих двух уроков я пытаюсь придумать хотя бы одну теорию, которая не казалась бы безнадежно глупой, но с наступлением обеда у меня появляются другие дела.

Сегодня пятница, а значит, мистер Амадо захочет увидеть черновики наших статей. А мне до сих пор нечего сказать про Влада и Марисабель. Я решаю в очередной раз обдумать вопросы в надежде запастись мужеством для повторной атаки. Отыскав свободное место в углу столовой, я достаю блокнот и открываю его на страничке с моими вопросами типа «Какую книгу ты бы взял с собой на необитаемый остров?» или «Какие пять песен на первом месте в твоём плейлисте?». Я раздумываю, стоит ли добавить вопросы, которые вертятся у меня в голове: «Являетесь ли вы главой какого-либо культа?» или «Если бы вы оценивали уровень своего психоза по десятибалльной шкале, какой балл вы бы себе поставили? Десять?».

Я грызу колпачок ручки и смотрю на листок линованной бумаги, пытаюсь придумать эвфемизм для замены слова «психоз». Вдруг на стол падает чья-то тень. Обычно в таких ситуациях я притворяюсь невоспитанной, пока незваный гость не уйдет, но сейчас это представляется невозможным, потому что гость садится рядом и начинает барабанить пальцами по столу.

— Вы не возражаете? — спрашиваю я, не поднимая глаз.

— Учитывая то, что ты велела мне прийти сюда, чтобы поговорить, — да, я возражаю, — отвечает голос, акцентируя свои слова ударами пальцев по столу. — В любом случае, почему ты здесь прячешься? Тут пахнет моющими средствами и кетчупом.

Я вскидываю голову. Джеймс сидит напротив меня. Ему очень идет его темно-зеленая футболка и самоуверенная усмешка. Темная челка лихо опущена на одну бровь.

— Ручка во рту выглядит очень соблазнительно, кстати, — замечает он.

Я резко вытаскиваю ручку изо рта, скрипнув зубами.

— Что ты здесь делаешь?

— Отдает приказы и тут же о них забывает. Классно.

— Я не думала, что ты воспримешь это всерьез.

— Оказалось, что довольно скучно сидеть дома весь день. — Он перегибается через стол, чтобы сунуть нос в мой блокнот. — Что ты пишешь?

— Проект по журналистике. Важный, — отвечаю я, надеясь, что на этом разговор окончится. Я все еще пытаюсь перебороть чувство ностальгии, которое испытываю, снова сидя в столовой за одним столом с Джеймсом Хэллоуэлом.

— Круто, — говорит он и затем обводит взглядом пустые места вокруг меня. — Вижу, ты все такая же одиночка.

— Я никогда не была одиночкой.

— Конечно, — отвечает он. — У тебя куча друзей. Просто они невидимые — невидимые друзья, которым ты приказала сидеть на другой стороне песочницы.

В голове проносится смутное воспоминание о том, как я приказывала Крошке Питу дать мне больше места, но я отгоняю эту мысль прочь.

— Может быть. Неважно, — говорю я. — Пожалуйста, могу я вернуться к своему делу?

— Точно. Проект по журналистике. — Он поворачивает голову и вслух читает четвертый вопрос. — «Если бы вы были животным, то каким?» Вау! Нужно предупредить Кэти Курик⁴, чтобы она следила за тылами.

Да, я и сама знаю, что последний вопрос притянут за уши. Я вычеркиваю его и прошу Джеймса заткнуться.

— Мне нужно провести интервью с новенькими, и остались только эти двое. — Я указываю на него ручкой. — А с тобой, между прочим, тоже кое-кто хочет провести интервью.

Он достает из кармана смятый комочек клейких листочков.

— Так вот что это такое. Они были засунуты в мой шкафчик.

Он бросает их на стол. Я сразу же узнаю размашистый почерк Линдси. На синем листочке, упавшем на мой блокнот, написано очень вежливое: «Джеймс, пожалуйста, дай

⁴ Кэти Курик — известная американская журналистка и телеведущая.

мне знать, когда мы могли бы встретиться. Я хочу задать тебе несколько вопросов». Ярко-розовый, лежащий на моей папке, черными маркерными буквами взывает: «ПОЖАЛУЙСТА, ПОГОВОРИ СО МНОЙ». Судя по всему, Линдси катится по той же скользкой академической дорожке, что и я. По крайней мере, она, судя по всему, тоже хочет любыми средствами найти свой последний объект и успокоиться.

Джеймс здесь, в школе. Это означает окончание проекта для Линдси. А окончание проекта для Линдси означает, что она будет лидировать в рейтинге мистера Амадо. Я своими руками вырыла себе яму. Я оглядываю столовую в поисках ярко-рыжих волос и замечаю Линдси за одним из круглых центральных столиков, нагнувшуюся над стопкой плакатов с толстым красным маркером в руке. Если только нам удастся пережить этот обед без того, чтобы она взглянула в мою сторону, это будет настоящий успех.

— Чувак! — вопит кто-то. — Ты вернулся!

Повернув голову, я обнаруживаю Джеймса и Дэнни Бауманна в самом разгаре сложного ритуала приветствия кулачками. Сделав последний выпад, Дэнни плюхается на стул напротив меня. Много воды утекло с тех пор, когда я в последний раз сидела так близко от него; карамельный загар на его шее до сих пор оказывает на меня гипнотизирующее воздействие.

— Что ты здесь делаешь? — спрашивает он Джеймса. — Ты переехал в четвертом классе или типа того.

— В восьмом, — отвечает Джеймс. — Почти угадал. Как дела?

В былые времена они с Джеймсом играли вместе во всех спортивных командах, и по меньшей мере три раза в неделю я, возвращаясь домой, обнаруживала их на лужайке — они то ли кидали друг другу мяч, то ли пытались отнять его друг у друга. Это никогда не было очевидно. А что очевидно, так это то, что Джеймс, похоже, не так уж счастлив видеть своего давно утраченного друга.

— Потихоньку, — отвечает Дэнни. — Я полностью прошел игру «Halo 2». На Легендарном уровне.

— Это потрясающе.

Дэнни гордо кивает:

— Да, знаю. А почему ты сидишь здесь в одиночестве? Все знают, что в этом углу воняет. Эй, Аманда! Угадай, кто здесь? — кричит он через всю столовую и затем поворачивается к Джеймсу. — Она точно захочет снова с тобой встречаться.

— Круто, — отвечает Джеймс. — Вообще-то сейчас я разговариваю с Софи, но я могу заглянуть к тебе позже.

Дэнни наконец замечает меня. Повисает неловкое молчание. Он моргает. Я бодро улыбаюсь и изображаю приветственный жест, о котором я буду жалеть всю свою оставшуюся жизнь.

— Ладно, чувак, — говорит он, поднимаясь. — Но мы должны потусоваться с тобой. Поиграть чутков в «Halo» по старой памяти.

— Конечно.

Они снова исполняют кулачный ритуал. Я жду, пока Дэнни окажется на безопасной дистанции и снова усядется за свой стол.

— Ты мог уйти посидеть с ними, — говорю я, хотя какая-то часть меня нелепо радуется, что он остался на месте.

— Я пришел, чтобы поговорить с тобой, а не с Дэнни Бауманном, — замечает он. Наши взгляды встречаются, и я чувствую, как у меня теснит в груди. Но, отведя на мгновение глаза, я вижу кое-что, отчего у меня теснит в груди еще сильнее: Линдси Аллен с восторженным лицом, широким шагом направляющаяся к нам.

Схватив блокнот, я лихорадочно запикиваю под него все клейкие листочки, которые она оставила в шкафчике Джеймса.

— Помоги мне, — умоляю я.

— Что...

— Приветик! Кто это? — прервав Джеймса, нетерпеливо спрашивает Линдси. Она протягивает руку, похожая в этот момент на маленького дипломата. — Я Линдси. Дай мне знать, если тебе понадобится экскурсия по школе. За это отвечает Ученический совет.

— Тед, — выпаливаю я, пока Джеймс не успел ничего сказать. — Его зовут Тед. Он приехал из Теннесси. И ненавидит экскурсии.

Меня изучают две пары глаз, но мой взгляд надолго задерживается только на зеленых глазах Джеймса. Наконец он перегибается через стол и пожимает ей руку.

— Меня зовут Тед, — говорит он, изображая легкий акцент. — И у меня аллергия на экскурсии.

Либо Линдси рассержена его отказом посмотреть на Доску почета, либо она не купилась на его историю.

— Правда? В последние дни я провела много времени в комитете по посещаемости, и я не видела твоего имени ни в одной из анкет новых учеников.

— Мы переехали очень внезапно. Мои родители то надолго оседают в горах Аппалачи, то вдруг срываются с места и уезжают работать на «Гугл». — Джеймс пожимает плечами. — Что тут поделаешь?

— Ясно. Так из какого ты, говоришь, города?

— М-м-м... из Колумбуса.

Линдси недоверчиво прищуривается и явно старается вспомнить, правда ли в Теннесси есть город Колумбус. «Нэшвилл, — хочется закричать мне. — Почему ты не выбрал Нэшвилл? Или Мемфис? Черт возьми, Джеймс, пора уже выучить столицы штатов!» Хотя вряд ли это сделало бы наш обман менее очевидным.

— Тед случайно не сокращенное от Джеймс? — осведомляется она.

— Нет.

Очевидно, что Линдси не представляет, как бороться с объектом интервью, совершенно нерасположенным к сотрудничеству. Она, нахмурившись, смотрит в пол и потом переводит взгляд на меня. Ее сверкающие от злости глаза полны разочарования и обиды за предательство.

— Увидимся на журналистике, Софи. Мистер Амадо удивится, узнав, что он не заметил нового ученика, — убийственно холодным тоном говорит она и уходит прочь.

Я чувствую себя слизняком — одним из тех гигантских, на которых останавливаются посмотреть семьи, путешествующие в мини-вэнах на летних каникулах. До сих пор я ковырялась в своей тарелке, но теперь отодвигаю ее в сторону, так что несколько ломтиков картошки-фри падают через край.

— Ну и что все это значит? — будничным тоном небрежно осведомляется Джеймс.

— Ничего, — бормочу я в ответ.

— Ты только что придумала для меня альтернативную личность. Не то чтобы я против, но она получилась какая-то дурацкая. Тед. Из Теннесси.

Я вздыхаю. Придется мне признаться.

— Это та девушка, которая хочет взять у тебя интервью.

— Я догадался, — говорит Джеймс и затем гордо выпячивает грудь. — Как мило, что ты так обо мне заботишься.

— Мечтать не вредно, — парирую я, не особенно веря в свои слова. — Дело вот в чем. Она мой конкурент на место главного редактора, и ей осталось взять интервью только у тебя. Мне не хватает еще двух интервью, а если она закончит сегодня, то мне остается только сдать прямо сейчас. Я веду себя глупо, по-детски и мелочно. Знаю, знаю. Но я не понимаю, почему Влад и Марисабель не могут просто поговорить со мной! — восклицаю я, в отчаянии ударяя кунаком по столу.

Джеймс ничего не отвечает. Я пытаюсь разгадать выражение его лица, волнуясь, что он теперь будет считать меня ужасным человеком. Эта мысль лишает меня присутствия духа почти так же, как мысль о том, что Линдси теперь считает меня настоящей стервой. Но когда он наконец открывает рот, я слышу совсем не то, что ожидала услышать:

— Тебе осталось взять интервью у Влада и Марисабель?

Облегчение от того, что он меня не осуждает, заставляет меня на одном дыхании признаться ему во всем.

— Да. Но мало того, что они не хотят говорить со мной, — они меня пугают до ужаса. Они не обычные ученики. Вчера я подслушала очень странный разговор. Влад встречается с моей сестрой. И, возможно, со своей сестрой тоже.

Джеймс встревожено смотрит на меня.

— Софи, держись от них подальше. И скажи Кэролайн, чтобы делала то же самое.

Его горячность меня поражает.

— Но почему?

— Неважно почему, — резко отвечает он. Прежде чем я успеваю выразить свое возмущение по поводу этих угроз, он с решительным видом наклоняется вперед. — Что, если я заставлю их ответить на вопросы? К тому же у тебя они уже написаны.

— Это очень мило с твоей стороны, — говорю я. — Но почему ты думаешь, что они уделят тебе больше внимания, чем мне?

Повисает долгая пауза.

— Потому что я их знаю.

— Ты имеешь в виду, что познакомился с ними сегодня утром?

— Нет, я хочу сказать, что учился с ними в моей предыдущей школе, — произносит он быстро — слишком быстро — и при этом смотрит куда угодно, но только не на меня.

Пару секунд я просто тупо на него пялюсь.

— Ты хочешь сказать, что они твои друзья? — спрашиваю я.

— Нет! — резко отвечает он. — Я не хочу иметь с ними ничего общего.

— Но я не понимаю, — упорствую я. — Шесть человек из твоей старой школы приезжают вслед за седьмым в твой родной город, и это все никак не связано? Смешно! Слишком много совпадений. Они что-то замышляют, я знаю это. Недавно...

Джеймс хватается за руку, и я замолкаю от изумления. Я чувствую прикосновение его пальцев, сильных, но холодных, к тыльной стороне моей ладони.

— Софи, — говорит он тихо, но настойчиво. — Ты должна мне верить, когда я говорю тебе, что пора остановиться. Я не шучу. Я не хочу, чтобы ты была втянута во все это. Пусть случится то, что должно случиться, а потом я просто хочу вернуться к тому, что было. К тому, что было раньше — до того, как я переехал, до того, как мои родители...

— Джеймс, что ты делаешь? Почему ты держишь ее за руку?

Голос Виолетты прорывается сквозь гул смеха и столовой. Он всегда был довольно писклявым, но теперь переходит в визг, звеня от недоверия и напряжения. Она обеими руками судорожно сжимает подол своего платья. Я вырываю ладонь из руки Джеймса и в смятении засовываю ее под стол.

— Виолетта, — начинаю я, но она перебивает меня, с каждым словом приходя во все большее отчаяние.

— Мне говорили, что если я оставлю тебя в покое, то ты образумишься, — кричит она с безумно бегающим взглядом. — Мне говорили, что если я найду свои собственные увлечения, тебя привлечет мое новое «я», моя уверенность в себе. Мне так сказали. Мне сказали так! А теперь ты строишь глазки девчонке, которая одевается как крестьянка — хуже того, как крестьянин, — и целуется на первом свидании. Она потаскушка, Джеймс.

Слово «потаскушка» привлекает некоторое внимание общественности, но сейчас мне на это наплевать. Так вот оно что. Джеймс и есть тот загадочный мальчик Виолетты. Я перевожу взгляд на Джеймса и вступаю в ряды ожидающих ответа. Помолчав немного, он запускает в волосы пальцы и испускает раздраженный вздох:

— Виолетта, я тебе уже говорил. Мне жаль, что я сделал тебе больно. Поверь, если бы я мог повернуть все — все, что было, — назад, я бы сделал это. Но ты должна отпустить меня.

— Но я не могу, — восклицает она, прижимая руки к сердцу. — Я люблю тебя.

Чувствуя, что все это ничем хорошим не закончится, я пытаюсь выступить в роли

миротворца.

— Виолетта, — мягко говорю я. — Мы с Джеймсом не...

— Замолчи, — шипит она. — Это ты виновата в том, что я так запуталась. Ты и твои дурные советы.

От злобы, написанной у нее на лице, у меня замирает сердце. Я кошусь на ее сжатые кулаки, размышляя, придется ли мне сегодня участвовать в честной столовской драке. Но вместо того чтобы броситься на меня, она прикладывает руку ко лбу и начинает клониться в сторону.

— Кажется, мне нехорошо, — произносит она и обрушивается на пол.

Нас окружает толпа, и мне становится нечем дышать. Вздохнув, Джеймс склоняется над ее распростертым телом и слегка похлопывает ее по щеке.

— Виолетта, вставай. Я знаю, что ты не способна падать в обморок.

Ее веки подрагивают. Джеймс как раз собирается похлопать ее по второй щеке, когда мисс Кейт, сегодняшняя дежурная по столовой, прорывается к нам через толпу.

— Что здесь происходит? — грохочет она. — Немедленно отойдите и дайте девочке немного пространства. Сейчас зазвенит звонок. — Она указывает на потолок, и звонок ей подчиняется, видимо, слишком напуганный, чтобы ослушаться. — Слышите? Марш на урок. Прекратите тарашиться.

Кольцо зевак начинает распадаться, ученики расходятся группками по двое-трое. Когда мисс Кейт склоняется над Виолеттой, Джеймс встает и подходит ко мне. Еще не совсем оправившись от потрясения, я собираю вещи и поворачиваюсь к нему, чтобы задать один из многих, очень многих вопросов, но он мягко подталкивает меня к двери:

— Пойдем.

— Но Виолетта...

— Она в порядке. Ну, по крайней мере, физически. Тебе лучше уйти отсюда. — Когда мы оказываемся в коридоре, он выпускает мою руку и смотрит на блокнот, который я прижимаю к груди, как бронежилет. — Тебе все еще нужны ответы на эти вопросы?

— Ну, да.

— Отлично. — Он выхватывает у меня блокнот, вырывает две странички с вопросами для Влада и Марисабель и сует блокнот обратно мне в руки. — Достану их для тебя к следующему уроку, — говорит он, уходя.

— Но...

— Если захочешь вернуть долг, можешь сегодня подбросить меня до дома, — кричит он через коридор. — Буду ждать у твоей машины. Когда ты заканчиваешь?

— В шесть, — отвечаю я, все еще наполовину ошеломленная.

— Хорошо. Ну, увидимся. — Он на секунду останавливается и награждает меня взглядом, значение которого я не могу понять. — И поговорим, — бросает он и исчезает за углом.

Глава шестая

Всю оставшуюся часть дня я никак не могу сосредоточиться. Я то пытаюсь понять, во что ввязался Джеймс, то в ожидании Виолетты посматриваю на дверь. Дверь открывается на середине рассказа мисс Уолпол о главной части сочинения, и у меня холодеет спина. Но это всего лишь Влад, как всегда опаздывающий, и на этот раз я по-настоящему рада его видеть. Отговорившись тем, что он чересчур увлекся книгой в библиотеке, и дико оглядевшись вокруг, он направляется к своему месту. С моей наблюдательной позиции в задней части класса я вижу его волнистые светлые волосы, плечи и одну худощавую мускулистую руку. Стоит мисс Уолпол отвернуться, как он вытаскивает обглоданный листок линованной бумаги и склоняется над ним. Он пишет что-то, и на этот раз не в той маленькой записной

книжке, которую носит в заднем кармане.

После звонка Влад одной рукой сгребает свое имущество и, протолкавшись сквозь расходящуюся толпу, подходит к моему столу. Я шурю на него сквозь свет лампы.

— Ты Софи, верно? — скучающим тоном осведомляется он. Достав уже знакомый мне потрепанный листочек, он бросает его передо мной. — Это тебе.

Опустив глаза, я вижу мой список вопросов, теперь дополненный ответами, написанными убористым витиеватым почерком.

— Спасибо, — отвечаю я, стараясь говорить ровным голосом, несмотря на переполняющую меня ненависть. Возможно, сейчас самое время сказать ему, что у него девчачий почерк.

— Я сделал это, чтобы оказать услугу Джеймсу, не более того, — говорит Влад и поднимает одну бледную бровь. — Что-то еще, что ты хотела бы узнать? Может быть, мое любимое занятие в дождливый день?

— Нет, это все. — Урод. — Спасибо еще раз. — Поднявшись, я пытаюсь протиснуться мимо него. Нормальный человек посторонился бы, чтобы избежать столкновения, но он стоит на месте как вкопанный. У меня противно сосет под ложечкой, но я отказываюсь позволить ему испугать себя. Я с напускной храбростью улыбаюсь, и он удивленно приподнимает одну бровь. Ха. Я уже почти вне опасности, когда моя сумка вдруг зацепляется за спинку стула.

Черт. Пока я пытаюсь отцепить ее, мою шею начинает покалывать, как будто я слишком долго сидела на солнце. Подняв голову, я вижу, что Влад с раздутыми ноздрями смотрит на нее с таким интересом, какого никогда раньше не проявлял к частям моего тела. Это уж слишком.

— Ты не мог бы подвинуться?

Он поднимает на меня взгляд и ухмыляется отчасти сардонической, отчасти самоироничной, но уж никак не извиняющейся усмешкой.

— Мои извинения, — говорит он голосом, полным смеха, так что я удивляюсь, что он не покатывается от хохота. Не оборачиваясь, я иду к выходу.

Не успеваю я дойти до шкафчика, как раздается звонок, поэтому в спешке я едва замечаю сложенный листочек бумаги, который падает к моим ногам. На нем нацарапано корявым почерком.

Софи!

Знаешь, скольких людей мне пришлось опросить, чтобы найти хоть кого-то, кто знает, где твой шкафчик? Говорю же, одиночка. Вот ответы Марисабель. Увидимся в шесть.

Джеймс.

Что ж, у меня теперь есть все ответы. Осталось только придумать какое-то объяснение тому, как со всем этим связан Джеймс.

Я запикиваю листочек в папку. На журналистику я все равно уже опоздала. К счастью, мистер Амадо поглощен газетой, и мое опоздание его совершенно не волнует. Отпустив небрежный комментарий о том, как он польщен, что я присоединилась к группе, он сообщает мне, что как раз собирался проверить наши успехи. Я проскальзываю на свое место рядом с Линдси, которая с обеспокоенным выражением лица просматривает свою папку.

— Поскольку статьи должны быть готовы к следующему вторнику, — говорит мистер Амадо, — вы уже должны были закончить со сбором информации. Линдси и Софи, начнем с вас. Давайте посмотрим.

Мы достаем наши материалы. Я торопливо извиняюсь за состояние листочков с ответами Влада и Марисабель.

— Все в порядке, — отвечает он. — Сегодня нам нужна только информация. Линдси?

Линдси молча вручает ему распечатанные ответы. Мистер Амадо пролистывает их и

затем, нахмурившись, говорит:

— Здесь всего три. Ты поговорила со всеми своими объектами?

Она откашливается:

— Я пока... я пока не смогла найти Джеймса.

— Он так и не появлялся в школе?

— В отчетах о посещаемости написано, что сегодня он приходил. Но его не было в моей группе по математике, хотя по расписанию он должен был прийти. — Она поворачивается ко мне. — Единственным новеньким был Тед.

— Тед? — переспрашивает мистер Амадо. — Я, должно быть, его не заметил. Надо будет проверить. Но учти, ты рискуешь отстать от графика. Отличная работа, Софи.

Мы обе смотрим, как он направляется к Нилу и спрашивает, удалось ли ему выяснить дополнительные детали о том, что да, кровь была украдена. Я бросаю на Линдси извиняющийся взгляд, но она мне не отвечает. Вместо этого она вытаскивает листочки из папки и складывает их один к одному с дотошностью сержанта на строевой подготовке.

— Линдси, я...

— Я сегодня работаю за компьютером, — скороговоркой отвечает она и уходит в заднюю часть класса, где устраивается у компьютера.

До самого конца урока я занимаюсь тем, что пытаюсь придумать способ извиниться перед ней, прокручивая в уме детально разработанные сцены, в которых я играю роль доброго самаритянина. Лучшая из них — та, где я приношу от ее имени пожертвование «Гринпису» в размере пятисот долларов и уведомляю ее об этом с помощью сообщения, выложенного маленькими кексами на ее газоне. Впрочем, в глубине души я понимаю, что единственный способ все исправить — это признаться, что я ей соврала, направить ее к Джеймсу и позволить ей на меня накричать. За пять минут до звонка я прихожу в состояние полной боевой готовности, собираясь поймать ее на выходе из класса, но она опережает меня, направляясь к столу мистера Амадо. Он черкает что-то на розовом пропуске, и она выходит из кабинета. Еще немного, и меня окончательно раздавит чувство вины.

Получив разрешение остаться в классе журналистики после уроков, я раскладываю на столе перед компьютером ответы Влада и Марисабель.

Полное имя: Владимир Роман Смитсон

Возраст: Такой же, как у всех в этой школе.

Сколько у тебя братьев и сестер? Сколько им лет? Семь. Они умерли.

Любимый цвет: Серый

Любимое животное: Волк

Любимое место тусовки: Это тупой вопрос.

Какие пять песен на первом месте в твоем плейлисте: Это бессмысленный вопрос.

Шрам, которым ты больше всего гордишься, как он появился? На левой руке, борьба на мечях с моим, отцом.

Если бы ты был машиной, то какой и почему? Я не машина и никогда не хотел ею быть.

Если бы ты мог взять на необитаемый остров всего одну книгу, какая это была бы книга? «Государь» и «Потерянная дочь».

Когда ты был маленьким, кто был твоим кумиром? Казанова.

Ты жаворонок или сова? Сова.

Какая самая странная еда, которую ты ешь дома? Без комментариев.

Какая самая серьезная проблема Соединенных Штатов? Элитарные группы.

Какое слово ты бы написал на своем надгробном камне? Это невозможно.

Что люди больше всего в тебе любят? То, что я прикажу им любить.

Эти фиктивные ответы едва ли стоили затраченных усилий, не говоря уже о том, что я

не спрашивала этого идиота, какие две книги он бы взял с собой на необитаемый остров. Ответы Марисабель были еще хуже. На большинство вопросов она ответила «я не знаю», а напротив остальных нацарапала цветочки. «Ну, вот и все», — думаю я, комкая этот отстой в маленький шарик. Хватит с меня попыток пробить лбом каменную стену, и плевать, если мне придется начать статью словами «Влад любит три вещи: фехтование, себя и убивать своих братьев и сестер». Плевать, если мне придется врать и — у-у-пс — писать о том, что Влад в свободное время любит рисовать на стенах дельфиньей кровью. Теперь я имею полное право начать свое расследование.

В течение следующих нескольких часов я вношу поправки в мои данные, дополняя уклончивые ответы Влада всем, что я краем уха слышала в коридорах, и до поры до времени не заботясь о том, насколько точна эта информация. Когда я поднимаю глаза от компьютера, часы показывают уже без пятнадцати шесть, так что складываю бумаги и направляюсь к центральному выходу. Яркое солнце весело подмигивает мне, бросая отблески на лобовые стекла нескольких оставшихся машин. «Хаммер» Влада темнеет рядом с моим джипом, как громадный монстр.

У меня есть десять минут до встречи с Джеймсом. Самое время раз и навсегда выяснить, что из себя представляют эти люди. Убедившись, что на парковке никого нет, я пытаюсь заглянуть в окно «хаммера», но тонированные стекла не позволяют разглядеть ничего, кроме отраженного снаружи света. Я разочарованно нажимаю на ручку дверцы и удивляюсь, когда она с щелчком открывается. Не заперто. Приглашение заглянуть внутрь.

Первое, что я нахожу, — это сумка для покупок, полная одежды с магнитными защитными бирками; некоторые вещи надорваны рядом с биркой, словно кто-то слишком сильно тянул, пытаясь ее оторвать. Кем бы ни были эти новички, они определенно первоклассные магазинные воры, но это по-прежнему почти ни о чем мне не говорит. Мне нужны имена, мне нужны даты, мне нужно что угодно, что сошло бы за объективный, твердо установленный факт. Я запикиваю штаны и платья обратно в сумку и проверяю бардачок, но он оказывается пустым; там нет даже свидетельства о регистрации машины.

Я переползаю на заднее сиденье, выругавшись, когда от моих движений тяжелая дверь с грохотом захлопывается. Я обнаруживаю на полу недельный запас листочков с незаконченными школьными заданиями и небольшой встроенный холодильник за водительским сиденьем. Не помню, чтобы я видела, как кто-то из них обедает, поэтому было бы странно, если бы они брали с собой что-то перекусить. Я откидываю крышку, но внутри пусто.

— Кто со мной? — вдруг произносит приглушенный голос. Голос Влада.

У меня леденеет кровь. Я сползаю на пол и пытаюсь стать как можно более плоской, уповаю на то, что тонированные стекла и широкие сиденья скроют меня из виду. Я слышу шум шагов по гравию и ощущаю мягкий толчок, когда кто-то прислоняется к машине всего в паре сантиметров от моей головы.

— Чем дольше мы будем оставаться снаружи на солнце, тем хуже, — нетерпеливо говорит Невилл. От его голоса, раздающегося прямо рядом со мной, дверца машины вибрирует.

— Машина остается здесь, пока здесь остаюсь я, — резко заявляет Влад. — Разбейте окно и ждите внутри или идите домой — вам решать.

У меня перехватывает дыхание. «Не ждите в машине. Пожалуйста, не ждите в машине», — мысленно умоляю я.

— Мы пойдем пешком, — говорит Невилл, и я чуть не задыхаюсь от облегчения. — Это неразумно. Особенно если ты считаешь, что ты уже близок к завершению.

— Близок? — Влад издает короткий сдавленный смешок. — Едва ли. На данный момент мы близки к тому, чтобы начать все сначала.

— Что ты имеешь в виду?

— Я имею в виду то, — угрюмо отвечает Влад, — что я сделал неверный выбор. Это не Кэролайн.

Около машины повисает тягостное молчание. Кэролайн не — что? Девушка его мечты? Лучший игрок в мафию в Америке? Что?

— Не она? — переспрашивает Невилл, в отличие от Влада, вполне бодрым тоном. — Что ж, тогда, возможно, самое время еще раз подумать о том, что мы здесь делаем. Я, например, думаю, что мы весело проживем, если забудем про «Даную» и останемся здесь. Ты вроде бы нравишься людям, — продолжает он, — и здесь так много интересного. Ты знаешь, например, что здесь есть клуб, посвященный исключительно созданию маленьких шагающих роботов, которые дерутся друг с другом? Потрясающе. Мне так и хочется...

Воздух разрывает громкое рычание. Кого-то швыряют на машину, и от этого удара она наклоняется в сторону, и дверца со стороны пассажирского сиденья распаивается. Если кто-нибудь обойдет машину с другой стороны, мне несдобровать. Я как можно плотнее прижимаю колени к груди и прикусываю язык, чтобы не закричать.

— Прошу прощения, если я создал у вас ложное впечатление, что это коллективное решение, — угрожающе отчеканивает Влад. — Мы здесь не для того, чтобы вступать в клубы и социализироваться с одинокими девочками в туалетах. Если я увижу, что вы занимаетесь чем-то подобным, — до свиданья. И я бы хотел видеть, что вы все бережете себя, я действительно...

Он резко замолкает, когда раздается звуковой сигнал открытой двери. О боже. Кровь приливает мне в голову, и в ушах стучит так сильно, что в течение пары секунд я вообще ничего не слышу. Я смотрю вверх, но все, что я могу увидеть, — это завитки рыжих волос Невилла, прижатые к стеклу.

— Что это? — спрашивает Влад.

— Это сигнализация. Виолетта снова оставила дверь открытой, — отвечает Невилл. Качнув машину, он отталкивает Влада и обходит ее сзади. Когда он приоткрывает дверь, чтобы захлопнуть ее, я в панике пытаюсь придумать какие-то оправдания, но разум отказывается мне служить. Я вижу его руку до локтя и татуировку на предплечье, ярким пятном выступающую на бледной коже. Если он приблизится еще на три дюйма, мне конец.

— Ах, меня не волнует ни «Даная», ни девчонка, ни это ужасное место, — раздается дрожащий голос — голос Виолетты. Я рассматриваю татуировку Невилла; буква «Д» глядит на меня, словно злобный глаз. «Д». «Даная». Вполне возможно. Но сейчас мне нужно просто выбраться отсюда. — Простите, что я оставила дверь открытой, — продолжает Виолетта, — но у меня был такой ужасный день, и сейчас я бы очень хотела попасть домой.

Невилл, не взглянув внутрь, захлопывает дверь.

— Так пойдём.

Наступает молчание, и затем я слышу удаляющийся хруст шагов по гравии.

— Так на чем мы остановились? — спокойно осведомляется Влад, когда я уже почти ничего не слышу. — Ах, да. Лес.

Они с шумом пробираются сквозь деревья, ломая ветки. Я жду, пока затихнут все звуки, после чего, набравшись храбрости, сажусь и осматриваю горизонт. Удостоверившись, что все чисто, я вываливаюсь из машины и жадно глотаю свежий воздух. Прислонившись к бамперу своего джипа, я пытаюсь переварить то, что мне удалось подслушать. Я смотрю на часы: сейчас уже пять минут седьмого. Джеймс опаздывает, и, честно говоря, теперь я уже не совсем уверена, что хочу подвозить его до дома. По-хорошему, мне бы стоило как можно скорее унести отсюда ноги и благодарить небеса за то, что мне удалось спастись, хотя я была на волосок от гибели.

Стоило бы.

Не давая себе времени передумать, я направляюсь к кустам. Леса Среднего Запада могут быть какими угодно, но только не страшными — они пугают не больше, чем вязаный шерстяной плед моей бабушки. Обилие сосен придает лесу приятный запах, и здесь никому и в голову не придет бояться ужасных диких зверей, которые набросятся на тебя, когда ты выйдешь проветрить машину. Вот почему я оказываюсь совершенно неподготовленной к внезапному ознобу, который пробирает меня, когда я ухожу из-под лучей вечернего солнца.

Тяжелые кроны деревьев почти не пропускают вечерний свет, и толстые стволы погружены во мрак.

До меня доносятся отзвуки голосов. Сквозь шум прорывается слово «неблагодарный», и я притормаживаю — если я могу различить отдельные слова, значит, я подошла слишком близко. Я слеую за голосами до тех пор, пока бледно-рыжий свет, льющийся сквозь листву, не говорит мне о том, что люди дошли до центральной поляны. Я как можно дальше вытягиваю шею. Судя по звукам, Влад остановился, и я съезживаюсь за самым большим кустом, который только могу найти, примерно в десяти футах влево от импровизированной тропинки. Пытаясь не шуметь, я выглядываю сквозь ветки.

Влад рассказывает взад-вперед, время от времени приостанавливаясь и пиная валяющиеся на земле камешки и ветки.

— И вы можете ему доверять? — кипит он. — Он говорил, что хочет помочь, и что же я сегодня слышу? Он предложил мне забыть о «Данае» и остаться здесь, потому что я нравлюсь людям. Можно подумать, что этого так сложно добиться.

— Я с самого начала говорила тебе, что мне он кажется странным, — замечает Марисабель, растянувшись на старом щербатом столе для пикника.

— А я говорил тебе, что все в порядке, — рывкает на нее Влад.

Марисабель только пожимает плечами, перекатываясь на спину и держа перед глазами открытый том «Сумерек». Ее длинные темные волосы волной ниспадают с края стола и колышутся, когда она с сомнением покачивает головой.

— Здесь все абсолютно неверно, — замечает она. — Хотя Эдвард все-таки чудный. Возможно, ты бы мог почерпнуть пару полезных советов.

— О, неужели? — игриво переспрашивает он, после чего подкрадывается к ней и выбивает книжку у нее из рук. Хлопая страницами, книжка пролетает над головой девушки и врежется в деревья за спиной.

Марисабель поднимается и нахмуренно смотрит туда, где исчезла книга.

— Эй! Это была книга Дженнифер Пирсон!

Влад отвечает издевательский поклон.

— Выражаю ей свои соболезнования. Передай, что я предоставлю ей новый экземпляр, если мы когда-нибудь достигнем своей главной цели, — говорит он и принимается рассказывать взад и вперед. — Можно ли им верить? Невилл только и делает, что вступает во все клубы подряд, а Виолетта... Виолетта вчера спросила меня, не хочу ли я принять участие в «тесте», который расскажет мне о моем «лучшем осеннем стиле». Что это вообще значит?

— Мне подходит баклажановый цвет, — рассеянно замечает Марисабель. — И шарфы.

— А что, если мне нужно по-настоящему восстановить силы? — продолжает Влад. — Это самое меньшее, чего я заслуживаю после всего, что я сделал. Я все устроил, а знаешь ли ты, насколько трудно было всех зарегистрировать? Сколько сил я на это потратил? — настаивает он. — Не говоря уже о постоянных вопросах со стороны комитета по посещаемости. Несмотря на отсутствующее выражение лиц, взрослые здесь не так глупы, как мне бы хотелось. Сегодня одна старая карга из комитета начала задавать вопросы. И мне целых пять минут пришлось смотреть в ее потухшие глаза, прежде чем она вернулась к своим делам. — Он останавливается и со злостью пинает насохший комок грязи, так что тот, ударившись о дерево, разлетается на куски. — Весь день я чувствую себя истощенным. Мне понадобилась вся моя сила воли, чтобы не наброситься на ту девчонку на английском.

У меня холодеет спина. Он говорит обо мне. Он говорит о том, чтобы наброситься на меня. Для восстановления сил. То ли смутное предчувствие беды мешает мне осмыслить его слова, то ли он действительно говорит именно о том, о чем я подумала. Но ведь это значит... Нет. Никаких ремейков «Баффи»⁵. Никогда. Я заставляю себя снова сосредоточиться на их

⁵ «Баффи — истребительница вампиров» — американский молодежный телесериал о девушке, обладающей сверхъестественными силами.

разговоре, твердо решив найти всему этому менее безумное объяснение.

— На какую девчонку? — спрашивает Марисабель. До сих пор она в основном молчала, но теперь наострила уши.

— Да ты знаешь, — отвечает Влад. — Такая невзрачная и прямолинейная, которая одевается так, как будто собирается идти закалывать свинью.

В ответ на бессмысленный взгляд Марисабель он добавляет:

— За ней Джеймс таскался весь день. Та, со всеми этими нелепыми вопросами.

Эта оскорбительная характеристика, кажется, ее удовлетворяет, и она снова растягивается на столе, как сытый тигр.

— Если та блондинка — не она, то кто следующий?

— Я не знаю, — отвечает Влад, пиная какую-то ветку. — Возможно, одна из ее подружек. Завтра я начну заново. Но сейчас — ужин, — говорит он неожиданно оживленным голосом. — Проверь-ка эти кусты. Мне кажется, я что-то слышал.

Он хлопает в ладоши и останавливает свой взгляд на противоположной стороне поляны. Я выглядываю из-под нижней ветки своего куста и вижу, как Девон и Эшли поднимают две большие палки из-под кучи разбросанных листьев. Когда они принимаются хлестать палками по кустам, мой желудок сжимается от страха. Вероятность того, что они крушат кусты в надежде выгнать оттуда визжащих и спасающихся бегством чикен-наггетсов, стремится к нулю. Все сходится, настаивает мой мозг, пытаюсь по кускам собрать полную картину. Их необычность. Странная игра в гляделки. Отсутствие родителей. Эта удивительная Виолетта. Предупреждения Джеймса. Пустой холодильник. И пропавшая кровь. О боже, пропавшая кровь. Как я могла быть такой идиоткой? Они вампиры или, по меньшей мере, находятся во власти очень серьезных заблуждений.

«О господи, Софи, его зовут Влад», — проносится у меня в голове.

Я прикусываю язык, чтобы не расхохотаться истерическим смехом, и обещаю себе по возвращении домой придумать более рациональное объяснение. Но прямо сейчас мне нужно уносить ноги. Быстро. Девон и Эшли только наполовину обошли поляну, так что время еще есть. Чуть разогнувшись, я оглядываюсь назад. Еще двадцать футов, и я буду вне пределов слышимости, и тогда я со всех ног брошусь бежать к машине.

Вдруг я слышу шорох и взволнованный писк. Хрустят листья, и маленький комочек меха бросается к моему кусту. Кролик, проломившись сквозь ветки, прижимается к земле, до смерти напуганный и дрожащий. Не успеваю я опомниться, как слышу треск тяжелых шагов двух людей, которые несутся к моему кусту. Если я сейчас побегу, они меня заметят. Это точно. Загипнотизированная страхом, я смотрю в остекленевшие глаза кролика. Думай, думай, думай. «Это послужит мне отличным уроком и научит меня не совать свой нос куда не следует», — говорю я себе. Я представляю, как поставила бы здесь нервный смайлик; нельзя позволить себе замертво упасть в обморок к их ногам.

Двое парней наклоняются, чтобы заглянуть под свисающие листья куста, и кролик бросается в сторону, пытаюсь найти лучшее укрытие. Их тени перемещаются, и я слышу пронзительный писк и затем тошнотворный хруст и крик Влада о том, что он пока не собирается его убивать. Хотя я чувствую, что меня сейчас стошнит, побег кролика — это мой шанс спастись. Я начинаю готовиться к старту и тут вдруг слышу шелест шагов справа от меня.

— Эй?

Голос Линдси эхом разносится во внезапно повисшей тишине. Бросаясь обратно в куст, я судорожно отпихиваю в сторону ветки, открывая себе обзор. Черт, черт, черт. Что она здесь делает?

Линдси стоит в центре поляны, прижимая к груди синюю папку, как будто это последний спасательный жилет, оставшийся на «Титанике». Рядом с Владом и двумя громилами она кажется еще более миниатюрной, чем обычно. На ее золотисто-рыжих волосах играют последние отблески солнца, резко контрастируя с бледным лицом. Она выглядит испуганной и очень, очень уязвимой. Вся, за исключением решительно

выпяченного подбородка.

— Я ищу Джеймса, — говорит Линдси, еще крепче обнимая папку и отступая на несколько шагов, когда Влад приближается к ней. — То есть, на самом деле, информацию о Джеймсе. Я слышала в коридоре, как вы его упоминали, и я подумала, вдруг вы можете что-нибудь о нем рассказать. — Она делает глубокий вдох. — Всего пару вещей. Это важно.

Влад выглядит почти веселым.

— Важно? — Он подходит ближе, заставляя Линдси отступить к краю поляны, и бросает игривый взгляд на Марисабель. — Боюсь, мне известно немного. Джеймс — скрытный человек. Кому-нибудь есть что рассказать?

Девон и Эшли отрицательно трясут головами — единственное проявление общительности на сегодняшний день. Марисабель сначала не отвечает и только смотрит на Влада в течение нескольких долгих секунд.

— Влад, не делай ничего, о чем потом будешь сожалеть, — мягко говорит она.

— Я всего лишь пытаюсь помочь однокласснице, — говорит он пугающе невинным голосом и затем наклоняется, чтобы быть на одном уровне с Линдси. — Итак, — мурлычет он. — Как тебя зовут?

— Линдси Аллен, — слабым голосом отвечает она, судорожно прижимая к себе папку.

— А скажи мне, Линдси Аллен, есть ли у тебя какие-нибудь знаки на теле?

Это обезоруживает Линдси, и от удивления она забывает о своей настороженности:

— Что?

Влад нетерпеливо машет рукой в воздухе.

— Какие-нибудь родимые пятна, родинки или сыпь, составляющие девичью фамилию твоей матери... ну, короче, знаки! — Он неодобрительно смотрит на ее непонимающее лицо. — Как там это говорится? Ах да, «давай сотрудничать».

Линдси расправляет плечи и выпрямляется в полный рост.

— Это была плохая идея. Мне пора идти. Простите, что побеспокоила. Пожалуйста, передайте Джеймсу, что я его ищу.

— Будем считать это за отказ, — говорит Влад и, прежде чем она успевает сдвинуться с места, хватает ее за руку. — Не так быстро. У меня есть для тебя последний вопрос.

Линдси звенящим от напряжения голосом приказывает Владу отпустить ее. Начиная терять самообладание, она пытается вырвать руку, но Влад притягивает ее ближе. Он наклоняется, как будто собравшись шепнуть ей что-то на ухо, но его вопрос отчетливо и громко разносится в воздухе:

— Ты думаешь, кто-то будет по тебе скучать?

Глава седьмая

На мгновение все замирают, а потом разом начинают двигаться. Марисабель спрыгивает со стола, бежит к Владу и вцепляется в его руку, крича, что пора уходить. Влад обращает на нее не больше внимания, чем на комара, с усмешкой наблюдая за тем, как Линдси пытается освободиться от его хватки. Девон и Эшли придвигаются ближе и преграждают Линдси путь к тропинке. Взгляд Линдси дико бежит в поисках спасения, пока Влад, рывком притянув ее к себе, не хватается за подбородок, вынуждая смотреть прямо ему в глаза. Ее рука бессильно повисает.

Мысль, забрезжившая в моей голове, наконец принимает форму, пробившись сквозь панический страх, потрясение и чувство вины: «Это плохо. Ты должна сделать что-то. Покончить со всем этим». О том, что делать, я думаю недолго — я не могу позволить себе думать долго. В конце концов, я вляпалась во все это из-за собственной глупости. Возможно, глупость же и поможет мне спастись. Я протискиваюсь сквозь кусты. «Глаза, — говорю я себе, — избегай смотреть им в глаза».

— Вот вы где! — восклицаю я, стряхивая с руки прилипшие листья и улыбаясь куда-то в сторону груди Влада самой широкой улыбкой из всех своих улыбок. — Я все здесь обошла. Я думала, мы встретимся на парковке. Слава богу, я услышала твой голос.

Влад отпускает Линдси скорее от неожиданности, чем от страха. Подскочив к ней, я продеваю руку под ее локоть. Она, как удав боа-констриктор, сжимает мою руку; но ее тело по-прежнему не слушается ее.

— Нам лучше идти. А вам всем хорошей ночи, — говорю я. Судя по всему, испуг превратил меня в бесстрашного техасца. Потрясающее открытие о свойствах личности, которое я запишу позже, если не буду валяться в канаве в виде трупа. Я пытаюсь развернуться вместе с Линдси, но она пока не способна на прямолинейное движение. Поворот получается медленным и неуклюжим. Краем глаза я вижу, как Влад кивает поверх наших голов.

Мы поворачиваем направо и упираемся прямо в Девона и Эшли. Я пытаюсь переместиться в сторону, но ноги Линдси запутываются в моих, и я наступаю на ее туфлю. И тут я делаю ошибку: поднимаю глаза и смотрю на их лица. Их лица не ухмыляющиеся, их лица не сердитые, и за ту секунду, пока я не отвожу взгляд, я успеваю увидеть, что их глаза мертвы, как глаза пациента с остановкой сердца. Они просто... существуют, как две гигантские шахматные фигуры. Тот, что слева, до сих пор, как предупреждение, сжимает в руке бессильно обмякшее тело кролика.

Хорошая новость заключается в том, что Линдси начинает подавать признаки жизни. Ее взгляд по-прежнему остается остекленевшим, но понемногу становится все более осмысленным, и я чувствую, как ее пальцы сжимают мое плечо. Она по собственной инициативе делает неуверенный шаг в сторону, и я совершаю все возможное, чтобы поощрить ее импульс в том направлении. По крайней мере до тех пор, пока две кирпичные стены не преграждают нам путь.

Влад, подкрадываясь боком, появляется в поле моего зрения. На нем черные сапоги с носками, загнутыми как два дьявольских рога. Я концентрируюсь на вышитых узорах на его сапогах, уповая только на то, что мне хватит сил не поднять взгляд на Влада, и мечтая о том, чтобы мое сердце не выскочило из груди.

— Эта ночь обещает быть гораздо более интересной, чем я мог себе представить, — говорит он. — Два по цене одного! Бинго!

— Влад, это деструктивное поведение, — строго говорит Марисабель, но потом ее голос начинает дрожать. — Давай просто пойдем домой. Пожалуйста, давай просто пойдем домой.

— Молчать! — рычит Влад. Марисабель продолжает умолять его уйти, и тогда он приближается к ней и кричит: — Вечно запрещаешь мне убивать, хотя должна держать рот на замке, — ревет он. — Если еще хоть одну секунду мне придется слушать твой голос, я вобью тебе кол в сердце. И тогда ты станешь прахом. Прахом.

Пользуясь тем, что он отвлекся, я трясую Линдси за ее хрупкое плечико.

— Линдси, я думаю, мы должны попытаться сбежать.

Она поворачивает ко мне голову, и хотя в глазах ее плещется тревога, лицо по-прежнему остается бессильным.

— Ноги. Проблема, — только и говорит она. Внезапно я осознаю, что над поляной повисла мертвая тишина.

Грубая рука хватается меня за подбородок. Влад рывком поднимает мне голову, и я встречаю его взгляд, в котором пляшет возбуждение от того, что он собирается сделать. Его рот приближается к моему уху. От Влада исходит приятный запах, но вместо того чтобы почувствовать его дыхание на своей щеке, я не чувствую ничего. Я еще сильнее вцепляюсь в Линдси.

— Вам, наверное, интересно, что происходит и почему это происходит с вами, — спокойно произносит Влад. — Полагаю, я могу пригласить тебя в наш маленький мирок, Софи, тем более что ты скоро покинешь свой.

— Вы вампиры, — ухитряюсь выдать. Клянусь Богом, я не намерена покидать этот мир под аккомпанемент нотаций Влада.

На какую-то секунду он выглядит смущенным.

— Что ж, думаю, это сэкономит время, — замечает он, и в следующую секунду его пальцы словно тисками сжимают мой подбородок. Не успеваю я закричать, как он зажимает мне рот. Он толкает нас назад, пока наши спины не упрутся в шершавый ствол дерева. Я неуклюже пинаю Влада по голени. Следующее, что я чувствую, — это жгучая боль, пронизывающая мою ногу до колена, когда он с силой наступает мне на пальцы ног. Одна моя рука зажата в руке Линдси, другую он прижимает к моему боку. За его улыбающимся лицом я с трудом различаю деревья.

Нет никакой надежды на спасение. Мое дыхание становится прерывистым — перемена, от которой лицо Влада освещается весельем. Он сочувствующе щелкает языком.

— Это продлится недолго, — заверяет он меня. Его голос звучит непринужденно и поучительно, как будто мы в парке аттракционов. — Через несколько минут ты начнешь терять зрение, а потом тебя просто... не станет. — Он приближает ко мне лицо, так что теперь я не вижу ничего, кроме его светлых бровей и темных глаз. — Смотри в них. В конечном счете так для тебя будет лучше.

Я знаю, что должна отвернуться, но не могу. Проще сделать так, как он говорит. Проще... даваться. Я смотрю в его глаза, изучая темно-серые кольца вокруг зрачков, в ожидании того, что я буду загипнотизирована, увижу вспышки света или почувствую разрывающую голову боль. Я чувствую легкий ветерок на коже... Я чувствую ноющую боль в пальцах ног — на них до сих пор стоит Влад... Я чувствую, как сводит судорогой руку, на которую всем своим весом опирается до сих пор неподвижная Линдси... но больше я не чувствую ничего.

Проходит несколько мгновений, прежде чем я осознаю, что Влад уже не прижимает меня к дереву. Вместо этого он скептически смотрит на меня. Это продолжается секунды три, а потом лицо его вдруг искажается, и он с рычанием припадает к моей шее. Я чувствую, как в меня словно вбиваются два длинных осколка стекла — вбиваются так глубоко, что не остается никакой надежды на то, чтобы когда-либо их вытащить.

Я слышу собственный крик, прорвавшийся сквозь боль, и обрушиваюсь на землю, увлекая за собой Линдси. Мы падаем друг на друга, и колено Линдси упирается в изгиб моего бедра. Я смотрю в небо, полное следов от пролетевших самолетов и призрачных предвестников звезд, которые уже начинают появляться на темнеющем небе. Я высвобождаю одну руку из клубка наших ног и рук и подношу ее к шее. По моим пальцам течет горячая липкая жидкость.

Слева доносятся звуки борьбы. Я поворачиваю голову на звук, опасаясь оказаться растоптанной, но это вызывает у меня приступ головокружения, так что мне приходится зажмуриться, пережидая его. Снова открыв глаза, я вижу лежащего на спине Влада с оскаленными клыками. И Джеймса — прекрасного, прекрасного Джеймса, — сидящего на нем, тоже с обнаженными клыками.

Галлюцинации, у меня галлюцинации. Я несколько раз моргаю, чтобы прогнать видения. Еще не обретя способность видеть, я чувствую, как Линдси справа от меня приподнимается и садится, обнимая меня рукой за спину и помогая подняться. Моя шея слишком слаба, чтобы поддерживать голову, и она заваливается на плечо. «Софи — китайский болванчик», — думаю я и хихикаю. Только после пары пощечин Линдси наконец удается заставить меня поднять голову.

— Перестань хихикать, как идиотка, и посмотри, — шепчет она, хватая меня за подбородок и поворачивая мою голову в другую сторону. Голос ее звенит от изумления — изумления с примесью ужаса.

Джеймс и Влад теперь стоят лицом к лицу, напряженно уставившись друг на друга.

— Оставь их, Влад.

— Боюсь, для этого уже слишком поздно, — весело отвечает Влад. — Они все знают.

— Подумай. Это ставит под угрозу твои поиски. Две пропавшие девушки привлекут

массу внимания. Люди испугаются, запаникуют.

— Мне плевать на людей.

— И зря. Они будут искать тебя, пока ты ищешь ее. И в этом случае ты никогда ее не найдешь. И тогда не будет никакой «Данаи».

Это заставляет Влада задуматься. Скрестив руки на груди, он склоняет голову набок и вытирает уголки рта с выражением, которое я бы назвала брезгливым, если бы он только что не жевал мою шею.

— Возможно, ты прав, — осторожно замечает он, изучая свои пальцы, на которых в слабом вечернем свете поблескивает кровь. Он поводит рукой туда, где мы с Линдси жмемся друг к другу, сидя на земле. — Но как, по-твоему, я исправлю это... недоразумение? Думаю, я мог бы стереть их память, но это еще больше истощит меня — а именно это было причиной того, что я собирался рискнуть и съесть их прямо сейчас! — заканчивает он, покачивая головой и как будто говоря: «Ну и головоломку я себе загадал!»

— Я сделаю это, — торопливо отвечает Джеймс. — Я позабочусь об этом.

Влад удивленно приподнимает брови:

— Правда? А у меня создалось впечатление, что ты считаешь себя выше этого... Как ты там говорил? Ах да, «вампирующие штучки».

Хотя я видела клыки Джеймса, сейчас у меня перехватывает дыхание. Точнее говоря, вдохнув огромное количество воздуха, я начинаю кашлять и задыхаться. Подняв взгляд, я вижу, что Джеймс смотрит на меня с каким-то неизъяснимым выражением.

Затем он снова поворачивается к Владу.

— Я сказал, я позабочусь об этом.

Влад на секунду успокаивается, как будто мы — математические задачки, которые только что исключили из контрольной работы. Но потом прищуривается:

— Тебе нравится эта девчонка.

— Которая?

— Софи. Брюнетка.

Джеймс сохраняет непроницаемое выражение лица.

— Ты, наверное, шутишь? Она жуткая зануда. Я просто хочу проследить за тем, чтобы ничто не помешало тебе найти ту девушку, — говорит он. — После этого я останусь здесь, а вы уйдете, как мы и договаривались.

— Мы также договаривались, что ты будешь помогать нам, если я позволю тебе уйти и жить самостоятельно, — говорит Влад. — Но при этом, если я не ошибаюсь, сегодня ты появился в первый раз.

— Но теперь-то я здесь, — настаивает Джеймс. — Позволь мне доказать тебе, что я хочу помочь.

Влад сжимает губы, обдумывая преимущества предложения.

— Что ж, очень хорошо, — наконец говорит он. — У тебя еще будет шанс показать, на что ты способен. Но я рассчитываю на то, что, когда я появлюсь снова, они не будут знать, кто я такой.

— Я понял, — отвечает Джеймс, подходя и рывком поднимая нас на ноги. Мы с таким же успехом могли быть сделанными из пенопласта — столько усилий ему на это потребовалось. Он подталкивает нас перед собой и дает указание идти прямо.

Дорога до моего джипа занимает целую вечность — по крайней мере, так мне кажется. Сначала мы все молчим, пока наконец Линдси слабым голосом не замечает, что, как ей кажется, ей не стоит сейчас садиться за руль. Все то время, пока мы стоим у машины, она не сводит глаз с Джеймса.

Он поворачивается ко мне.

— Ты можешь вести машину? — спрашивает он, глядя на мою все еще кровоточащую шею. То ли это мое воображение, то ли я действительно вижу вспышку интереса в его взгляде. Чем дольше я не отвечаю, тем более обеспокоенным становится лицо Джеймса.

— Софи...

— Я могу вести машину, — говорю я.
Он сдержанно кивает.
— Тогда отвези Линдси домой и возвращайся к себе, запри двери и никуда не выходи. Я буду здесь, пока не уйдет Влад.
— Но...
— Пожалуйста. Он не всегда держит слово. Мне нужно сказать ему, что я уже сделал то, о чем он просил, чтобы он не беспокоился об этом сегодня ночью.
Я знаю, что мои слова сейчас здесь никого не интересуют, но я должна кое-что сказать:
— Спасибо тебе.
В первую секунду мне кажется, что в его глазах появилась надежда, как будто он с облегчением понял, что все не так уж сильно изменилось. Но в следующий миг его лицо снова становится непроницаемым.
— Поговорим позже, — бросает он и исчезает за стеной деревьев.

Глава восьмая

Я гоню машину, как настоящий маньяк. Если бы я сейчас встретила каких-нибудь несчастных копов, они бы остались в полной уверенности, что алкоголь в моей крови зашкаливает за все допустимые пределы. Но несмотря на то, что я на всех парах несусь по мирным улочкам мимо мигающих желтым светофоров, Линдси молчит, ограничиваясь лишь скудными указаниями, куда сворачивать. В конце концов мы оказываемся у белого коттеджа с красными ставнями и почтовым ящиком в виде петуха.

Я снимаю блокировку с пассажирских дверей, и щелчок отдается эхом в воцарившейся тишине. Она не вылезает из машины, а просто сидит, глядя прямо перед собой и стискивая руки па коленях. Свет от фонаря, висящего на крыльце, резко очерчивает ее профиль. Ее губы кривятся, словно она никак не может понять, с чего ей начать.

— Ты поступила очень нехорошо, — говорит она. В машине тепло, но она дрожит.

Я ожидала чего-то из серии: «Господи, господи, вампиры действительно существуют, и они хотят пожрать наши мозги», но это явно не та реакция.

— Знаю. У тебя есть все причины меня ненавидеть, — говорю я, отстегивая ремень безопасности и поворачиваясь к ней, — но сейчас есть вещи поважнее, чем...

— Прекрати! — она близка к истерике. — Я не хочу говорить про другие вещи, я хочу говорить про это! Я знаю, что ты относишься ко мне как к сопернику, ясно? Я сама к тебе отношусь так же. Но не настолько, чтобы подставлять тебя, не настолько, чтобы манипулировать парнем, которому я нравлюсь, и запрещать ему дать тебе интервью! Между прочим, твой бойфренд — вампир, так что... поздравляю, в общем!

Я проглатываю рвущиеся наружу слова о том, что Джеймс вовсе не мой бойфренд.

— Линдси, ей-богу, сейчас нам надо поговорить о том, что теперь делать.

— Он чуть не прикончил меня! — выпаливает она. — Я была практически убита вампиром. Я не могу... не могу осознать этого. И не хочу осознавать, — она судорожно вздыхает, — я ведь думала, что мы друзья.

Я не сразу понимаю, что она говорит о нас с ней.

— Но мы и есть друзья, — слабым голосом отвечаю я.

— Нет, — возражает она с такой горячностью, что я невольно морщусь, — то есть это я пыталась быть твоим другом. И поскольку ты не выказывала ко мне такого пренебрежения, как к другим, я считала, что ты тоже хочешь дружить со мной, — она начинает сражаться с ремнем безопасности, стараясь отсоединить его, но своей тирады при этом не прерывает, — ты вообще хоть иногда задумываешься над тем, почему у тебя нет друзей?

— У меня есть друзья.

— Я имею в виду не просто людей, с которыми иногда можно поговорить. Друзей. В

духе давай-соберемся-у-меня-в-пятницу-и-чем-нибудь-займемся. И проблема не в том, что ты не нравишься людям, проблема в том, что ты отгораживаешься от них стеной. «Я знаю все заранее», «я слишком хороша для вас» — это стена, которая не позволяет людям приблизиться к тебе. Хотя, знаешь, после сегодняшнего, может, оно и к лучшему. — Она вытирает щеки, покрывшиеся красными пятнами, и распахивает дверь. — В общем, большое спасибо, что подвезла, и передай мое почтение Джеймсу. Скажи ему, что я сама сочиню материал о нем для статьи, потому что хочу, чтобы он держался от меня подальше. И ты тоже, — бросает она и, не оглядываясь, торопливо идет к дому.

Добравшись до дома, я вижу маленький фиолетовый конверт, лежащий перед входной дверью.

Внутри оказывается страница из журнала, вырванная с изрядной яростью. «Вы хороший друг?» — значится в заглавии. Поперек страницы написано чем-то вроде красного лака для ногтей всего одно слово: «Нет».

Я начинаю плакать. Было бы логичнее делать это тогда, когда я была на волосок от смерти, но именно это письмо оказывается последней каплей. Потому что Виолетта права: я ужасный человек, который способен не только отвести подружку в лес на верную смерть, но и бездумно держаться за ручки с бывшим парнем другой подружки. Я вытираю дурацкие слезы, и в этот момент дверь распахивается.

— Ты же знаешь, что нужно позвонить домой, если задерживаешься больше, чем на... — Папа замолкает, увидев мое лицо. — Что случилось? Ты в порядке?

— Все нормально, — всхлипываю я. Он в своей гаражной одежде — старых вельветовых штанах и фланелевой рубашке, которую он всегда упорно заправляет внутрь. Вид у него при этом одновременно благородный и несколько дикий, словно он — преподаватель в школе для дровосеков. Меня неожиданно охватывает волна привязанности к нему, и я, уронив рюкзак на землю, бросаюсь к нему в объятия. — Я не хотела возвращаться так поздно...

Его удивляет мой порыв.

— Да ничего страшного. Просто мы с Марси сейчас немного на взводе. Твоя сестра вернулась домой с воплями о том, что жизнь окончена. С ней сейчас Марси. Думаю, дело в том парне, с которым она встречалась.

Кэролайн. Я и забыла про нее.

— Они расстались. И, уверяю тебя, это к лучшему.

— Тебе лучше знать. — Папа засовывает руки в карманы штанов и подозрительно косится на меня. — Ты уверена, что с тобой все в порядке?

— Просто плохой день.

Сложно сказать, купился ли он на это. Он изучает меня еще пару секунд, а потом похлопывает по спине и отпускает, сказав, что если я захочу поговорить, то он будет в гараже.

Я обнаруживаю Марси и Кэролайн в спальне сестры. Они сидят на розовом покрывале, окруженные целым легионом мягких игрушек. Три игрушки Кэролайн душит в своих объятиях. Если бы Гровер не был синим изначально, сейчас он бы точно посинел. Головой сестра уткнулась в подушку, которая покоится на коленях у Марси. Подушка, конечно, отчасти заглушает вопли, но обстановка от этого не становится менее накаленной. Марси ласково гладит Кэролайн по волосам и поминутно вставляет в ее рыдания понимающее: «Знаю, знаю». Заметив меня, она подносит палец к губам.

Кэролайн неожиданно поворачивает голову набок:

— ...а потом он сказал: «Я боюсь, что ты — не та, кого я ищу, Кэролайн», — она потрясающе точно копирует интонации Влада, но весь эффект пропадает из-за икоты и всхлипа в конце фразы. — Что он вообще имеет в виду? Как можно знать, кого именно ты ищешь, если тебе всего семнадцать?

— Понимаю, дорогая. Я тебе как раз именно об этом и говорю, — утешает ее Марси,

отводя локон спутанных светлых волос от лица Кэролайн. Благодаря этому сестра наконец замечает меня.

— Я так понимаю, ты уже все знаешь, — она шмыгает носом, — Влад бросил меня сегодня после уроков. Все знают про это. Даже мисс Кейт, — последнее замечание вызывает новый поток слез.

— Знаю. Мне жаль, Кэролайн, — я присаживаюсь на свободный от пушистых существ уголок кровати, — но поверь мне, так будет только лучше.

И безопаснее.

Сначала она не отвечает, и я пугаюсь, что сказала что-то не то. Я не хотела, чтобы это прозвучало как всезнающее «Я же тебе говорила!», но иногда подобные интонации появляются у меня в голосе помимо моей воли.

— Да, — говорит она наконец, — ты была права. Он подонок. И еще, — она хочет что-то добавить, но вначале поворачивается к Марси, — мам, закрой уши.

Марси послушно прижимает ладони к ушам, очевидно, пытаюсь развеселить своей демонстративностью расстроенную дочку. Одновременно она поворачивается ко мне и беззвучно, одними губами шепчет: «Если это наркотики, скажи мне».

— А еще, — продолжает Кэролайн, убедившись, что уши матери надежно прикрыты, — он не очень-то хорошо целуется. Он прокусил мне губу. И очень хотел снять с меня рубашку.

Приятно, по крайней мере, что ссора с мальчиком не убила в Кэролайн ее страсть сообщать ненужные подробности. Раньше меня раздражала эта ее черта, но теперь она мне даже в каком-то смысле нравится. Если вспомнить дикий вопрос Влада, который он задал Линдси в лесу, то начинает вырисовываться некая общая картина. Влад ищет девушку с какой-то определенной меткой на теле. Но с какой? Родинкой? Огромным родимым пятном? Татуировкой, гласящей: «Умираю как хочу стать поклонницей вампиров»? Этот вопрос явно стоит поставить на первое место в списке дел на ближайшее время. Ну, может быть, на второе — сразу после вопроса о том, что подразумевается под «стиранием памяти».

Я решаю, что пора уходить.

— Кэролайн, ты знаешь, где меня найти, если захочешь поговорить.

Я сжимаю ее плечо. Она отчаянно и несколько сопливо обнимает меня в ответ, так что мои руки нелепо прижимаются к телу, и тут же отстраняется.

— Почему ты надела шарф? — любопытство пересиливает в ней жалость к себе. На моей шее красуется черный старый шарф, которым я обернулась в машине, чтобы спрятать уродливые раны. Кэролайн, как никто другой, способна переключаться на модные советы прямо в разгаре своего истерического припадка.

— По-моему, я простудилась.

— Он не подходит к твоей одежде, — на ее глаза снова наворачиваются слезы, — он бы больше подошел к темно-синему пиджаку.

Чтобы подбодрить ее, я задерживаюсь и выслушиваю еще несколько раундов словесного избиения Влада. Когда, наконец, мне удастся сбежать к себе в комнату, я подхожу к большому зеркалу и избавляюсь от шарфа. Кожа покрыта красными разводами, и хотя два глубоких следа от клыков еще не зажили, кровоточить они, кажется, перестали. Уже неплохо.

По возможности удалив с шеи свидетельства общения с вампирами, я начинаю искать в шкафу пижаму самой жизнерадостной расцветки, останавливаясь на той, которую мне подарили три Рождества назад. На ней весело плещутся улыбающиеся киты. Маечка тесновата в груди, и я опасаясь, что стоит мне слишком импульсивно повернуться, как штаны сзади распрощаются со своей целостностью. Зато эта пижама уютная и нигде не натирает.

Я залезаю было под одеяло, но на фоне происходящего мысли о сне кажутся глупыми и даже опасными. В конце концов, вместо того чтобы лечь, я устраиваюсь на стуле, оставаясь настороже. К моему удивлению, начинает идти дождь. Капли его застилают и размывают

вид на улицу, отражая свет придорожных фонарей. Единственное, что я вижу четко, — это окно в доме напротив. Окно Джеймса.

«Поговорим», — сказал он. Дважды.

Неожиданно комната начинает казаться мне душной и чересчур замкнутой. Я приоткрываю окно, чтобы впустить в нее морозного воздуха. По стеклу сбегает дождевые капли. К моему облегчению, серебряные дорожки разделяют дом Джеймса на узкие полосы. Теперь я ничего не вижу.

Глава девятая

В конце концов я заползаю в кровать, но спится мне плохо. Во сне я вижу мигающие картинки, похожие на черно-белый ужастик. Сначала я в пещере, отгоняю от волос летучих мышей, а потом отбиваюсь от пауков, прыскаю на них краской из баллончика. В заключение я оказываюсь рядом с серебристо-черным волком на ветреной, поросшей вереском пустоши. Он приглашает меня на танец. Я отказываюсь. На отказ он отвечает тем, что начинает грызть мои ноги.

Я открываю глаза. Выло бы неплохо, если бы мой мозг относился к происходящему более серьезно.

За ночь похолодало, и хотя ливень немного ослабел, по крыше все еще барабанят тяжелые капли. Завернувшись в старый шерстяной платок, я вылезаю из кровати и, дрожа, иду по холодным доскам пола к открытому окну. Протиснувшись за стол, я хватаюсь за разбитую раму и тяну ее вниз.

Внезапно из темноты появляется чья-то рука. Я отпрыгиваю назад и вижу, как за подоконник хватаются четыре пальца. Споткнувшись о стул, я с грохотом лечу на пол, запутываясь ногами в своем платке. Пока я лихорадочно пытаюсь освободить ноги, вслед за кистью появляется вся рука, затем голова и все туловище. Тело закрывает собой оконный проем, заслоняя уличный свет.

У меня есть два варианта. Бежать вниз, спасаясь от несущегося по пятам бешеного вампира, или броситься вперед, захлопнуть окно и надеяться на то, что стекло в сочетании с сеткой устойчиво к ударам кулаков. Но пока что незванный гость даже не пытается проникнуть в окно. Для убийцы он не очень-то тороплив. Закрыв окно, я смогу выиграть время. Бормоча, как мантру: «Захлопнуть и запереть, захлопнуть и запереть», я резко встаю и бросаюсь к окну. Схватившись за раму, я изо всех сил тяну ее вниз, пока не раздастся долгожданный щелчок.

Мой марш-бросок оказывается более эффективным, чем я ожидала. Напуганный моим внезапным появлением, злоумышленник теряет свою хватку и отпускает раму с одной стороны. Откачнувшись назад наподобие створчатой барной двери, он одной рукой цепляется за верхнюю оконную раму, а ногой балансирует на внешнем бетонном карнизе. Остальные его конечности болтаются в воздухе. Его лицо заливают яркий свет уличного фонаря, и я вдруг обнаруживаю, что смотрю в лицо Джеймса — очень раздраженное и очень злое лицо Джеймса.

В течение одной безумной секунды я испытываю облегчение; если уж выбирать из двух зол, то он, безусловно, меньшее зло. Хотя, если бы я была поставлена перед выбором, я бы предпочла утонуть, а не быть съеденной змеями.

Не успеваю я обдумать свои дальнейшие действия, как Джеймс начинает двигаться — и очень странно двигаться. Он раскачивается взад-вперед, пока не приобретает достаточный импульс, чтобы снова поставить вторую ногу на карниз. Вернув себе устойчивость, он садится на корточки, становясь похожим на необычайно проворную горгулью. Еще одна причина почувствовать свое превосходство.

— Впусти меня, — просит он. Его голос приглушается стеклом.

Он промок до нитки. Зеленая рубашка плотно, как вторая кожа, прилипла к плечам, а с носа стекают капли воды. Я ощущаю приступ симпатии, но тут же приказываю себе забыть об этом. Уж лучше испытывать приступы симпатии, сидя в одиночестве, чем превратиться в зомби со стертой памятью.

— Я не очень хочу подвергнуться стиранию памяти, спасибо, — говорю я через стекло. С каждым моим словом на стекле появляются и тут же исчезают маленькие облачка пара.

— Я не собираюсь стирать тебе память! — восклицает он. — Я просто хочу объясниться.

Прищурившись, он хмуро смотрит на меня.

— Не пойми меня превратно, — говорю я, — но ты кажешься немного рассерженным. Почему я должна тебе верить?

— Потому что я обещаю тебе не делать этого.

Должно быть, я все еще смотрю на него скептически, потому что он подносит ладонь к окну, нажимая на него с такой силой, что на стекле отпечатывается след линии сердца:

— Я клянусь.

Я оценивающе смотрю на его глаза и прочие части тела, пытаюсь в его жестах разглядеть сигналы, говорящие о неискренности. Но их нет. Разрываясь от сомнений, я кусаю себе губы. «Вот оно, — думаю я, — настал тот момент, когда ты можешь сделать очень мудрый или очень глупый выбор».

— Софи, — снова умоляет он, видя мои колебания. — Ты знаешь меня с самого детства. Ты должна верить мне. Я по-прежнему... ну же, пожалуйста.

В голове у меня мелькают воспоминания о наших разговорах на прошлой неделе. Все это казалось таким обычным — всего лишь прежний Джеймс и прежняя Софи. Не успев обдумать все это как следует, я наполовину открываю окно.

Да, я собираюсь сделать очень глупый выбор.

— Послушай, — говорю я и наклоняюсь к окну, чтобы быть уверенной, что стекло не помешает ему хорошо меня слышать. — Ты можешь войти — но только попробуй сделать резкое движение, и я клянусь тебе, я побегу вниз за чесноком. Марси покупает его в рассыпную. Он уже нарезан, кстати, если это имеет какое-то значение.

Джеймс расплывается в улыбке, которая была бы более уместной на лице человека, выигравшего в лотерею, чем на лице того, кому я только что угрожала продуктами питания. Ни секунды не колеблясь, он рывком поднимает сетку. Если бы он хотел вломиться без спросу, это препятствие отняло бы у него ровно 0,42 секунды — неутешительная мысль. Вслед за этим его рука тянется к окну, но я барабаню в стекло, останавливая его.

— Мне нужно словесное обязательство.

Он послушно повторяет за мной слова клятвы: ни при каких обстоятельствах не вмешиваться в мой разум. В конце клятвы он поднимает руку и изображает бойскаутский салют.

— Салют был немного излишним, — замечаю я, до конца открывая раму. Я повожу рукой в приветственном жесте. — Джеймс, теперь ты можешь войти.

— Черт, Софи, это фантастика. Я правда надеюсь, что в один прекрасный день у меня будут такие же хорошие манеры, как у тебя.

Нагнувшись, он пролезает в окно и закрывает его за собой.

— Я думала, я должна пригласить тебя внутрь.

— Нет, вовсе нет, — возражает он и затем, нагнувшись, встряхивает мокрыми волосами.

Я отпрыгиваю в сторону, чтобы не попасть под импровизированный душ.

— Я совершенно уверена, что...

— Нет, ты не уверена. — Выпрямившись, он оценивающе смотрит на меня, как будто вдруг увидел меня в новом странном свете. — Сколько фильмов про вампиров ты видела?

Немало, если честно. Оглядываясь назад, я понимаю, что должна была закричать: «Вампир!» в первый же учебный день. Впредь надо вести себя мудрее.

— Не так уж много, — ворчу я. — А по поводу приглашений существует давняя традиция.

— Ну, традиция в данном случае ошибается. И, кроме того, если ты думала, что мне нужно приглашение, чтобы войти, почему ты так психовала у окна?

Это ценное, но не очень-то приятное замечание.

— Я не психовала. Я просто подумала, что ты — соседский извращенец. Я ему нравлюсь. Очень, — добавляю я. Его лицо начинает расплываться в улыбке. — Ну что еще?

— Ты надела платок специально для меня?

— Чего?

Он показывает на мои плечи:

— Платок.

Я опускаю глаза. В какой-то момент всего этого кошмара я, оказывается, сочла нужным повязать на плечи шерстяной платок. О боже.

— Ну, я иногда надеваю его, — пожимаю я плечами, развязывая узел на шее, надеюсь, в достаточно небрежной манере. Я смущенно пересекаю комнату и сажусь на кровать, по-турецки скрестив ноги, так чтобы ему не был виден даже кончик моего мизинца.

— Тебе не обязательно все время сидеть там, — говорит он, характерно поднимая бровь, что всегда заставляло меня завидовать ему, когда я пыталась разыграть законченного негодяя. — Я не кусаюсь.

Смелая шутка, если вспомнить последние события.

— Долго ты ждал, чтобы сказать мне это?

— С тех пор, как приехал домой, — отвечает он, пристраиваясь на полу возле ножки стола.

— Как мило.

В комнате воцаряется тишина. Я откидываю голову к стене, продолжая следить за Джеймсом краешком глаза. Он поджал колени к груди и положил на них руки с видом человека, настроенного на долгую беседу.

— Знаешь, ты не думай, что у тебя теперь есть свободный доступ сюда. Если ты правда хочешь, чтобы я тебе верила, ты должен рассказать мне все. Тебе придется ответить на все мои вопросы, независимо от того, насколько глупыми или назойливыми они тебе покажутся.

— Хорошо, — без колебаний отвечает он.

— Я не шучу, — говорю я, глядя ему прямо в глаза. — Без отговорок.

— Ладно.

— Что ж, отлично, — лукаво отвечаю я. — Что ты сделал со шлепкой, которую украл в третьем классе? Я так и не нашла ее у тебя во дворе.

С невозмутимым видом он отвечает:

— Я вырыл яму и закопал ее под качелями.

— Ты серьезно?

— Ага. Вот этими самыми руками, — добавляет он. — Соседская собака все это время наблюдала за мной. После этого я несколько недель отмывал грязь из-под ногтей.

— О'кей. Как ты стал вампиром?

Он пару раз моргает.

— Используешь тактику внезапного нападения, да?

— Это лучший способ получить честные ответы, — говорю я. — А что? Ты, значит, идешь на попятную?

— Нет. Но не могла бы ты сначала ответить на мой вопрос?

Если вопрос касается моей группы крови, я об этом пожалею.

— Ну? — недоверчиво произношу я.

— Что тебя больше беспокоит? — спрашивает он, наклоняясь ко мне. — То, что я вампир, или то, что я сижу здесь, в твоей комнате, глубокой ночью? Потому что мне, если честно, кажется, что скорее второе.

Он улыбается во весь рот. В любое другое время, при любых других обстоятельствах, я

бы почти подумала, что он...

— Ты что, заигрываешь со мной? — ошарашено спрашиваю я. — Сейчас?

Мне кажется, я вижу, как по его лицу промелькнуло разочарование. Впрочем, это могла быть просто тень.

— Ну пожалуйста! — спокойно говорит он. — Мне просто любопытно. И кроме того, я думал, что все эти вампирские штучки очень сексуальны. Я просто хотел убедиться, что ты не начнешь хихикать и кокетливо накручивать локон на палец.

— Думаю, ты в безопасности. Во-первых, вампиры утрачивают часть своего очарования, когда один из них решает пообедать твоей шеей, а во-вторых, я до сих пор не могу до конца понять, зачем ты вернулся. Так что говори, — приказываю я, нахмуривая брови, когда в ответ на свою речь не слышу ничего, кроме молчания. — Я помогу тебе начать. В некотором царстве, в некотором государстве повстречал я как-то раз кое-кого с очень острыми зубами и...

— Ладно, — прерывает меня Джеймс. — Это не так-то просто, знаешь ли. То, о чем я сейчас расскажу, — не самые приятные моменты в моей жизни. После того как умерли мои родители, мне было... тяжело.

— Это правда был пожар? — спрашиваю я, приготовившись услышать историю о том, что пожар был просто прикрытием, а также о полуночных нападениях вампиров и кровавых отпечатках ладоней на белых простынях. Но, к моему удивлению, Джеймс издает невеселый смешок.

— Да. Просто один из несчастных случаев, о которых все читают в газетах и забывают через три дня. Все, кроме тех, с кем это действительно случается.

Непросто представить себе, что в то самое время, когда я проклинала ежедневные унижения, которые приходится терпеть новеньким в средней школе, он пытался выжить, после того как вся его жизнь внезапно потеряла опору. Представив себе внезапное сиротство Джеймса, я снова натягиваю на плечи платок, завернувшись в него, как мумия. Джеймс снова надолго замолкает, но на этот раз я не тороплю его.

— Как бы то ни было, — продолжает он настолько внезапно, что я подпрыгиваю на месте, — после того, как погибли родители, нужно было решить, что делать со мной. Бабушка с дедушкой умерли задолго до моего рождения, а у родителей не было ни братьев, ни сестер. Если бы они предоставили меня самому себе, я бы действовал на свой страх и риск, но мне было шестнадцать, и по закону они должны были отправить меня в приемную семью.

«Приемная семья» — звучит так... тоскливо.

— Это были хорошие люди?

— Пожалуй. Они жили на старой отремонтированной ферме, с гектарами полей вокруг. Сюзанна разводила немецких овчарок, а Ян большую часть времени возился со старыми тракторными деталями. В школу меня отвозил древний сельский автобус — тогда, когда я туда ходил.

— Когда ходил?

— Ну да. Я прогулял, наверное, половину уроков, но экзамены я все-таки сдал. С трудом, — фыркает он и переводит на меня взгляд. — Знаешь, когда ты счастлив, сложно представить себе, как можно ни о чем не заботиться. Но меня тогда ничего не волновало. Ни я сам, ни мое будущее, ни кто-то еще. Иногда я представлял себе, как все было бы, если бы мы никогда не переезжали, если бы мы по-прежнему жили рядом с тобой и твоей семьей и если бы мы с тобой по-прежнему тратили большую часть времени на изобретение изощренных издевательств друг над другом. Я не спал допоздна, представляя себе наши разговоры по пути из школы, во дворе, по телефону... — говорит он и сконфуженно смотрит на меня. — Это было глупо — у меня были другие друзья, да и мы с тобой не так-то много разговаривали после шестого класса.

Я не знаю, что на это сказать. Мне кажется, что я тоже должна открыть ему что-то личное — например, что, когда он поцеловал меня в гамаке, я только притворялась спящей.

Что в тот день, когда они переехали, я плакала. «Или, — шепчет мой внутренний голос, — ты можешь сесть рядом с ним. Это хороший знак душевной близости». Этот тихий голос прав, и то, с каким выражением Джеймс продолжает смотреть на меня, заставляет меня решиться оказать ему более существенную поддержку, чем просто пара шуточек. Перебравшись через кучу одеял, я придвигаюсь к краю кровати и сползаю на пол. Теперь нас разделяет очень небольшое расстояние, но даже эти жалкие шесть футов кажутся мне футбольным полем. Должна ли я броситься к нему, обняв за плечи, или достаточно наклониться к его лицу с сострадающим выражением лица а-ля Опра Уинфри?

Я все еще борюсь сама с собой, уставившись вниз с таким интересом, словно сижу на Эвересте, и размышляю, как во всю эту историю вписываются вампиры, когда Джеймс подает голос:

— Теперь удобно? — осведомляется он со странной ухмылкой, словно говорящей о том, что он точно знает, о каких глупостях я сейчас думала.

— Кровать слишком мягкая, — торопливо отвечаю я, отчего его ухмылка становится еще шире. Но он снова улыбается, а это прекрасно. Видимо, все, что я должна сделать, чтобы ему стало лучше, по умолчанию встроено в мой социальный идиотизм. — Мне очень жаль, Джеймс.

Он снова пожимает плечами.

— Это не твоя вина.

— Но это все равно не объясняет, откуда взялись клыки. Ставлю на некую подружку с той стороны загробного мира.

Он уклончиво отвечает:

— Возможно.

— Ты хочешь сказать, что есть несколько вариантов? — спрашиваю я, подавляя желание ударить себя в грудь. Откуда взялся этот взрыв эмоций? Как будто кто-то без моего ведома сменил обои на рабочем столе, поставив картинку «ревнивая подружка». Откашливаясь, чтобы избавиться от всего этого, я стараюсь ответить что-нибудь более спокойное. — Я имею в виду, единственный логичный вариант — это Виолетта.

— У меня были и другие подружки, если что.

— Я не говорю, что единственная девушка, которая находит тебя привлекательным, — это та, у которой серьезные проблемы с зависимостью. Я просто хочу сказать, что последнюю неделю мы с Виолеттой были лучшими подружками, и она рассказала кое-какие подробности, которые только теперь, кажется, начинают проявляться. И еще то, как она влетела в столовую, увидев, что мы разговариваем.

— Ладно, да, это была Виолетта.

— Ты проиграл спор? Не там поставил галочку в опросе? Потому что она вроде как немного странная.

— Смешная шутка, — замечает он. — Так я уже говорил, что ферма Сюзанны и Яна была в глуши, так? В радиусе пяти миль было, наверное, всего три дома. В двух из них жили пожилые пары на пенсии. А третий, закрытый, был необитаем. По крайней мере, так все думали.

— Тупицы-тупицы-тупицы.

— Да, тупицы-тупицы-тупицы. Спасибо.

— Без проблем.

— Через пару недель после того как я переехал, я стал гулять по окрестностям. Иногда я отправлялся на прогулку посреди ночи: вылезал из окна и спускался по дереву, как в кино. Однажды ночью я зашел дальше, чем когда-либо, — я просто делал все, чтобы забыть про реальность, — и наткнулся на один из этих старых, бестолково построенных сельских домов с верандой. На секунду, всего на секунду, мне показалось, что это наш старый дом. Или этот дом, — говорит он, бросая взгляд на потолок. — Но, честно говоря, на этот он был похож только размером. Но и этого оказалось достаточно, чтобы я попробовал войти внутрь.

— Взлом с проникновением. Потрясающе, — говорю я, радуясь, когда мои слова

вызывают у него улыбку. А улыбка лучше грусти, в этом нет сомнений.

— Внутри все было совсем не таким ветхим, как я ожидал, — продолжает он, — а напротив стены стоял старый диван. Повсюду валялись газеты. Старые, пожелтевшие. А в дальнем углу было сложено что-то — мне показалось, что это куча веток, — говорит он.

Акцент на «мне показалось» вызывает у меня легкое недомогание. Мне даже почти не хочется уточнять, что же это было. Почти.

— Дай угадаю. Это были не ветки?

— Нет, — отвечает он без всякого выражения. — Не ветки. Кости и мех животных — множества животных. И всего этого было больше, чем осталось бы от животных, которые заползли погреться и потом умерли на месте. Я повернулся и побежал к двери, и тут увидел Виолетту, которая стояла, обняв руками столбик веранды, и улыбалась. Знаешь, я, кажется, даже сказал: «Привет». Она была похожа на куклу, особенно в одном из этих платьев.

— Любая девушка будет похожа на куклу, если утянуть талию до размеров бутылочного горлышка, — раздраженно замечает я и тут же чувствую себя глупо, когда Джеймс смущенно смотрит на меня.

— Как бы то ни было, — говорит он. — Виолетта взяла меня за руку и сказала, что она рада со мной познакомиться.

— А потом утатила тебя в сарай и укусила, так? — продолжаю я, гордясь тем, как любезно я помогаю ему заполнять пробелы в рассказе. Пять с плюсом мне. Я жду знака подтверждения, подергивания уголков рта, движения ресниц, кивка головы — чего угодно. Но ничего не происходит. — Так? — повторяю я.

Джеймс с неожиданным интересом изучает свои шнурки.

— Ты что, издеваешься? Ты хочешь сказать, что это произошло не той ночью? Ты хочешь сказать, что ты вернулся?

— После смерти родителей я не мог смириться с обычным течением жизни, — говорит он прежде, чем я успеваю спросить, как он мог быть таким идиотом. — И хотя я жил в другом месте с другими людьми, я все равно чувствовал то же самое. Сюзанна каждый вечер готовила ужин в то же время, что и моя мама. Она даже использовала те же самые рецепты из журналов. Каждое утро я просыпался под одно и то же тупое щебетание птичек и каждый день надевал одну и ту же одежду. И все-таки все это напоминало мне о том, насколько теперь все по-другому, насколько все ужасно. Но в Виолетте все было другим. И она, и ее жизнь, и все остальные. Это напоминало то чувство, когда забываешься за книгой или фильмом. Это было спасение.

— Но неужели их безумная странность не заставила тебя насторожиться?

Он награждает меня испепеляющим взглядом.

— Не считай меня таким дураком. Но ведь вампиры находятся за пределами возможного, так? И, кроме того, что-то я не заметил, чтобы ты подняла шум, увидев вампиров в столовой.

— Верно. Но, с другой стороны, я не видела их коллекцию костей.

— Логично, — соглашается он. — На самом деле мне было плевать. Я чувствовал себя как во сне, и происходило все как во сне. Однажды ночью Виолетта спросила меня, хочу ли я, чтобы все это длилось вечно. Я сказал «да». Она укусила меня, приказала мне укусить ее, и к тому времени я настолько утратил связь с действительностью, что послушался. Проснувшись, я подумал: «Ага, теперь, по крайней мере, все никогда не будет по-прежнему». — Он откидывает голову назад. — Это был самый идиотский поступок в моей жизни. Ты не сможешь винить меня сильнее, чем я сам виню себя.

— Ты не мог просто покрасить волосы в фиолетовый и на этом остановиться? — безнадежно спрашиваю я. Когда я представляю себе одиночество и горе, толкнувшие его на это, у меня сжимается горло. Я придвигаюсь немного ближе к нему, чтобы дать ему понять, что я ценю его откровенность. Когда я замираю рядом с ним, он приподнимает одну бровь.

— Ого! Это лучшая сентиментальная история, которая есть у меня в запасе. Что еще должен сказать парень, чтобы заставить тебя придвинуться совсем близко?

Поскольку я ничего не отвечаю, он сам рывком придвигается, преодолев всю дистанцию между нами. Я с пересохшими губами смотрю на тот дюйм, что разделяет теперь наши колени.

— Ты знаешь, что вся твоя кровь сейчас прилила к щекам? — спрашивает он. — Они пылают.

Я резко поднимаю голову и машинально трогаю себя за другие части тела, которые действительно едва теплые.

— Какая разница. Здесь слишком темно, чтобы увидеть это, — с напускной храбростью говорю я.

— Темнота не имеет значения. Это одно из преимуществ моего нового состояния.

— Что?

— Я могу видеть тепло тела, тепло лужи крови. И сейчас твои щеки горят, как два гигантских маяка, — он показывает пальцем на мое лицо, как будто я не знаю значения слова «щеки».

— Я легко краснею, — отговариваюсь я.

— Ага, — говорит он, явно мне не веря. Кажется, наступил идеальный момент для того, чтобы снова сменить тему разговора.

— Итак, какие еще сверхспособности у тебя есть? — спрашиваю я. — Если скажешь, что рентгеновское зрение, я застрелюсь.

Он не отвечает. Видно, что он чувствует себя ' неловко после моего вопроса — он сидит прямо и раскачивается из стороны в сторону. Похоже, мне снова придется поиграть в разгадывание загадок.

— Если судить по Владу, то я бы сказала, что у тебя есть сила убеждения.

— В определенной степени, — осторожно отвечает он.

— И ты стал сильнее?

— Да.

— И у тебя обостренные чувства.

— Да.

— И ты искришься в солнечных лучах.

Он как будто бы собирается ответить «да», но потом вдруг удивленно смотрит на меня.

— А что?

— Ты... м-м-м... искришься? — пробую я снова. Он по-прежнему смотрит недоуменно, и я сбивчиво начинаю объяснять: — Я имею в виду, я помню, что видела тебя на солнце, и никакого сверкания вроде не было. Но тебе, наверное, нельзя долго находиться на солнце?

Кто-то должен вмешаться и сделать универсальными знания о вампирах, немедленно.

Он продолжает смотреть на меня так, словно я только что сообщила ему, что в свободное время люблю жевать траву.

— Солнечный свет не убивает нас, но он делает нас слабее. Как и использование любого нашего дара, — говорит он, и в последнем его слове отчетливо слышится сарказм. — Чем больше мы их используем, тем больше нам нужно...

— Нужно что? — тороплю я его.

— Тем больше нам нужно пить, — отвечает он.

Мой желудок сжимается. Я, конечно, знала,

что вообще-то вампиры пьют кровь. Но ведь это Джеймс. Джеймс! Он любит красные лакричные палочки и сэндвичи с бананами и арахисовым маслом. Я знаю это потому, что он всегда крал их из моей коробки с завтраком и подкладывал на их место записки, на которых было написано: «Джеймс: 1, Софи: 0».

Повернувшись, я смотрю на него в лунном свете. Он опять занялся изучением своих шнурков, но я вижу, как он косится на меня уголком глаза. Мой мозг подсовывает мне картинки, на которых он с оскаленными клыками склоняется над рядами белых шей и хватает кроликов в лесу. На этих картинках он одет в плащ с красной подкладкой и фрак с узкими фалдами, а вовсе не в футболку и джинсы, как сейчас.

Я бессознательно подношу руку к шее. Две колотые ранки затянулись рубцами, твердыми и изогнутыми, как крошечные черепаший панцири. Возможно, мне следует начать волноваться.

— Да, — мрачно произносит Джеймс. — Я правда пью кровь. Но я никогда не буду пить твою кровь. И никогда — кровь кого-то живого. Это слишком опасно. И... ну, ты понимаешь. Неправильно.

Его слова удивляют меня — я не думала, что произнесла что-то вслух. Я смущенно смотрю на него.

— М-м-м... да. Мы можем в некотором роде читать мысли, когда мы близко от человека. Иногда. Время от времени. Нам нужно прикасаться к человеку, если мы хотим проникнуть глубже. Но все это идет рука об руку со стиранием памяти, о котором нам как раз стоит поговорить.

Я знаю, что должна воскликнуть что-то вроде: «Да! Стирание памяти! Объясни, пожалуйста, подробно и в деталях!» Но сейчас я чувствую только, что хотела бы спрятаться под кроватью и оставаться там до самой смерти. Итак, это произошло той первой ночью в его дворе, потом сегодня в столовой, а потом...

— Сейчас, — любезно подсказывает Джеймс.

Я срываюсь с места быстрее, чем кто-либо когда-либо срывался с места, и не останавливаюсь, пока не упираюсь спиной в дверь спальни. Теперь нас разделяет, по меньшей мере, двенадцать футов.

— Ой, да ладно тебе, — говорит он. — Я не обращал внимания ни на что постыдное. Хотя было приятно узнать, что кто-то считает мои руки красивыми. — Уголки его рта начинают подергиваться. — Ну, мои и Дэнни Бауманна.

О господи. Все, что касается Дэнни Бауманна, я надеялась унести с собой в могилу. Впрочем, мои фантазии ограничивались тем, как мы встречаемся на двадцатой встрече выпускников, и он совершенно потрясен моим самообладанием и жизненным опытом, и в итоге я провожу остаток жизни, любясь им, а потом нас хоронят вместе. Получается, что и при таком раскладе я уношу его с собой в могилу. Что и требовалось доказать.

— Это не смешно, — произношу я, обретя наконец дар речи. — Это вторжение в личное пространство. Прекрати.

— Я бы прекратил, если б мог, — говорит он. — Это просто происходит. Говорят, что, когда становишься старше, можно научиться это контролировать — другие вампиры умеют, — но прошел всего год, и пока что оно только набирает силу. — Он трет глаза с неожиданно усталым видом. — Я рад, что это произошло, потому что нам нужно подумать о том, что произойдет в понедельник. Влад будет ожидать, что ты не помнишь ничего о том, что случилось сегодня в лесу. Если ты выразишь хоть малейшую толику недоверия, он что-то заподозрит, и я не могу предсказать, что он тогда сделает. Если ты не замечала, — криво усмехается он, — от него можно ожидать чего угодно.

— И что же я должна делать? Не думать?

— Нет. Но, судя по тому, что ты потащила в лес за четырьмя голодными вампирами, сегодня вечером ты и так не слишком себя этим утруждала.

Я поднимаю палец.

— Ладно. Во-первых, я не знала, что они вампиры — я просто думала, что они участники какого-то странного культа. И во-вторых, — добавляю я, поскольку первый пункт сейчас звучит уже совсем не так разумно, — оскорбления не помогут мне удержать мою шею в целостности и сохранности. Seriously, что я должна делать?

— Есть вещи, которые затрудняют наше восприятие.

— Какие, например?

— Я замечал, что если люди полностью сконцентрированы на чем-то, то я ничего не слышу. Проявляются только бессвязные мысли, которые выбиваются из размеренного потока сознания. — Он останавливается, и какая-то новая эмоция мелькает на его лице. — Ты правда собираешься продолжать прятаться в углу?

— А ты можешь слышать меня отсюда?

— Очень слабо.

— Тогда да, — говорю я. Он, немного насупившись, отводит глаза в сторону. Пусть я не умею читать мысли, но я вижу, что он явно обижен. Я чувствую себя виноватой. Особенно учитывая то, что он сидит здесь и рассказывает все это только затем, чтобы помочь мне не стать десертом Влада.

Зная, что позже я об этом пожалею, я пересекаю комнату и сажусь рядом. Наши колени снова разделяет всего несколько дюймов.

— Ладно, давай потренируемся. Попробуй сказать, о чем я думаю, — говорю я, но он уже, опустив глаза, посматривает на мои ноги.

— Что это? Танцующие изюминки?

— Киты. И я хотела бы сейчас сосредоточиться на советах и рекомендациях по защите сознания от вампиров, а не на моей пижаме.

— Справедливо, — соглашается он и затем наклоняется ближе, так что я вижу зелень его глаз. Меня неожиданно отвлекает его нижняя губа — она по-настоящему красиво очерчена. А вокруг уголков рта у него веснушки. Не помню, чтобы я видела их раньше.

— Это потому, что вряд ли ты так близко смотрела на мой рот, когда нам было восемь, — говорит он.

Я откидываюсь назад.

— Я была не готова!

— Прости. Это не та ситуация, которую можно разыграть на «раз-два-три-поехали!».

Я указываю рукой назад.

— Черт. Просто... отойди вон туда.

— Что?

— Ты говоришь, что должен находиться близко, чтобы что-то услышать. А поскольку я все-таки смогу заметить, как Влад приближается ко мне, у меня будет, по меньшей мере, две-три секунды на то, чтобы начать концентрироваться. Так что отойди к книжному шкафу и потом приближайся ко мне. — Видя, что он не двигается с места, я добавляю: — Можешь начинать прямо сейчас.

Он неохотно встает и переходит к дальней стене, а я начинаю размышлять, на чем бы мне сосредоточиться. Я могу выбрать любую тему вроде погоды или почему я ненавижу слово «острый», но это еще не значит, что я смогу спрятать свои мысли, когда это будет действительно необходимо.

Я вскакиваю на ноги, и он начинает приближаться. Я закрываю глаза и пытаюсь сосредоточиться на тех вещах, которые я никогда ни за что не произнесла бы вслух: «Джеймс, то, что теперь твой любимый напиток — кровь, не беспокоит меня даже вполтину так сильно, как должно беспокоить. А еще ты стал по-настоящему симпатичным».

Открыв глаза, я вижу перед собой его подбородок. Джеймс глядит на меня с настойчивым вниманием и еще чем-то, чего я не могу определить.

— Сработало, — говорит он через пару мгновений. — Ничего, кроме неясных помех.

— Правда?

— Ага. Абсолютно пусто. О чем ты думала?

— Э-э-э... так, о всяких глупостях, — отвечаю я, глядя на него снизу вверх. Когда он успел стать таким высоким?

— В десятом классе, — говорит он и тут же с досадой морщится. Жалкие запасы мужества, которое придал мне мой успех, начинают улетучиваться.

— Ну и что мне делать? — спрашиваю я.

— Избегай Влада. И точка.

— Но у меня с ним английский! Правда, он сидит впереди, а я сзади, но...

— Ничего, все будет в порядке, — говорит он примерно так же обнадеживающе, как врач, только что уронивший инструменты в открытую сердечную полость пациента. — Как я уже говорил, Влад достаточно опытный, так что он не будет читать мысли, если только не

начнет активно это делать. Просто постарайся не подпускать его слишком близко.

Осознав, насколько близко я сейчас от Джеймса, я отступаю назад и сажусь на край кровати.

— А как насчет Виолетты? Она тоже в моей группе по английскому.

— Виолетта редко использует свои способности. Это истощает, а она считает, что пить кровь — не очень женственно. Кроме того, у нее достаточно своих тараканов в голове, чтобы волноваться о чьих-то еще.

— Жестоко говорить так про свою девушку.

— Бывшую девушку, — быстро поправляет он. — Если что.

— Прекрасно.

Джеймс подмигивает, что выглядело бы очень мило, не будь он таким мерзавцем.

— Не понимаю, почему ты злишься.

— Возможно, мне просто кажется, что ты мог бы быть немного добрее к девушке, разделившей с тобой вечную жизнь.

Он запускает руки в волосы — жест, который я быстро расшифровываю как «меня-бесит-твой-психоз».

— Вечную жизнь, которая мне не нужна, — с нажимом говорит он. — Девушка, с которой я не хочу быть. Если уж быть до конца честным, то я хочу...

Я прерываю его.

— Стоило подумать об этом прежде, чем она подарила тебе несмываемую метку вампира. А поскольку это уже случилось, то что плохого в вечной жизни? Я имею в виду, может быть, теперь стоит обратить внимание на хорошие стороны?

— Помимо головных болей от солнца, необходимости пить кровь и безумной компании? — восклицает он, и в первый раз с начала разговора он начинает злиться, по-настоящему злиться.

— И сверхспособностей, — продолжаю перечислять я, — и чтения мыслей, и крутизны, и...

— Я не хочу больше об этом говорить! — он резко прерывает меня, подходя к окну и выглядывая наружу. — Я вообще не понимаю, как мы до этого договорились. Давай поговорим о чем-то другом.

Он прав. Пора сменить тему.

— Ладно, — говорю я. — Что Влад здесь делает?

Пару мгновений Джеймс изучающе смотрит на меня.

— Влад ищет девушку, — наконец отвечает он.

— Я это уже поняла, — с трудом скрывая нетерпение, говорю я. — И что эта девушка делает? Летает?

— Нет.

— Он хочет выпить ее кровь?

Джеймс пожимает плечами.

— Не могу сказать, что он всегда посвящает нас в свои планы.

До сих пор Джеймс был для меня открытой книгой и смотрел мне прямо в глаза дольше, чем мог выдерживать мой бедный дрожащий желудок. Но теперь он сознательно закрывается от меня. Я смотрю на то, как он притворяется, что смотрит в окно на свой двор, и тут меня осеняет, что я помню эту позу со времен нашего детства; эта поза говорит о том, что Джеймс что-то скрывает.

— О чем ты пытаешься умолчать? — спрашиваю я.

Он резко поворачивается ко мне, но вместо ответа идет через комнату к доске, висящей над комодом. Наклонившись к ней, он указывает на фотографию, припиленную к ее углу.

— Это те занятия по карате, с которых тебя выгнали? Эта маленькая сердитая девочка — ты?

Похоже, сегодня мне уже не удастся ничего из него вытянуть.

— Уже поздно, и я совершенно измучена, — говорю я, и это действительно так. Мои

веки наливаются тяжестью, а подушка на кровати с каждой минутой кажется мне все более мягкой и притягательной. Как гигантский пушистый зефир, набитый зефирным пухом.

— Ты меня выгоняешь? — удивленно спрашивает Джеймс.

— Ты, похоже, сказал все, что хотел.

Раздражение искажает его черты.

— Я не знал, что я здесь только для предоставления информации.

— Это не так! Просто дело в том, что я устала, сегодня в лесу на меня напали вампиры, а их вожак хочет убить меня, как только освободится на минутку от разыгрывания самого популярного человека в мире. Так что я просто хотела бы снова заснуть и забыть об этом хотя бы ненадолго, — заканчиваю я, понимая, что пока что я совершенно не справляюсь с последним пунктом.

Джеймс пару секунд просто смотрит на меня.

— Влад не самый популярный человек в мире, — наконец говорит он.

— Что?

— В мире вампиров он совсем не популярен. В сущности, он изгой. Персона нон грата. Если бы существовали вампирские рестораны, на них бы висели таблички с надписью «Не входить с осиновыми колами или Владом».

Если бы Джеймс сказал, что свободными вечерами Влад заворачивается в целлофан и поет попсовые песни перед зеркалом, я и то не была бы так удивлена. Учитывая его склонность задира́ть нос и изображать из себя самого крутого парня на свете, я предполагала, что он находится на вершине некой вампирской пищевой цепи.

— Но почему? — недоумеваю я.

Джеймс садится на стул у письменного стола, откидывается на спинку и смотрит мне в глаза, которые сейчас слишком широко распахнуты, чтобы казаться невинными.

— Ты все еще хочешь, чтобы я ушел?

Браво, Джеймс, браво. На один короткий миг я задумываюсь, почему он так сопротивляется тому, чтобы пойти домой, хотя еще давным-давно Марси говорила, что, если бы он бывал здесь немного чаще, она бы его усыновила.

— Ты можешь остаться, — говорю я.

— Отлично, — отвечает он, потягиваясь и устраиваясь поудобнее. — Мир вампиров основан на иерархии. Возьми весь идиотизм средней школы, помножь на восемнадцать, добавь полный перечень психов и получишь нечто очень близкое к тому, на что похожа жизнь в вампирском обществе. Существуют сотни вампирских семей, и каждая из них точно знает, кто по рангу выше или ниже их.

— Вампирские семьи? Как брат и сестра? — спрашиваю я, вспомнив о Марисабель. Возможно, они действительно в каком-то смысле брат с сестрой.

— Вроде того. Когда ты становишься вампиром, ты рождаешься заново с именем того, кто тебя им сделал, и ты довольно сильно завязан на это имя. Ты можешь жениться на ком-то из внешнего мира, но это случается очень редко — на деле большинство вампиров скорее согласятся сжечь себя, чем вступить в неравный брак.

— Ставлю пятьдесят долларов на то, что фамилия Влада на самом деле — не Смитсон.

— У Влада нет имени. Вампиром его сделал Безымянный. Таких — тех, кто был создан вне системы, — воспринимают в вампирском обществе как паразитов.

— Значит... значит, вы все — Безымянные.

— Почти все. То есть те из нас, которых создал Влад.

— Хорошо. Но что это фактически значит? Вас не выбирают в игре в вышибалы?

— Скорее то, что у нас вообще нет прав. В лучшем случае нас игнорируют, в худшем — убивают. Вот почему большинство Безымянных скрываются. Они — те, кто прячется в пустых домах и выбирается наружу только по ночам.

Другими словами, делают именно то, что делал Джеймс, пока я не заманила его обратно в полные захватывающих событий коридоры школы Томаса Джефферсона. Я смотрю на Джеймса, ожидая увидеть на его лице подтверждение моей догадки, но он,

похоже, никак не связывает эти факты между собой.

— Влад не похож на того, кто скрывается.

— Он не так уж долго это делал — но, видимо, когда он только стал вампиром, он околачивался слишком близко от законных семей, и многие из них хотели его убить. Но потом он состряпал эту схему с «Данаей» и до сих пор над ней работает.

Я наклоняюсь ближе, взволнованная тем, что мы наконец подходим к тому, о чем у меня, кажется, уже есть смутные догадки.

— «Даная», — говорю я. — Я знаю, что Невилл — часть этого, но что это такое?

— Как ты узнала, что Невилл — часть этого?

— У него есть татуировка с буквой «Д». Я видела.

Джеймс, похоже, не в восторге от этого признания, но, немного помолчав, он продолжает:

— Я не так уж много об этом знаю, только то, что это что-то вроде тайного вампирского сообщества с членами по всему миру. У нас есть официальные вампирские суды, но в действительности за все ниточки дергают члены «Данаи». Это что-то вроде элитной мафии.

— Но ведь это значит, что Невилл не может быть Безымянным. Почему он тогда якшается с Владом?

— Он уверяет, что члены «Данаи» заинтересованы в том, к чему приведут поиски Влада. Влад, разумеется, в восторге. Он думает, что, если найдет эту девушку, его примут в члены организации.

— Это странно.

— Да, но для Влада все это в порядке вещей.

— Нет, я имею в виду то, что Невилл — представитель этой организации. Потому что во время нашего интервью мне показалось, что он их ненавидит. Он сказал, что хотел бы удалить татуировку, — говорю я и затем встряхиваю головой. Мы уходим в сторону. Все, что мне действительно нужно узнать, это почему наличие девушки поможет преодолеть социальные барьеры. Но когда я спрашиваю Джеймса, почему все так интересуются ее поисками, он снова медлит. Интересно, что заставляет его держать рот на замке именно тогда, когда разговор касается этой темы?

— Думаю, я пойду спать, — говорю я, изображая зевок.

Джеймс улыбается.

— Я вижу твой пупок, — замечает он, и я немедленно опускаю руки к животу, смущенная такой откровенной попыткой схитрить. Повисает неловкая тишина, но потом он смягчается. — Я на самом деле не так уж много знаю о ней, — говорит он. — Влад говорил нам только то, что считал нужным. Я знаю, что у нее есть что-то вроде родимого пятна в форме звезды.

— Ты издеваешься надо мной. Звезды? — переспрашиваю я. Это больше подходит для игрушки — Моего Маленького Пони, чем для человека.

Но Джеймс кивает головой и подтверждает, что да, это звезда.

— И еще я знаю, что она вроде как легенда в мире вампиров, — продолжает он. — Я слышал, что есть определенные поверья, связанные с ее кровью.

— Например?

Он снова колеблется.

— Некоторые говорят, что она может сделать вампиров устойчивыми к солнечному свету, другие говорят, что ее кровь — афродизиак. А кто-то говорит, что она может снова сделать вампира человеком. Вот так. Это все, что я знаю.

Я недоумеваю, почему он так неохотно рассказал мне это, но я рада, что он это сделал.

— Спасибо, — говорю я. — У нас не так много информации, но если Влад имеет дело с таким же небольшим количеством подсказок, то, думаю, нам все удастся.

— Удастся что?

— Опередить Влада. Найти девушку и предупредить ее об опасности — что бы он там

ни собирався с ней сделать.

Я встаю, чувствуя покалывание в ногах от такого долгого сидения на полу. Отпихнув пальцами ног ноги Джеймса, я достаю оставшийся с десятого класса альбом выпускников из нижнего ящика стола.

— Влад отказался от Кэралайн, так что на очереди осталось еще всего лишь три сотни девочек из средней школы. Знаешь, возможно, у Влада есть какая-то тайная причина, по которой он ищет ее среди популярных девочек. Он очень быстро нацелился на Кэралайн, — говорю я и потом осознаю, что я болтаю, не спрашивая совета у того, кто гораздо лучше меня осведомлен о делах вампиров. — Как ты думаешь?

Джеймс молчит. Обернувшись, я вижу, что он смотрит на меня с таким виноватым и пристыженным видом, что мне ничего не остается, как спросить его, что не так.

— А что, если позволить Владу найти ее? — тихо предлагает он.

— Не понимаю.

Он не отвечает, просто продолжает смотреть на меня. И тут я все понимаю.

— Ты думаешь, что ее кровь поможет тебе стать прежним, — не веря своим словам, произношу я.

— Это всего одна девушка, — замечает он, но я слышу в его голосе неуверенность, которая говорит о том, что он уже долго спорил об этом сам с собой. — Мы даже не знаем, что они с ней сделают.

По-моему, нетрудно предположить, что они вряд ли подарят ей сертификат на бесплатные покупки в торговом центре! Думаю, все, что планирует Влад, почти наверняка окажется опасно для ее здоровья. И ты это знаешь, — говорю я, — иначе не сидел бы в сторонке. Ты не хочешь принимать участие в поисках, но будешь рад снять сливки, если она найдется.

В следующую секунду Джеймс уже стоит, хотя я не успела заметить, как он поднимался. Только что он сидел на стуле у письменного стола, а сейчас уже стоит рядом со мной и гневно смотрит на меня.

— С каких это пор ты заботаешься о своих одноклассниках, Софи? — спрашивает он. — Сегодня ты на моих глазах предала единственную подругу, которая, кажется, у тебя была. И ради чего? Ради дурацкого проекта по журналистике?

— Послушай, — говорю я. — Я действительно об этом сожалею. И в мире, не населенном психами, это не привело бы к тому, что она в итоге оказалась в лесу со стаей голодных вампиров.

— Но оно привело.

— Прекрасно. В понедельник я выйду на сцену и позволю всем закидать меня камнями. — Я понижаю голос, собираясь вернуться от обвинений к убеждениям. — Но ты, ты позволяешь кому-то подвергаться опасности, прекрасно зная, что эта опасность существует. И на самом деле ты надеешься, что этот кто-то не избежит опасности.

— И что я, по-твоему, должен делать? Оставаться таким, как есть?

Я жду, пока затихнет эхо от его слов.

— Это твой выбор, — отвечаю я, болезненно морщась от того, как жестоко звучат эти слова.

— Это была ошибка! И да, возможно, я смотрел слишком много передач про сверхъестественные явления, когда не мог спать после смерти родителей, но вполне возможно, что у Влада действительно есть причина искать ее здесь. Может быть, это шанс начать все сначала. Может быть...

— Ты сам-то понимаешь, что говоришь? — спрашиваю я, но потом заставляю вести себя более дипломатично. — Я понимаю, что ты очень расстроен, и мне жаль, но за твою ошибку не должен расплачиваться кто-то другой.

— Хватит, — рявкает он. — Я все понял.

Эта грубая реплика заставляет меня замолчать. Повисает напряженная тишина, и потом я говорю:

— Так ты мне поможешь?
— Помогу тебе остановить Влада? Нет.
— Тогда, думаю, тебе стоит уйти, — заявляю я, стараясь, чтобы мой голос был более твердым, чем мое решение.

На этот раз Джеймс не возражает. Он смотрит в окно, и в этот миг я готова отдать все за способность читать мысли. Но я не делаю этого, поэтому я просто пересекаю комнату, открываю дверь и выглядываю в короткий коридор, ведущий к лестнице.

— Будь особенно осторожен, когда будешь проходить мимо комнаты родителей: у Марси чуткий сон, — говорю я. — Но когда дойдешь до комнаты Кэролайн, можешь уже не волноваться. Она способна сладко спать на ралли гигантских грузовиков, — шепотом добавляю я, но когда я поворачиваюсь, чтобы проверить, все ли он понял, комната пуста, а окно открыто. Джеймс ушел.

Глава десятая

Субботний завтрак представляет собой весьма мрачную церемонию. Кэролайн все еще всхлипывает по поводу Влада и жалуется, что оладьи чересчур пористые, я плохо спала, всю ночь думая о нашем разговоре с Джеймсом, а папа расстроен, что не может найти утреннюю газету.

— Я не знаю, кто ее взял, — говорит Марси.

— Вампиры, — бормочу я, обмакивая кусок оладьи в сироп. Отныне это будет моей рабочей теорией на все случаи жизни. Марси кидает на меня странный взгляд и затем объявляет, что у нее есть хорошие новости.

— Ты нашла ее? — спрашивает папа.

— Нет, Фред, — терпеливо отвечает она. — Я не могла найти ее, неподвижно сидя на стуле. Я говорю о том, что у нас новые соседи!

Я роняю вилку.

— Что? Нет, их нет.

— Нет, они есть, — упорствует Марси.

— И кто они? — спрашивает папа, смилившийся с тем, что ему придется завтракать без газеты.

— Ну, этого я пока не знаю, — признается Марси. — Никто не отвечает на мой стук. Но вчера вечером я оставила пирог и открытку на крыльце, а сегодня утром, когда делала пробежку, я заметила, что все это исчезло.

Я не могу поверить, что Джеймс повелся на пирог, тем более что он даже не может его съесть. Но, видимо, я не должна удивляться — в последнее время я узнаю о Джеймсе слишком много такого, во что просто не могу поверить. Однако это не значит, что я должна натравливать на него Марси и позволить ей тоже во все это влипнуть.

— Это может означать все, что угодно. Может быть, его утащили еноты, — предлагаю я и с трудом удерживаюсь от того, чтобы не ударить себя по лбу. Судя по всему, вампиры действительно нарушили мои представления о реальности, раз моя первая теория — это еноты, крадущие пироги.

— Тарелка тоже исчезла.

— Или воры? — пробую я снова. — Вот и папина газета тоже пропала, — добавляю я, благодарная папе за его сочувствующий кивок. Марси больше ничего не говорит, но я вижу, как она сияет — характерный признак гордости первооткрывателя. Теперь это только вопрос времени, когда она возобновит свои попытки подружиться с соседями.

После завтрака я пытаюсь дозвониться Линдси на мобильный, но она не берет трубку. Я снова пробую после обеда и еще три раза после ужина. Наконец, в воскресенье утром я звоню ей домой. Трубку поднимает ее младший брат. Судя по голосу, ему лет девять.

— Могу я поговорить с Линдси? — спрашиваю я и слышу, как он, оглушительно топая, убегает искать ее. Через пару секунд он, задыхаясь, возвращается.

— Она просила передать, что не хочет с вами говорить. Ни сейчас, ни потом. Это цитата.

Хотя именно этого я и ожидала, я все равно расстраиваюсь.

— Но она в порядке? — спрашиваю я. — Никто к вам не приходил?

— Роберт заходил.

— И больше никто? — уточняю я.

— Гм... вроде нет, — отвечает он, начиная немного беспокоиться. — Мне надо идти. Я вообще-то не должен отвечать на звонки.

— Подожди! Ты можешь ей сказать, что я...

Он вешает трубку. В расстроенных чувствах я возвращаюсь к письменному столу, где провела последние три часа, тупо уставившись в пустой лист бумаги. Трудно писать веселые, жизнерадостные заметки о новых учениках, когда так и хочется после последнего предложения поставить «P.S. Он вампир». Хотя получившиеся заметки бесконечно далеки от идеала, я в конце концов сдаюсь и распечатаваю на принтере то, что есть, размышляя о том, как забавно, что еще неделю назад я бы не спала до трех утра, раздумывая над стилистическими тонкостями. Но теперь мне нужно удостовериться в том, что случившееся в лесу никогда не повторится вновь.

Достав выпускной альбом, я пытаюсь оценить вероятность. Учítывая то, как быстро Влад взялся за Кэролайн, я решаю начать с девушек, похожих на нее, — другими словами, с популярных старшеклассниц, живущих в этом городе с самого детства. Составив список примерно из двадцати девушек, я пытаюсь придумать способ узнать есть ли у них родимые пятна в виде звезды. Большинство из них занимаются чирлидерством или спортом, что открывает для меня хорошие перспективы. Но, скрываясь в комнате для переодевания без всяких на то причин, я вряд ли выиграю приз за хитрость. Мне нужно какое-то прикрытие.

От нечего делать я просматриваю фотографий спортивных команд, надеясь, что они меня вдохновят. Под большинством из них стоит крошечное «(с) Марк Эчоллс», и на некоторых в кадр заглядывает сияющее очкастое лицо самого Марка. Я подозреваю, что лицо его сияет не столько от эндорфинов, сколько оттого, что он окружен четырнадцатью высокими, яркими девушками. Марк, который теперь учится в выпускном классе, делал репортажи про женский спорт с тех пор, как я начала здесь учиться. Когда мистер Амадо попытался отлучить его от этого, Марк почти рыдал.

Но теперь это вопрос жизни и смерти. Если мне удастся убедить мистера Амадо разрешить нам поменяться обязанностями, работа над спортивными репортажами будет прекрасным предлогом находиться в спортзале. Не говоря уже о том, что при этом я продемонстрирую организационную инициативность и «способность широко мыслить», то есть именно то, что приводит мистера Амадо в экстаз. Он до сих пор бредит тем, как прошлый главный редактор по собственной инициативе взял на себя реструктуризацию технической редакции. Это может стать моим шансом остаться в игре. Я убью двух зайцев одновременно. Бинго.

Я чувствую прилив вдохновения. Теперь все, что мне нужно понять, — это что именно данаи собираются сделать с девушкой, когда найдут ее. Но как бы мне ни было неприятно это признавать, похоже, я все-таки сожгла пару мостов, связывавших меня с миром вампиров. Виолетта вряд ли когда-либо еще со мной заговорит, а Джеймс...

Я перевожу взгляд на его окно. Оно темное, как обычно. Чем он вообще там занимается целыми днями? Вслепую вяжет носки? Я рывком задергиваю штору. Мне нужно сосредоточиться. Сейчас мне бы очень пригодилась парочка вещей снов или какая-нибудь жуткая библиотечная книга под названием «Вампиры». Но вместо этого у меня есть татуировка, имя и накопленные за шестнадцать лет противоречивые данные, полученные из популярных книг и фильмов. Все это никак не может мне помочь... или может? Джеймс, кажется, представляет собой ходячий мешок с популярными вампирскими мифами.

Поскольку лучших альтернатив у меня нет, я пытаюсь вспомнить, чему еще научили меня вампирские саги.

Вампиры слишком засиделись в традициях девятнадцатого века, и не помешал бы хороший пинок, чтобы выгнать их оттуда.

Вампиры-полукровки часто бывают вынуждены бороться с преступностью.

Не помешало бы посчитать корреляцию между угрюмостью и вампиризмом.

Вампиры любят банды, просто они называют их кланами.

У вампиров не бывает детей.

Когда я пишу последнее предложение, какая-то мысль проносится в глубине моего сознания. В десятом классе английский у нас вела женщина с полностью отсутствовавшими навыками планирования времени, в результате чего мы потратили примерно двенадцать недель первого семестра на греческую мифологию и две недели на все произведения Шекспира. Я забиваю слово «Даная» в «гугл» и в награду получаю подтверждение того, что в греческой мифологии Даная — мать Персея, ребенка, рожденного чудесным образом. Не так уж много, но, по крайней мере, хоть одна рабочая теория. И, между прочим, пусть у Влада есть сила, знания и высочайший уровень безумия, — зато у меня есть Википедия.

На следующее утро я просыпаюсь слишком поздно, тем самым сорвав свой план до звонка напасть на мистера Амадо с моим предложением. К тому времени, когда я прихожу к мистеру Бэру на основы математического анализа, он уже настолько потерял в Волшебной Стране Математики, что едва оборачивается, чтобы взять у меня допуск. Опасаясь, что он ошибочно примет мое приближение за желание ответить на вопрос, я спешно ретируюсь на свое место в заднем ряду — как раз вовремя, чтобы успеть на раздачу листочков с упражнениями. Взяв себе один, я через плечо передаю оставшиеся парню позади меня. Ничего не происходит. Я трясую стопкой бумажек. По-прежнему ничего. Собираясь прочесть лекцию этому нарушителю порядка, я оборачиваюсь и вижу самодовольную улыбку Джеймса.

— Как мило, что ты обернулась, — беззвучно шевеля губами, шепчет он.

Я бросаю кипу бумажек ему на стол, с радостью слыша тихое проклятие и торопливый шелест, пока он собирает их. Немного погодя он трогает меня за плечо.

— Что ты вообще здесь делаешь? — не оборачиваясь спрашиваю я, выведенная из равновесия тем, как я ему обрадовалась, пока не вспомнила о его намерениях. — Это младший класс. Ты, конечно, на особом положении, но все-таки ты выпускник.

Скрип его стула предупреждает меня, что он придвигается ближе, но все равно я вздрагиваю от неожиданности, услышав его голос, шепчущий мне прямо в ухо.

— Сила убеждения иногда имеет свои преимущества, — слышу я. — У меня есть все твоё расписание. Так что попробуй-ка угадать, чем мы будем заниматься на уроке рисования?

Снова забавляться с сосновыми шишками, наверное. Так ему и надо.

— Так вот какой у тебя план? — спрашиваю я, поворачиваясь к нему. — Преследовать меня, пока я не найду ее, а потом атаковать?

Джеймс выглядит раздраженным.

— Я здесь потому, что обещал Владу быть здесь, — отвечает он, наклонившись вперед. — Помнишь?

Вспышка вины пересиливает злость. О да, я помню — каким бы назойливым он ни был, он действительно остановил Влада, когда тот хотел убить нас в лесу.

— И тебе никогда не приходило в голову, что я, возможно, захочу присмотреть за тобой, пока ты пытаешься разрушить все мечты и надежды Влада? — продолжает он. — Ну, знаешь, чтобы защитить тебя.

— Это произошло только однажды, — упорствую я.

— Да-да, конечно.

От его скептического тона у меня закипает кровь.

— Ладно, Святой Джеймс, ты по-прежнему планируешь закусить девушкой, которую мы найдем?

Он сжимает губы, но ничего не отвечает.

— Это мое последнее слово, — важно говорю я и делаю вид, что увлечена уравнениями, которые мистер Бэр пишет на доске. Стул позади меня снова скрипит.

— Делай по-своему, — шепчет он мне на ухо, — но я хочу, чтобы ты знала: не надейся, что я отстану от тебя, пока все не придет в норму.

Да неужели. Я поднимаю руку и держу ее до тех пор, пока мне не удастся привлечь внимание мистера Бэра, когда он в очередной раз оглядывается проверить, слушаем ли мы его. Он выглядит удивленным.

— Мисс... МакГи? — с трудом припоминает он мое имя.

— Можно мне пойти к медсестре, пожалуйста? — умильно прошу я. — Мне не очень хорошо. Мне казалось, это пройдет, но, боюсь, меня стошнит, если я посижу здесь еще хоть секунду.

Мистер Бэр борется с педагогической нерешительностью; поскольку идет только первая неделя занятий, я для него пока неизвестная величина. После продолжительной паузы он находит среди завалов на своем столе стопку розовых пропусков, быстро пишет что-то на одном из них и кладет его на мой стол.

— Сделайте к среде упражнения на странице восемьдесят три и поправляйтесь, — говорит он и снова отворачивается к доске.

Я собираю учебники, когда Джеймс поднимает руку и, не дожидаясь разрешения, говорит:

— Мистер Бэр, я тоже не очень хорошо себя чувствую,

— Тогда опусти голову между колен и подожди, пока тебе не станет лучше, — не оборачиваясь, отвечает мистер Бэр, очевидно, прекрасно понимающий, чем чревато подписание двух пропусков одновременно.

— Но, мистер Бэр, — снова говорит Джеймс еще более умоляющим голосом, — если вы посмотрите на меня...

— Нет. Ты сможешь выйти, когда вернется мисс МакГи.

Бросив торжествующий взгляд на Джеймса, я выхожу с высоко поднятой головой и сердцем, полным восторга оттого, что мистер Всемогущий Вампир был поставлен на место правилами хождения по коридорам. Восторг не покидает меня до тех пор, пока я не осознаю, что меньше всего на свете мне сейчас хочется идти к медсестре. В библиотеку без специального пропуска не пройти, а оставаясь сидеть в коридоре, я рискую попасться на глаза любому блуждающему по школе учителю. Я отправляюсь в холл, где собирается музыкальная группа, решив проверить состояние Линдси. Если она играет на кларнете в восемь утра, я буду знать, что она находится по меньшей мере на стадии восстановления. Однако как раз тогда, когда я подхожу к последнему повороту, в поле моего зрения, ковыляя вразвалку, появляется приземистая фигура мисс Кейт. Я ныряю в ближайший туалет; там пахнет розовым мылом и дешевыми бумажными полотенцами, но, к счастью, там, кажется, никого нет.

Я забираюсь на боковую батарею; вполне можно немного поработать. Но как только я начинаю листать альбом с фотографиями выпускников, из последней кабинки вдруг раздаются захлебывающиеся рыдания и затем звук яростного царапания. Первая моя мысль — бежать. Но тогда я рискую попасться прямо в лапы мисс Кейт. Загнанная в тупик, я пытаюсь игнорировать усиливающийся шум, но когда я слышу ожесточенные удары по раковине, я уже не могу сдержаться. Подкравшись поближе, я осторожно стучу в испещренную пятнами зеленую дверь кабинки:

— Ты в порядке? Тебе нужно что-нибудь? — спрашиваю я. — Платочек, мокрое бумажное полотенце... — Я замолкаю, оглядывая туалет в поисках чего-нибудь полезного.

Кусочек жеваной жвачки? Окурок? Половинка наклейки с надписью «Котенок Дива», что бы это ни значило? — Ты уверена? — уточняю я. — Звучит так, словно ты пытаешься смыть себя в унитаз.

Дверь распахивается, так что я едва успеваю отскочить и избежать резкого удара по носу. На пестрой плитке пола на корточках сидит Марисабель, сжимая ножницы с таким видом, словно это Святой Грааль.

Представляю себе выражения, которые последовательно мелькают на моем лице: «Черт, она вампир», затем «Черт, я не должна знать, что она вампир» и затем «Черт, думаю, она сейчас поняла, что я все-таки знаю, что она вампир». Если бы даже она не умела читать мысли, я бы все равно сейчас полностью раскололась. Марисабель поднимает руку, и я инстинктивно вздрагиваю, ожидая, что она потянется к самым аппетитным частям моего сердца. Но вместо этого она пренебрежительно машет рукой.

— Ах, оставь, — произносит она и затем, видя мое озадаченное выражение лица, добавляет: — Мне плевать на то, что ты все знаешь, и я не собираюсь рассказывать об этом Владу. Надеюсь, его идиотский план провалится.

Она поворачивается к стене кабинки и возобновляет свой труд; хлопья зеленой краски дождем сыплются к ее ногам. Она проделала достойную работу, стирая граффити, но я все еще могу видеть несколько надписей, беспорядочно разбросанных по стене и гласящих: «Здесь был Влад + Девчонка с Плохим Вкусом». Соскабливая надпись под держателем туалетной бумаги, она орудует ножницами так яростно, что ударяется локтем о сиденье унитаза.

— Как они вообще умудрились написать это здесь? — раздраженно восклицает она.

— Влюбленные девушки очень гибкие, — замечаю я и тут же понимаю, что сморозила глупость, когда Марисабель, словно обезумевшая от горя, прекращает скоблить стену.

— Ты думаешь, они влюблены в него? Это я влюблена! — всхлипнув, восклицает она, после чего с еще большим рвением возвращается к порче имущества. — Были ли они вместе с ним в течение пятидесяти лет? — вопрошает она, повышая голос до крика, чтобы заглушить все скребущие звуки. — Нет! Охотились ли они на дрянных маленьких белочек, когда он просил об этом, хотя он знал, что у них фобия грызунов? Нет! Поменяли ли они свое имя с Мари на Марисабель, потому что ему показалось, что так оно будет более «вампирским»? Нет! — издает она заключительный вопль, всаживая ножницы в стену так глубоко, что они остаются, подрагивая, висеть там. Чуть погодя она приглаживает волосы и вытаскивает ножницы из стены. — Забудь, что ты это видела, — произносит она пугающе спокойным голосом.

Кажется, сейчас самое время ретироваться к мисс Кейт.

— Ну что ж, кажется, тебе уже лучше, — говорю я, — так что я пойду...

— Подожди! — кричит она. — Как ты думаешь, мы друг другу подходим?

— Кто? Ты и Влад?

— Нет, ты и я, — говорит она с самым серьезным видом, но потом закатывает глаза. — Да, я и Влад.

Надо издать закон, запрещающий вампирам шутить.

— Я вряд ли могу об этом судить.

Марисабель прищуривается.

— А ты попробуй.

— Я думаю, что, возможно, вы отдалились друг от друга за эти годы, — быстро произношу я.

Марисабель мрачно кивает. Первый раз, с тех пор как я ее знаю, она одета в штаны: винтажные джинсы, Изящно протертые на коленях. Несмотря на все, что я о ней знаю, выглядит она совершенно невинно — обычная соседская девчонка, которая выбрала неправильных друзей. Кусая губы, она поворачивает голову, еще раз оглядывая результаты своего вандализма и рассматривая врезанную в дерево угловатую «В».

— Влад не всегда был таким, — задумчиво замечает она. — Когда мы впервые

встретились, он был таким обаятельным.

Мне трудно поверить, что Влад хоть когда-то был обаятельным, но Марисабель выжидающе смотрит на меня, и я понимаю, что останусь у нее в заложниках до тех пор, пока мы не закончим наш девчачий разговор по душам.

— Ну, — неуверенно предполагаю я, — люди могут сильно измениться за... сколько там? Пятьдесят лет?

— Плюс-минус пара лет, — подтверждает она. — Первый год был прекрасным. Он тогда даже рискнул съездить со мной в Грецию. Мы не могли загорать на пляжах, но я нигде больше не видела таких теплых и таких восхитительных ночей. Там мы создали вампира. Мы создали его вместе, — Марисабель сдвигает брови, — но потом Влад обезумел и сжег его.

Я всей душой надеюсь, что эта беседа по душам не закончится рассматриванием памятных альбомов.

— Звучит... романтично, — замечаю я, подавляя позывы к рвоте.

— Так оно и было! Но потом он начал тайком исчезать каждые несколько месяцев — «в научных целях». Я думала, что поиски девушки — просто хобби, но скоро это стало его навязчивой, идеей. Я не понимала, почему он не может просто наслаждаться всем тем, что у нас есть. Возвращался он всегда в ужасном настроении, бормоча что-то про тупики и бесполезные записи. А потом его стали мучить головные боли. Я говорила ему не использовать так часто свои способности — особенно тогда, когда у нас были ограниченные ресурсы питания.

На протяжении всей этой речи я слушаю ее, затаив дыхание; до сих пор мне и в голову не приходило рассматривать Марисабель как источник информации. Забравшись на батарею, я стараюсь придать моему непреднамеренному расследованию как можно более непреднамеренный вид, для чего я принимаю расслабленную позу и кладу сумку на колени.

— Как несправедливо, что он притащил тебя сюда, чтобы искать другую девушку, — говорю я. — Ведь ты — его девушка.

Она пару секунд смотрит на меня из-под полуопущенных ресниц, после чего ее лицо освещается восторгом оттого, что наконец хоть в ком-то она встретила сочувствие.

— Я знаю! — произносит она. — Мне кажется, я так хорошо его понимала.

— Конечно, — соглашаюсь я. — А что вообще в ней такого уж хорошего? Она типа какой-то чудесный ребенок?

— Предположительно, — отвечает она с презрением, а я пытаюсь держать свой восторг под контролем. — Говорят, что она прапрапрапраправнучка какого-то дурацкого ребенка некоего заплесневевшего вампира по имени Мерво.

— Позволь угадать. Вампир-полукровка? — спрашиваю я, оставляя в стороне фразу «...который борется с преступностью».

— Нет! — возражает Марисабель. — Просто-напросто человеческий ребенок. Вот почему все это так странно. Кого волнует человеческий ребенок? Люди постоянно их заводят. — Она делает паузу. — Ну, я имею в виду, люди, а не вампиры. У вампиров никогда не бывает детей, и это хорошо, потому что вампиры в детстве очень странные. — Ее лицо неожиданно становится жестким. — Ты никому об этом не расскажешь, не так ли?

— О, ни в коем случае, — торопливо заверяю ее я, отрицательно мотая головой. Мне хочется расспросить ее о том, как ребенок из семьи вампира Мерво связан с «Данаей», но ее откровения, кажется, начинают подходить к концу.

— Понимаешь, я делаю все для того, чтобы одной меня ему было достаточно. — Она шмыгает носом. — Но он вечно недоволен. Мне начинает казаться, что даже если он найдет ее, то и этого ему будет мало. Я просто хочу, чтобы все это закончилось. Если бы Влад понял, что его план не сработает, если бы он понял, что это все не будет так просто, тогда он, может быть, и сдался бы. — Она снова шмыгает носом. — Возможно, тебе действительно стоит попытаться остановить его.

Я с трудом могу поверить в свою удачу — это идеальный источник информации. Мне даже не нужно ни о чем спрашивать: Марисабель сама выкладывает мне все. Но сейчас в ее

голосе слышится какая-то неуверенность, которая удерживает меня от дальнейших расспросов.

— Ты уверена, что Влад действительно стоит того? — спрашиваю я. — Он довольно подло ведет себя с тобой. Ты...

Меня прерывает стук каблуков по плитке. Мне слишком хорошо известно, чьи каблуки издают такое жуткое стаккато. Я бросаю взгляд на полностью испорченную кабинку; не хватало мне только обвинения в мелком вандализме. Прижимая палец к губам и жестами приказывая Марисабель забраться на унитаз, я захлопываю за ней дверь ровно в ту секунду, когда из-за угла появляется мисс Кейт. Держась за живот, я как можно натуральнее стараюсь изобразить жертву отравления столовской едой.

— Мне показалось, я слышала голоса, — приближаясь ко мне, рывкает мисс Кейт. — Пропуск? — Я протягиваю пропуск, но она едва на него смотрит; за годы практики она научилась различать все типы пропусков с помощью одного прикосновения. — Это пропуск к медсестре. А ты в туалете. В чем дело?

Извинившись, я наклоняюсь вперед, как будто меня сейчас стошнит на ее уродливые черные туфли:

— Мне показалось, что меня сейчас стошнит. — Я бросаю смущенный взгляд на дверцу позади меня. — Не заходите туда.

Не знаю, поверила ли она мне, но легкое отвращение, изобразившееся на ее лице, говорит о том, что она, к счастью, не собирается меня проверять.

— Тогда пойдем к медсестре, — говорит она, выводя меня в дверь и провожая по коридору. Она явно не намерена оставлять меня одну — даже тогда, когда мы доходим до разветвленного коридора, ведущего в кабинеты школьных психологов, логопедов и жуткую комнату медсестер. Даже если ты действительно болеешь, то там тебе не дадут ничего кроме аспирина и брошюры с описанием деликатных проблем твоего растущего организма.

Сестра Эллис сидит в одиночестве, покачивая головой над журналом «Аз Уикли». После того как мисс Кейт, тяжело ступая, удаляется ловить других прогульщиков, сестра Эллис с верным стетоскопом на шее поворачивается ко мне. Ее светло-каштановые волосы подернуты сединой, у нее круглое лицо и не менее круглое тело.

— Чувствуешь себя нехорошо, Софи? — искренне обеспокоенно спрашивает она. — У тебя покраснело лицо.

Хвала небесам за бледную кожу и слабые сосуды.

— Я чувствую тошноту и головокружение, — умирающим голосом отвечаю я.

— Ну, почему бы тебе не прилечь на одной из коек и не подождать, пока это пройдет? Если через некоторое время ты все еще будешь чувствовать себя плохо, мы попробуем связаться с твоими родителями.

Потрясающая идея. Я ложусь на ближайшую койку и задергиваю за собой занавеску. Это поможет мне избежать Влада, а также хотя бы на какое-то время скрыться с глаз Джеймса. Для проведения расследования с Джеймсом, висящим у меня на хвосте, потребуется гораздо больше ловкости, чем потребовалось для того, чтобы опередить его в добывании пропуска. Кто знает, когда в следующий раз я смогу побыть одна...

Я сажусь. Сейчас я одна, а кто лучше знаком с телами учеников, чем школьная медсестра? Я отодвигаю занавеску.

— Вы случайно не знаете девочек со странными, необычными родимыми пятнами? — Как только я произношу это, я тут же понимаю, насколько это странный вопрос. Впрочем, кто не рискует, тот не пьет шампанского. Хотя можно также утверждать, что «кто не рискует, тот не шокирует общественность». — Ну, на ноге, на спине или на плече? — добавляю я.

Сестра Эллис, к ее чести, не отвечает ничего. Повисает напряженная тишина, и сначала она лишь косится на меня, после чего подкатывается на стуле к полке, ломящейся под тяжестью разноцветных буклетов. «Нормально ли то, что я чувствую?» — гласит жирный заголовок.

Контурь мальчика и девочки воздевают руки, жестом вопрошая: «Почему я?», а вокруг их голов изображены облачка из вопросительных знаков.

— Прочти это, Софи. И дай знать, если у тебя останутся вопросы, — говорит она, передавая мне буклет и нежно поглаживая меня по руке, после чего снова задерживает за мной занавеску.

Я плюхаюсь обратно на кушетку. Отличное начало.

Спустя час сестра Эллис спрашивает меня, как я себя чувствую, улыбаясь так, словно нас теперь связывает великая тайна. Я отвечаю, что готова вернуться на занятия. Когда я протягиваю пропуск мистеру Джорджу, урок химии уже в самом разгаре, и, как ни странно, Джеймса здесь нет. Казалось бы, я должна почувствовать облегчение. Почему же меня так мучает вопрос, куда он делся? Может быть, он блефовал?

Устроившись на стуле, я открываю учебник по химии и готовлюсь продолжить свои исследования под прикрытием уравнений электронного баланса. Благодаря несчастному случаю, в котором участвовали смешанные химические вещества и коленка Грегори Ива, у меня нет напарника по лабораторной работе. Я раскладываю свои вещи, когда мимо меня проходит какая-то фигура и направляется к столу мистера Джорджа. Я смотрю на спину Джеймса, который представляется учителю. Мистер Джордж достает схему посадки учеников в классе.

— Итак, мистер Хэллоуэл. Почему бы вам не сесть рядом с... — начинает он, но затем хмурится на листок со схемой, оглядывает комнату и снова хмурится. — Что ж, похоже, вам придется сесть рядом с мисс МакГи.

Фантастика. Джеймс оборачивается, и я готовлюсь наградить его нахальной улыбкой, но запасы его энергии, кажется, резко уменьшились со времени прошлого урока. Его лицо выглядит усталым и напряженным, и оно словно плотнее обычного обтянуто кожей. Математика, конечно, не самая приятная вещь на свете, но я никогда не видела, чтобы кто-то настолько лишился из-за нее сил.

— Не очень-то получается следить за мной? — шепчу я, когда он проскальзывает на соседнее место.

— Нужно было позаботиться кое о чем, — сухо отвечает он. — Поскольку мы больше не делимся друг с другом секретами, то я не расскажу тебе, что это было.

Я собираюсь возразить, что меня это совершенно не интересует, и предупредить его, чтобы он берег свои колени, но вдруг замечаю, как трясутся его пальцы, когда он открывает учебник.

— Джеймс, что произошло? — спрашиваю я. Мое раздражение сменяется внезапным беспокойством.

— Ничего.

Я всегда думала, что из-за «ничего» люди не выглядят так, словно сейчас рухнут со стула. Но Джеймс игнорирует мои взволнованные взгляды, изучая таблицу Менделеева с таким видом, словно он — Мари Кюри.

— Увидимся после обеда, — бросает он, когда звенит звонок, и уходит прежде, чем я успеваю ему ответить.

Глава одиннадцатая

Джеймс не возвращается после обеда. И после уроков его по-прежнему нигде нет. На пути к шкафчику я заглядываю в класс журналистики, но обнаруживаю только, что мистер Амадо тоже отсутствует, хотя его изрядно помятая куртка и сумка все еще висят на гвоздике. Я медлю немного, но когда понимаю, что он вряд ли появится в ближайшее время, мельком заглядываю в его еженедельник. Учительское совещание в 15.30. Вот черт.

Время у меня есть, и, поскольку Влад, кажется, от меня отстал, я решаю, что можно

осторожно наведаться в класс французского. Помня, однако, о его привычке вечно слоняться по коридорам, я приклеиваю пару листов бумаги к стеклу узкого окошка, как только закрываю за собой дверь.

— Привет, Софи, — раздается высокий мелодичный голос позади меня.

Черт. Виолетта. Виолетта, которая отлично говорит по-французски и является новым членом нашего крошечного языкового клуба. Я начинаю путаться в людях, которых мне нужно избегать. Когда я, наконец, нахожу в себе силы, чтобы повернуться к ней, я вижу, что она мило улыбается мне, аккуратно сложив руки на коленях, — она ведь всегда останется истинной леди, даже тогда, когда будет обдумывать способы моей казни. По бокам от нее расположились Регина Митчелл и Кальвин Абрамс. К счастью, они не замечают возникшего напряжения, потому что всю спорят о половой принадлежности различных фруктов. Я уже давно догадываюсь, что споры на французском являются для них своеобразным флиртом. А «прошедшее незавершенное» — это уже практически секс.

— Мы собираемся принимать наркотики? — встревожено спрашивает Кальвин, углядев мои манипуляции с окном. — Я ведь президент клуба «Просто скажи нет», и нас заставили подписать бумагу, что мы никогда...

— Не волнуйся, Кальвин, я оставила свою заначку дома, — я стараюсь говорить спокойно, но не могу перестать нервно поглядывать в сторону Виолетты. В данный момент я не совсем понимаю, какие знания я могу демонстрировать в ее присутствии, а какие нет. Она не участвовала в лесной разборке, но Влад ведь наверняка все ей рассказывал... разве что он не хочет, чтобы она была в курсе того небольшого «недоразумения». Она выглядит довольной, как кот, поймавший канарейку, но это ни о чем мне не говорит.

— Je suis desole, — произносит Регина, — mais je ne comprends pas l'anglais.

Извините, я не понимаю по-английски. Вообще-то, есть правило, согласно которому мы не разговариваем на родном языке с момента начала занятия. И это правило придумала я. Ненавижу себя.

J'ai dit, — я повторяю свою шутку, которую только что сказала Кальвину, — N'inquiete pas, Monsieur Calvin. J'ai laisse mon «заначка» a la maison.

Заначка будет «un cache», — поправляет меня Виолетта, а затем похлопывает по сиденью подле себя. Решив, что сейчас мне могут угрожать разве что ее лингвистические нападки, я сажусь рядом.

Около получаса мы болтаем о разных простых вещах — о зимних носках, о любимых пирогах и о том, что у Кальвина фобия божьих коровок и турникетов в метро. Вскоре они с Региной углубляются в серьезные дебаты по поводу разницы между «croque-monsieur» и «croque-madame». Виолетта, пользуясь удобным случаем, придвигает свою парту к моей. Возможно, таким образом она пытается нагнать на меня страху, но это пугает меня не больше, чем приближение слепой трехногой собаки. По крайней мере, именно в этом я пытаюсь себя убедить. Но я все же нервно оглядываюсь в поисках путей отступления, когда она наклоняется и шепчет мне на ухо:

— N'inquiete pas, Sophie. J'ai trouve un nouveau petit copain. Done, nous sommes encore amies, non? — спрашивает она и широко улыбается.

Не волнуйся, Софи. Я нашла нового парня. Так что теперь мы снова друзья, верно?

Ого, вот это скорость. Но облегчение быстро сменяется новой головной болью: судя по моему опыту, возникновение новой любовной интриги у Виолетты означает скорое появление нового вампира-тинейджера в моей школе.

— И кто это? — я оставляю попытки изображать французскую беседу.

Она прижимает палец к губам и произносит, скромно приподняв брови:

— C'est une secrete.

Это секрет.

Но не успеваю я открыть рот, чтобы выжать из нее побольше информации, как раздается стук в дверь. Лысая голова мистера Хэнфилда, учителя испанского и дежурного по коридорам, показывается в дверном проеме и сообщает нам, что пришло время очистить

помещение.

— Кто приклеил сюда это? — спрашивает он и отрывает бумагу от стекла. — Вы же знаете, что все классы должны просматриваться из коридора.

Я почти уверена, что это правило он только что сочинил сам, но на всякий случай решаю не спорить с ним. Договорившись снова встретиться на следующей неделе, мы расходимся. Точнее, пытаемся. Кальвин и Регина упрямо продолжают свой спор, а Виолетта, точно приклеившись ко мне, принимается щебетать что-то про статью о трудных расставаниях, которую она недавно прочла («крайне полезные советы, хотя часть про диетическое мороженое показалась мне не очень интересной»), и про то, что она считает Кальвина немного странным. По ее словам, ее новый загадочный мальчик тоже странный, но не настолько. По крайней мере, он не боится неживых предметов.

— И мне кажется, что я ему очень нравлюсь, — добавляет она, когда мы подходим к последнему повороту перед холлом, — хотя в мужчинах всегда трудно что-то понять до конца. Сначала они хотят похитить тебя и устроить свадьбу, а в следующую секунду они оставляют тебя в полном одиночестве рыдать на парковой скамеечке посреди ночи. Притом что пойти тебе некуда. Уж точно не домой, по крайней мере.

Я всматриваюсь в Виолетту, пытаюсь понять, к какому участку ее жизни относится эта история — пред- или поствампирскому. Она, слегка нахмурившись, изучает свои туфли. Мне хочется сказать ей что-то ободряющее, но я не знаю, не повлечет ли это за собой миллион вопросов по поводу того, что и откуда я знаю. Так что я ограничиваюсь тем, что слегка подталкиваю ее в сторону, чтобы она не врезалась в бетонную колонну на полном ходу.

— Тогда я этого не понимала, — говорит она, и мне отрадно слышать в ее голосе нотки прежнего упрямства, — но теперь я знаю, что слишком быстро дала Джеймсу то, чего он хотел. Я только теперь это осознаю. Но это уже неважно. В журнале сказано: «Подруги важнее парней», и теперь я с этим полностью согласна.

Мне очень хочется найти редактора этого журнала, прикончить его и станцевать на его могиле. Кроме того, мне бы хотелось раз и навсегда убедить ее в том, что Джеймс не является моим «парнем» ни в каком из смыслов этого слова.

— Виолетта, Джеймс не... — я резко замолкаю, пораженная картиной, которую вижу перед собой. — Это что, такая шутка?

В конце коридора, похоже, проходит вампирская вечеринка, и приглашены на нее все. Влад, Девон, Эшли, Марисабель, Невилл... и Джеймс. Джеймс, поджидающий меня. Среди них.

Я ныряю в ближайший кабинет, который оказывается классом изучения государственного управления миссис Элтон. Все стены завешены американскими флагами и плохо отпечатанными фотографиями нынешнего президента. Мне становится слегка нехорошо от сплошных сине-красно-белых пятен вокруг меня, так что я не сразу замечаю, что Виолетта зашла в класс следом за мной. Прекрасно, Софи, ты привела с собой вампира туда, где сама пытаешься спрятаться от вампиров.

— В чем дело? — Виолетта строго одергивает свой жакет. — Я понимаю, почему мне не стоит видеть Джеймса, но тебе-то как раз стоит попробовать вести себя с ним не так холодно. Он может понять тебя неправильно, — она улыбается мне, и я вдруг понимаю, что она совершенно ничего не знает о том, что произошло в пятницу: Влад слишком немногословен, когда дело касается серьезных вещей. Прежде чем я успеваю ответить, ее взгляд падает на что-то за моей спиной. — О, привет, — говорит она, — ты тоже здесь прячешься, как ненормальная?

Судя по виду Кэролайн, развалившейся на стуле в дальнем углу, она провела здесь уже немало времени. Она скинула свои сандалии с ремешками, а ее волосы, которые она редко убирает назад, сейчас собраны на затылке в некое подобие гриба.

— Он никак не уходит, — она съезжает по поверхности стула, так что теперь мне виден только ее пучок, — а гадкие охранники заперли боковые двери. И точка. Пожарная безопасность.

— Кто никак не уходит?

Выпрямившись, Кэролайн награждает меня таким взглядом, словно я с огромным перевесом в голосах выиграла в конкурсе Мисс Идиотка года.

— Да Влад же. Я сижу тут с трех часов, жду, тюка он уйдет. Ну почему? Почему он так меня унижает? Разве недостаточно того, что он порвал со мной? — она ударяет кулаками по столу. — Он просто сатанист!

Наверное, она хочет сказать «садист», хотя на этот раз ее вариант не так далек от истины. Впрочем, я по-прежнему не считаю, что причиной присутствия Влада в коридоре является именно она. Я думаю, Влад просто хочет удостовериться в том, что я забыла его маленький секрет. Я судорожно пытаюсь придумать объяснение его поведению, которое можно было бы предложить Кэролайн и Виолетте. Его загипнотизировали блестящие школьные награды? Он объявил сидячую забастовку против запрета на туфли с острыми носами? Но прежде чем я успеваю придумать хоть что-нибудь разумное, Виолетта бросается к Кэролайн с утешениями:

— Ужасно, правда? Я и сама сейчас переживаю тяжелый разрыв. Если хочешь, у меня есть статья из журнала, которая может тебе помочь!

Кэролайн приободряется:

— Правда?

— Да. Софи в такое не очень верит, но, по-моему, эти статьи просто чудо.

— Софи вообще мало во что верит, кроме собственного громкого голоса.

— Да, мне тоже кажется, что она бывает слишком консервативной.

Пора сворачивать эту дискуссию.

— Мне жаль прерывать вашу трогательную беседу, но лично я все-таки хотела бы наконец покинуть это здание. А Влад все еще тут.

— А ты-то почему прячешься от Влада?

У-у-пс.

— Сестринская солидарность, — говорю я. Попытка не пытка.

Кэролайн моргает пару раз, а потом, чуть не опрокинув парту, заключает меня в объятия.

— Это так мило. Спасибо тебе!

Я обнимаю ее в ответ. Ощущения довольно приятные, и я в кои-то веки чувствую себя правильной сестрой. В самом деле, разве я не могу избегать Влада из сестринской солидарности вдобавок к жгучему желанию остаться в живых? Когда Кэролайн, наконец, выпускает меня из своей пахнущей молочком для тела хватки, мы вдвоем выглядываем за угол. Влад и Невилл вновь спорят.

— Но мюзиклы? Это даже нельзя назвать цивилизованным развлечением.

Невилл скрещивает руки на груди:

— Ты сказал, что нам надо больше участвовать в школьной жизни.

— Для того чтобы мы смогли найти девушку, да. Но не для того, чтобы ты смог вдоволь покрутиться на сцене ради своего собственного удовольствия.

Виолетта тихо фыркает.

— Влад иногда бывает очень требовательным, — шепчет она мне на ухо, — и, кроме того, он сейчас врет. Он говорил мне, что на представление придет множество уважаемых молодых людей.

— Правда?

— Чего он только не говорил, чтобы завлечь нас сюда:

— Лживый дерьмоголовый ублюдок, — шепчет Кэролайн. — Ну и как мы будем мимо них пробираться? Они загородили своими тупыми задницами весь проход.

— Но мы просто обязаны протолкаться к выходу свои собственные задницы! — азартно восклицает Виолетта. Мы успокаиваем ее, и она продолжает уже тише. — Я имею в виду, нам надо вести себя так, как будто мы не замечаем их присутствия. Например, я буду вести себя так, словно Джеймса там просто нет. Ты сделаешь то же самое с Владом. Поверьте мне,

этот способ работает уже много веков, — она смотрит на меня, — а ты делай то, что должны делать сестры девушек с разбитыми сердцами.

В данном случае сестра девушки с разбитым сердцем должна вспомнить все, что Джеймс сказал ей три дня назад, и по максимуму использовать свои ничтожные актерские способности. Должен же опыт игры безмолвного лесного животного номер три в «Белоснежке», приобретенный мною в первом классе, наконец принести свои плоды. Надо просто постараться не подпускать Влада близко. И сосредоточиться на чем-то, если он все же подойдет.

Я глубоко вздыхаю:

— Готовы?

Виолетта и Кэролайн яростно кивают, но, как только я делаю первый шаг, Кэролайн останавливает меня, схватив за плечо:

— Стой. Это не Джеймс Хэллоуэл?

— Да. Он снова живет рядом с нами, — отвечаю я. Мне все еще больно от его предательства. Но вместо того чтобы ощутить облегчение оттого, что теперь я знаю его секрет, я только чувствую себя еще более несчастной. — Только никому не говори.

— Почему? Представляешь, Аманда сказала мне, что Дэнни сказал ей, что Джеймс вернулся, но я тогда решила, что она просто спятила окончательно. А он стал симпатичным, — замечает она, и мне очень не нравится оттенок «дайте-мне» в ее голосе.

— Просто... ну пожалуйста, Кэролайн!

Она пожимает плечами:

— Да ради бога. Забей.

Очень обнадеживающе.

— Ты готова?

— Да. То есть погоди! Нет. Сандалии. Я же не могу показаться перед ним с босыми ногами!

Мы дожидаемся, пока Кэролайн обуется как следует перед битвой, а затем выходим и твердыми шагами направляемся к вампирам. Завидев нас, Джеймс вскидывается, весь превращаясь во внимание. Влад и Невилл продолжают спорить, обсуждая сюжет мюзикла. Влад заявляет, что, хоть он и не знаком со всеми аспектами современного мира, он практически уверен в том, что баскетболистам не свойственно пение. Надежда просыпается в моей груди: может, они меня и не заметят. Мы уже почти проходим мимо их компании, когда Влад вдруг окликает меня:

— А вот и та, кого я так хотел увидеть, — его рука преграждает мне путь.

— Прости? — пытаюсь, я старательно изображаю на лице недоумение и одновременно пытаюсь вспомнить советы Джеймса о том, как защитить свое сознание от вмешательства вампиров. На словах это казалось куда легче. Я старательно думаю о том, как ненавижу его, как хочу, чтобы он исчез из этой школы, из этого города, из этой вселенной. Но откуда мне знать, работает ли это? По крайней мере, пока он не кричит: «Попалась!»

Влад делает шаг вперед, до минимума сокращая разделяющее нас расстояние. Он протягивает руку, чтобы дотронуться до моего подбородка, и меня охватывает паника. Но прежде чем он успевает совершить задуманное, Кэролайн отталкивает его, издав рык, не вполне подходящий истинной леди.

— Да что с тобой такое? — восклицает она. Я пользуюсь моментом, чтобы сделать шаг назад. — Ты ведешь себя так, словно вы никогда не встречались раньше!

— Мы никогда не встречались раньше, — раздраженно говорит Влад. Поверх ее головы он корчит недовольную гримасу, но она этого не видит.

Кэролайн поворачивается ко мне, но я заставляю себя кивнуть, соглашаясь с ним. Она хмурится еще пару секунд, глядя на меня с молчаливым укором. В конце концов она заявляет, что мы оба сумасшедшие, и резко разворачивается в сторону выхода.

Нам остается лишь слушать звонкий стук ее каблуков. Я стараюсь выглядеть как можно менее подозрительно. Невилл все еще дуется, а Влад устался в спину Кэролайн с

презрительным выражением лица. Марисабель, стоящая рядом, так старательно изображает из себя святую невинность, что кажется, сейчас примется безмятежно насвистывать. Виолетта изучает постер с пятью основными группами продуктов питания, видимо, желая продемонстрировать Джеймсу, что в ее жизни есть вещи и поважнее него — например, фрукты и овощи. Я непроизвольно бросаю взгляд на Джеймса. Он слегка улыбается мне, однако эта улыбка не скрывает тревоги в его глазах.

— Подожди немного, — говорит Влад, и, повернувшись, я обнаруживаю, что он смотрит прямо на меня. В моем сердце появляется смутное ощущение тревоги — предвестник паники. А когда я паникую, мой мозг отключается. И чем больше я стараюсь привести мысли в порядок, тем громче мой мозг начинает кричать: «Вампир, вампир, вампир!» Джеймс делает шаг вперед. Беспокойство на его лице становится совершенно явственным, и это только усиливает мою панику. Если он все чувствует, то, значит, и остальные тоже.

Выражение лица Влада становится жестким, и я начинаю готовиться к худшему. Вот и все. Конец. Но Влад, вместо того чтобы потянуться к моему горлу, вдруг с разочарованным видом отступает назад. Через пару секунд я осознаю, что дело вовсе не в том, что Джеймс предал Влада. Нет, дело в том, что сейчас он почему-то не собирается убивать меня. Опасность миновала. Я свободна. Не знаю почему, но я свободна.

— Ну, еще увидимся, — бросаю я, преисполненная радости от собственной удачливости, и поворачиваюсь к выходу, отчасти ожидая нападения со спины. Но сзади только снова возобновляется дискуссия о мюзиклах.

Разговор с мистером Амадо подождет и до завтра. Сейчас мне просто необходимо выбраться отсюда и оказаться там, где мои мысли будут гарантированно принадлежать лишь мне одной.

Я уже почти дохожу до двери, когда меня догоняет Джеймс. Мне хочется наорать на него, но на его лице написано такое облегчение оттого, что его не вычислили, — облегчение, которое так похоже на мое собственное, — что я сдерживаюсь. Если честно, сейчас мне больше всего на свете хочется заставить весь мир подождать и как следует отпраздновать свое спасение. К тому же я замечаю, что Джеймса наконец отпустила та непонятная тревога, что все это время грызла его изнутри.

— Тебе лучше? — спрашиваю я и тут замечаю, что в другом конце коридора появляется чья-то фигура. Это Линдси — Линдси, которую я чуть было не сделала главным блюдом на вампирском званом обеде. Сейчас она решительным шагом направляется к нам, почти невидимая за огромной стопкой бумаг, которую она прижимает к груди. На кончике моего языка вертятся извинения, но она проходит мимо меня и обращается к Джеймсу:

— Еще раз спасибо за то, что нашел меня сегодня, — говорит она без тени недовольства, — завтра крайний срок сдачи статей, так что у меня уже совершенно отваливалась голова.

— Не за что.

— Так здорово, что ты вступил в нашу группу. Мы сможем вместе над чем-нибудь поработать.

— Конечно, — отвечает он, не сводя с меня глаз.

Линдси следует за его взглядом, и я готовлюсь к еще одному заслуженному выговору. Однако она лишь извиняется за то, что не заметила меня раньше, и спрашивает, не подумала ли я еще раз над тем, чтобы присоединиться к движению «зеленых».

— Ты бы нам очень пригодилась, — говорит она, — последний день записи в комитет по планированию был в пятницу, но все выходные прошли как в тумане. — Она хмурится. — Возможно, мне стоит перестать так много заниматься по ночам.

Как будто мы с ней не были на волосок от смерти. Я смотрю на Джеймса в поисках объяснения и вижу его виноватое лицо. Так вот почему он опоздал на химию и вот почему он выглядел таким усталым. Может быть, мне он и не стирал память, но с другими людьми у него явно не возникает никаких проблем в этом отношении.

Линдси немедленно улавливает возникшее между нами напряжение:

— Ну ладно. Я... э-э-э... пойду тогда. Я с тобой еще поговорю про движение Гринпис, — выпаливает она и выходит из школы. Я пытаюсь последовать за ней, но Джеймс преграждает мне путь.

— Мне пришлось это сделать, — говорит он, — я попытался ей все объяснить, но она испугалась и принялась кричать. Так будет лучше и безопаснее для нее, клянусь тебе. А ощущение затуманенности сознания пропадет через пару дней.

— Где ты был после обеда? — спрашиваю я, заранее зная ответ.

Он стискивает зубы.

— Мне нужно было найти Влада, — холодно отвечает он. — Вчера я потратил гораздо больше сил чем ожидал.

— Значит, завтра в первом ряду освободится пара мест? — осведомляюсь я. Шутка получается не очень удачной — в основном потому, что это не совсем шутка.

Лицо Джеймса кривится от отвращения:

— Нет. У Влада есть холодильник с...

— С праздника, — быстро отвечаю я, — я знаю.

Джеймс качает головой и отворачивается. Немного погодя он снова поднимает на меня взгляд и говорит:

— Я не хочу знать, откуда тебе это известно. Софи, я говорю серьезно. Это уже не просто дурацкое журналистское задание. Держись подальше от Влада. Тебе повезло, что сейчас он был невнимателен. Я слышал твои мысли, а ведь я был гораздо дальше от тебя, чем Влад. Ты, может, и считаешь себя неприступной крепостью из сарказма и крутизны, но это не так.

Новость о том, что мои защитные чары не работают, меня отнюдь не радует. Но я не собираюсь позволять ему сбить себя с толку.

— Я должна полностью убедиться в том, что девушка в безопасности. Я не могу оставлять людей в беде.

Выражение лица Джеймса становится суровым, и я понимаю, что только что уничтожила последнюю надежду на мирное соглашение. Он отступает в сторону, пропуская меня наружу. Я выхожу в лучи солнечного света, и Джеймс не следует за мной. Сколько же еще мне понадобится подтверждений тому, что он вовсе не на моей стороне?

Глава двенадцатая

На следующий день мистер Амадо собирает наши статьи. Когда приходит моя очередь, я впадаю в панику. Прошлой ночью я сдалась и снова их просмотрела, попытавшись добавить несколько заключительных штрихов, но на шкале совершенства они все равно находятся ближе к отметке «отстой», чем к отметке «великолепно».

— Спасибо, Софи, — спокойно произносит мистер Амадо, дергая за листки, потому что я продолжаю сжимать их в руке. — Я их забираю.

Лишенная выбора, я разжимаю руку, с трудом удерживаясь от мелодраматического крика «Нееееет!», когда он удаляется, направляясь к остальным ученикам. Я замечаю, что Линдси не колеблется ни секунды, когда приходит ее очередь; она гордо вручает ему пачку листочков, улыбаясь сияющей улыбкой. Мистер Амадо улыбается ей в ответ. «Стирание памяти и другие способы добиться успеха в журналистике: краткое изложение». Возможно, мне стоило попросить Джеймса стереть память и мне.

Я рискую взглянуть в конец класса, где за самой дальней партой притаился Джеймс, который теперь сидит, подперев щеку рукой, и со скучающим видом наблюдает за происходящим. Он торчит на этом месте на всех моих уроках, за исключением английского, где он отвоевал место ровно между мной и Владом и сидит на стуле так прямо, что мне не

видно даже макушки Влада. Со времени вчерашней ссоры в коридоре мы не обменялись ни словом, хотя сегодня, когда он поймал мой взгляд, мне показалось, что я заметила слабое подобие улыбки на его лице, после чего он снова натянул на лицо бесстрастную маску.

Мистер Амадо заканчивает обход, складывает статьи и садится на край своего стола. Я снова переключаю внимание на переднюю часть класса.

— Это отлично, ребята, — говорит он. — В четверг мы начнем делать макеты на компьютерах, и не забудьте, если вы захотите освежить свои навыки работы в InDesign, до конца недели после уроков я буду проводить занятия по повышению квалификации. — Он хлопает в ладоши, что на его языке аналогично барабанной дробу. — Но теперь я хотел бы проверить ваш настрой после выполнения первых заданий и устроить мозговой штурм по поводу идей для следующих номеров. И помните, это свободная дискуссия, и я здесь выступаю только в качестве сенешаля, чтобы помочь вам.

— А что такое «сенешаль»? — спрашивает Нил.

Усы мистера Амадо вздрагивают. Еще раньше я заметила, что во время обхода Нил протянул ему пачку комиксов вместо статьи о пропавшей крови. Само по себе это, конечно, неплохо, но помимо прочего это означает, что уровень разочарования поведением Нила стал у мистера Амадо еще выше.

— Помощник, Нил, — отвечает он. — Помощник.

— Я хочу продолжать делать репортажи о женском спорте, — говорит Марк Эчоллс, пока кто-то другой не успел застолбить его территорию.

— Я предвидел это, Марк, — отвечает мистер Амадо. — И я не вижу причин, почему бы тебе не...! — Он останавливается, заметив мою поднятую руку. — Софи?

Конечно, я бы предпочла предложить мой план, говоря с ним с глазу на глаз, но, похоже, мне придется сделать это прямо сейчас, раз мистер Амадо за выходные успел завести привычку избегать меня.

— Я думала, что, может быть, в этом году мы можем перераспределить обязанности, — говорю я. — Я хочу сказать, Марк, ты, безусловно, отлично разбираешься в женском спорте, но ведь ты уже очень давно этим занимаешься. Я всю жизнь пишу аналитические статьи, а Эмма всю жизнь пишет гороскопы, так что недавно мне пришло в голову, что, возможно, мы могли бы освежить газету, если бы каждый привнес в статьи какие-то новые идеи.

Я запинаясь, осознав, что почти все мои одноклассники свирепо на меня уставились. Ну, все, кроме Линдси. Она изо всех сил старается выглядеть вдохновленной, несмотря на Эмму Коннелли, которая нашептывает ей что-то на ухо — что-то ядовитое, я уверена, — и Джеймса, который наблюдает за происходящим с гораздо большим интересом, чем за чем-либо еще, что происходило сегодня.

— Кроме того, мы сможем посылать в газеты колледжей и университетов более интересные материалы, — торопливо заканчиваю я. — И у нас будет настолько больше опыта!

— Звучит весьма разумно, — замечает мистер Амадо. Он пытается говорить небрежно и бодро, но я вижу, что идея ему очень нравится. — Что думают остальные?

— Но я все лето читала «Знаки любви» Линды Гудман! — возражает Эмма, отликая от Линдси и оставляя на ее плече завитки своих темных волос. — И зачем я это делала, если теперь мне придется по три тысячи раз подряд смотреть школьные спектакли?

— А я всегда писал о женском спорте, — поддерживает ее Марк. — Они доверяют мне.

Остальные ученики тоже издают глухой ропот. Мистер Амадо смотрит на меня с невиданным ранее восхищением на лице и затем произносит слова, которые мне так нужны сейчас.

— Но, ребята, неужели вы не хотите попробовать что-то новое? — спрашивает он.

— Нет, — решительно отвечает Марк, важно поправляя на носу очки.

Нужно было подождать и поговорить с мистером Амадо наедине. Не то чтобы он боялся показаться диктатором, но он точно не пойдет против всего класса. А если мне не отдадут рубрику про женский спорт, то я вообще не представляю, с чего начинать поиски...

— Я думаю, это отличная идея, — вступает в спор Линдси, — я, например, освещаю почти все волонтерские движения, и это здорово и все такое, но, возможно, я что-то упускаю, потому что у меня уже замылился глаз. И я не понимаю, почему бы нам не попробовать это хотя бы с одним- двумя номерами.

Она улыбается мне, и меня переполняет благодарность, смешанная с чувством вины, поскольку ее насильно лишили права сердиться на меня. У меня такое чувство, словно мне сошло с рук что-то, за что я вообще-то должна была быть наказана.

— Итак, один голос «за», — говорит мистер Амадо, — и два голоса «против». — Он скрещивает на груди руки в клетчатых рукавах и откидывается на спинку стула. — Кто еще «за»? — с надеждой спрашивает он.

Большинство новых членов команды из десятого класса поднимают руки вместе со мной. Линдси тоже вытягивает руку, очевидно желая на всякий случай завоевать расположение мистера Амадо, не говоря уже о надеждах на место главного редактора.

— Итого двенадцать «за», — заключает мистер Амадо и медлит немного, считая тут же вздернувшиеся руки «против». — Хорошо. И одиннадцать «против». Остался кто-то не проголосовавший? — спрашивает он и затем сдвигает брови. — Нил?

Нил поднимает голову и трет рукой щеку, оставляя на ней разводы синих чернил.

— А о чем мы говорим?

— О том, хотим ли мы перераспределить обязанности для следующего номера.

— Я хочу продолжать рисовать комиксы. Так что... «против»?

Мистер Амадо вздыхает.

— Ну конечно, двенадцать против двенадцати. Кто же разрешит наш спор? — Он оглядывает класс и замечает Джеймса, который с безразличным видом перекачивает ручку по парте. — Что ты скажешь, Джеймс?

Джеймс явно раздражен тем, что его заметили. «Пожалуйста, скажи "да"», — думаю я, хотя сейчас он точно слишком далеко от меня, чтобы прочитать мои мысли. Интересно, понимает ли он скрытые мотивы моего предложения. Но даже если не понимает, все равно он может проголосовать «против», просто потому, что мы с ним в ссоре. Я задерживаю дыхание, пока он, размышляя, смотрит в потолок.

— Да, — наконец говорит он.

— Прекрасно! — восклицает мистер Амадо. — Теперь, ребята, предлагаю вам подумать о том, какими проектами вы хотите заняться, и прийти ко мне, когда вы будете готовы обсудить идеи новых статей.

Не успевает он сесть, как я подхожу к его столу. Когда я заявляю, что хочу делать репортажи о женском спорте, он бросает на меня удивленный взгляд.

— Ты уверена? — спрашивает он.

— Я хочу испытать свои силы, — отвечаю я, стараясь придать голосу гордое звучание Будущего Журналиста Америки, — и я правда хочу попробовать себя в чем-то новом. На следующей неделе будут официальные соревнования по футболу, теннису и бегу по пересеченной местности.

— Мы обычно отводим полный разворот под спортивные полосы. Ты уверена, что сумеешь сама набрать достаточно материала, или тебе нужен помощник?

— У меня он есть, — отвечаю я.

— Ну что ж, отлично! Прекрасная идея, Софи! Правда прекрасная, — говорит он, и в тот момент мне кажется, что дело пойдет легко.

Но через неделю, когда меня едва не ударяет по носу футбольный мяч, я понимаю, что поторопилась с выводами. «Берегись!» — кричит кто-то, и хотя я успеваю пригнуться и избежать удара по голове, в процессе этого я роняю ручку под трибуны. Видя, что игра остановилась из-за каких-то нарушений (примечание: выяснить, какие виды штрафных санкций есть в футболе), я спрыгиваю со скамейки и лезу под стойки трибуны, отбрасывая в стороны стаканчики и обертки из-под конфет, и наконец нахожу ручку в середине сырного

пятна от чипсов начос. Когда я, счистив сыр с ручки, возвращаюсь на свое место, вся женская футбольная сборная Томаса Джефферсона обнимает друг друга и прыгает в экстазе. У меня появляется подозрение, что я пропустила что-то важное.

Как и следовало ожидать, одна из подружек Кэролайн отрывается от остальных и с развевающимися за спиной хвостиком светлых волос бежит ко мне.

— Ты это видела? — восклицает она, едва дыша.

— Видела что?

— Ну, как я забила пенальти. Выигрышный пенальти.

— О да. Ты пнула мяч, и он полетел вот в эти ворота, — говорю я, показывая на ворота в дальнем правом конце поля.

— Нет, — возражает она, указывая в другом направлении, — он попал в эти ворота. А где Марк? Он всегда смотрит наши матчи.

Марк, вероятно, в каком-нибудь подземном логове занимается тем, что втыкает иголки в куклу вуду, изображающую Софи, но я решаю соврать и отвечаю, что Марк собирается прийти на следующий осенний матч.

— Но сейчас, судя по всему, он стал большим фанатом мюзиклов, — добавляю я, чувствуя укол еще одной воображаемой иголки.

— Ладно, проехали, — говорит она. — Главное, убедись, что ты правильно записала мое имя. Он всегда пишет его с ошибкой.

— Я прослежу за этим, — заверяю я ее, ожидая, что она побежит обратно к товарищам по команде, но она не двигается с места. Думая, что я должна высказать еще какую-нибудь похвалу, я добавляю: — И правда отличная игра, кстати. Ты закинула мяч очень далеко. То есть я не думала, что он полетит так далеко, но он все-таки полетел.

— Спасибо, — сухо благодарит она. — А ты не собираешься взять у меня интервью?

— Ах да, точно. Я собиралась взять интервью у всех вас в раздевалке.

— То есть когда мы будем переодеваться?

— Ага. Я подумала, что так статья получится более живой, — говорю я. — Ну, знаешь, запах пота, дух товарищества. И все такое.

Она смотрит на меня так, как будто я только что предложила им всем взяться за руки и сыграть в «бутылочку».

— Да ладно тебе, — говорю я как можно более бодрым и небрежным тоном. Я встаю и подталкиваю ее к раздевалке. — Начнем по пути.

Я задаю вопросы Марте ровно столько времени, сколько требуется для того, чтобы убедиться в отсутствии у нее родимых пятен в форме звезды. После этого я перехожу к остальным членам команды, которые потихоньку подтягиваются в раздевалку и начинают скидывать спортивные маечки и влезать в узкие джинсы. Истощив свой запас футбольных вопросов, я пускаю в оборот вопросы из интервью с новенькими. В конце концов одна из десятиклассниц с лязгом захлопывает свой шкафчик.

— Ну да, мой любимый цвет — оранжевый, но если серьезно, то какое отношение это имеет к игре?

Остальные девушки недовольно бормочут что-то, соглашаясь с ней, и начинают выходить из раздевалки. Некоторые захватывают с собой оставшуюся одежду и уходят, так и не сняв спортивные костюмы. Когда в комнате не остается никого, я закрываю глаза и устало прислоняюсь к стене. С одной стороны, хорошо то, что уже семь девушек я могу вычеркнуть из списка. Если добавить к ним девушек из других раздевалок, в которые мне удалось пробраться, то в сумме получается тридцать. С другой стороны, плохо то, что меня теперь будут считать сумасшедшим репортером, который проводит интервью исключительно с полуобнаженными объектами.

Чуть погодя я выхожу через створчатую дверь в зал. Увы, моя задержка оказалась напрасной; стайка девочек толпится в центре зала вокруг золотистой светловолосой головы, которая знакома мне слишком хорошо.

— Влад, ты вроде собирался прийти на нашу игру, — обиженно говорит одна из

девушек, которую я вычеркнула из списка.

Он улыбается. Хотя в последние две недели я делала все возможное, чтобы избежать его, даже я знаю, что с тех пор, как его поиски не увенчались успехом, он улыбается все реже и реже. Он все нетерпеливее ведет себя с учителями, а вчера я даже слышала, как он рывкнул на мисс Уолпол, когда она поинтересовалась, как продвигается его сочинение про Франкенштейна: «Оно не продвигается, проклятая ведьма!» Но сейчас, когда у него есть слушатели, он весь излучает обаяние. Я наблюдаю за тем, как Влад кладет руку на сердце.

— Да, да, и пожалуйста, примите мои глубочайшие извинения, что я пропустил игру, — говорит он. — Я надеюсь, что ближайшая вечеринка, которую мы устраиваем с друзьями, поможет мне загладить свою вину.

— Вечеринка? — переспрашивает Марта.

— Да, — отвечает Влад. — И не просто вечеринка, а тематическая вечеринка.

Марта хлопает в ладоши:

— Тематические вечеринки — мои любимые. А какая будет тема? Вечеринка двадцатых? Сутенеры и проститутки?

Влад в ответ только загадочно приподнимает брови и прикладывает палец к губам.

— Вы узнаете больше из пригласительных открыток. На самом деле, — говорит он, демонстративно взглядывая на часы, — сейчас они уже должны лежать в ваших шкафчиках.

Девушки, переглянувшись, торопятся к выходу. Видимо, только меня тошнит от перспективы вечеринки, организованной Владом. Могу себе представить, какая тема будет у этой вечеринки. Может быть, «Ночь демонстрации родимых пятен»? Хотя у меня и так масса дел, теперь, похоже, мне придется переключиться на multifunctional режим.

Я наблюдаю за тем, как он проверяет, не задержался ли кто-то в дверях. Убедившись, что горизонт чист, он вытаскивает из заднего кармана маленький черный блокнот. Теперь он пишет в нем что-то даже чаще, чем раньше: пишет на уроке английского, в столовой, посреди коридора. И я хочу знать что. До сих пор у меня не было возможности узнать еще что-то от дружественных мне вампиров. Марисабель то ли не ходит в школу, то ли держится слишком близко от Влада, а Виолетта, похоже, дала обет молчания; каждый раз, когда я пытаюсь заговорить с ней на английском, она только сжимает губы и шепчет: «C'est une secreete».

Неожиданно Влад поднимает взгляд, и, прежде чем я успеваю найти подходящее место и спрятаться, он уже направляется ко мне. С того самого дня в фойе я уже несколько раз замечала, как он смотрит на меня с подозрительным блеском в глазах. Когда его отделяет от меня двадцать футов, я впадаю в панику и позволяю ногам самим нести меня, куда им угодно... им угодно принести меня на ступеньки трибуны. Моему инстинкту самосохранения не помешало бы умение получше ориентироваться.

Понимая, что я в ловушке, я поворачиваюсь и делаю вид, что именно сюда я и направлялась. Я сажусь, выбирая место с краю на тот случай, если мне придется быстро убегать.

— Что ты здесь делаешь? — рывкает Влад, поднимаясь на нижнюю ступеньку. Я сжимаю свою записную книжку и изо всех сил пытаюсь сделать вид, что возмущена тем, что меня преследует почти незнакомый человек.

— Ну, я делаю репортаж о футбольном матче. И я как раз собиралась кое-что записать.

— Вчера ты тоже околачивалась возле раздевалок. После другого соревнования — того, где они неизвестно зачем бегают по лесу.

— Ну да, репортаж про бег по пересеченной местности тоже делаю я, — говорю я, стараясь, чтобы мой голос звучал как можно ровнее. — Что тут особенного?

Влад продолжает смотреть на меня, сжав губы в тоненькую ниточку. Яркое освещение бросает тени на его скулы, что еще сильнее подчеркивает его мертвенную бледность. Он уже не выглядит таким изящным, как раньше, и я думаю, что его силы, кажется, на исходе. Однако мне приходится прервать свои наблюдения, потому что он с решительным видом поднимается на первые две ступеньки лестницы. Я судорожно ищу что-то, на чем могу

сосредоточиться, когда вдруг с другого конца зала доносится чей-то голос.

— Остановитесь-ка, молодой человек, — с порога кричит мистер Хэнфилд. — Вы не должны здесь находиться, когда нет игры. Трибуна — это не игрушка.

Влад едва не взрывается от злости.

— Каким, интересно, образом, стоя на ней, я обращаюсь с ней как с игрушкой? И я не молодой человек.

Подобный ответ только приводит коротенького учителя в еще большее негодование.

— Спускайтесь сию же секунду, — приказывает он, сурово глядя на нас снизу вверх.

— Еще чего, — отвечает Влад и затем несколько раз топает ногами с такой силой, что вся секция с грохотом трясется. — Вот что значит обращаться с ней как с игрушкой.

Мистер Хэнфилд вытаскивает из нагрудного кармана маленький белый блокнотик.

— Посмотрим, будешь ли ты таким дерзким, когда тебя, оставят после уроков. Стой где стоишь, — приказывает он и поворачивается ко мне. — А вы, юная леди?

— Я без проблем спущусь вниз, — отвечаю я и извиняюсь перед ним, спускаясь по ступенькам и подавляя желание благодарно погладить его по плечу, обтянутому свитером. Дойдя до двери, я рискую оглянуться, чтобы посмотреть, не успел ли уже Влад каким-нибудь заклинанием добиться прощения. Но он только хмурится, слушая наставления мистера Хэнфилда.

Итак, мне снова удалось избежать смертельной опасности. Самое время объявить конец рабочего дня и поехать домой, где можно попытаться написать статью об игре, которую я так до конца и не поняла, а потом принять чудесную ванну с пеной. Все, что мне осталось сделать, — это забрать рюкзаки...

Едва повернув за угол, я застываю на месте как вкопанная. Прислонившись к стене, возле шкафчика стоит Джеймс и обнимает Аманду. На ней полное чирлидерское обмундирование, но она задрала юбку на несколько дюймов, открыв загорелые ноги. Я чувствую, что меня сейчас стошнит. Мне претит то, что Джеймс помогает Владу, убеждая я себя, а вовсе не то, что Аманда — единственная девушка, с которой Джеймс разговаривал за последнюю неделю (а ведь если верить недавнему слуху о ее свидании с Владом в кладовой, то она уже вычеркнута из списка). Мы до сих пор ни разу не разговаривали.

— Помнишь, как мы ходили на встречу выпускников в восьмом классе? — спрашивает Аманда, противно хихикая. Преисполненная решимости показать, насколько мне все равно, я направляюсь к своему шкафчику и начинаю набирать код на замке.

— Да, было весело, — слышу я ответ Джеймса. — Дэнни достал тот лимузин, и мы кидали в окно банки из-под колы.

Аманда снова хихикает:

— Это не то, что мне больше всего запомнилось.

Дверь моего шкафчика открывается с резким скрежетом. У-у-пс, Краешком глаза я вижу, как Джеймс выпрямляется, так что Аманде приходится сделать шаг назад, чтобы не потерять равновесие. Он произносит мое имя.

— Не обращайтесь на меня внимания, — говорю я, доставая сумку. Все мои силы сейчас направлены на то, чтобы не смотреть на Джеймса, поэтому я не сразу замечаю, что в моем шкафчике лежит кое-что заслуживающее внимания. Между перекладинами засунут конверт с гигантской черной печатью, которая смотрит на меня как злобный глаз. «Господи, — думаю я, извлекая конверт и вскрывая его, — только бы это не был очередной тест от Виолетты».

Хорошая новость заключается в том, что это не тест на умение флиртовать, плохая — в том, что теперь я знаю тему вечеринки Влада.

Приносите ваши купальники и забудьте об осеннем ветре! Приглашаем вас на нашу Осеннюю вечеринку на открытом воздухе, в эту пятницу, 1 октября.

КТО: Влад, Марисабель, Виолетта, Невилл, Девон и Эшли

ГДЕ: 235 Престон-драйв (карта прилагается)

КОГДА: 21.00

ЧТО: вечеринка в бассейне: Закрытие летнего сезона. Никто не будет допущен без бикини (или для молодых людей, если вы хотите прийти с ними, — без плавок).

Отвечать на приглашение не обязательно.

Обязательные купальники? В октябре? Влад — само зло.

Внутри вложен клочок бумаги. «Надеюсь, ты сможешь прийти!» — написано витиеватым почерком Марисабель, а внизу нарисовано несколько сердечек и приписано «Подмигиваю». Видимо, таким образом пятидесятилетняя вампирша изображает смайлик. Что ж, по крайней мере, это решает проблему того, как мне проникнуть на вечеринку.

После того как я запикиваю конверт в рюкзак, Аманда спрашивает:

— Ты пойдешь туда?

Я говорю «да» ровно в ту же секунду, как Джеймс говорит «нет». Аманда переводит взгляд с меня на него и обратно, потом ее глаза сужаются.

— Вообще-то там не будет никого классного. Меня даже не пригласили. — Она поворачивается к Джеймсу. — Мы можем вместо этого пойти в кино или куда-нибудь еще.

Широкий коридор вдруг кажется мне узким, как консервная банка.

— Приятно вам провести время, — говорю я, захлопывая шкафчик, и ухожу, не успев услышать ответ.

Всю свою жизнь я пыталась избегать ситуаций, в которых надо надевать купальник. Последний раз я ходила плавать в одиннадцать лет, и то только после того, как мне пообещали пакетик сока и крекеры в виде зверушек и разрешили плавать с надувным плотом в форме дельфина. Теперь я уже не настолько глупа. И не настолько обожаю надувные игрушки.

Однако зная причины, по которым Влад устраивает вечеринку, я сомневаюсь, что мне удастся туда попасть, не показав кожу, даже если я, как воспитанная девочка, вежливо попрошу: «Ну пожаааалуйста!» В 19:54 в пятницу, первого октября, я иду к спальне Кэролайн и, обуреваемая сомнениями, стучусь в дверь. Дверь открывается, и я вижу Кэролайн, которая зажимает щекой телефонную трубку и старательно обрабатывает челку щипцами для завивки. Она машет мне свободной рукой — или, возможно, просто сушит лак на ногтях. Я все-таки предпочитаю принять это за приглашение войти.

— Нет, не надо сокрушаться по этому поводу, — говорит она своему собеседнику голосом, не допускающим дальнейших возражений. — Можно подумать, что я хочу торчать в этом грязном затхлом доме. — Она милостиво позволяет человеку на другом конце провода высказать несколько замечаний. — Ладно, о'кей, посмотрим. Встретимся в кинотеатре в половину? Отлично. — После гудка она бросает телефон на кровать, где он, подпрыгнув несколько раз, наконец утверждается на плюшевом покрывале между Гровером и безымянным толстым пингвином. Взбив челку и выдернув из розетки щипцы для завивки, она наконец обращает внимание на меня.

— Чего ты хотела? — спрашивает она, осторожно устранившись на кровати, чтобы не помять темно-синий сарафан без бретелек и не сбить аккуратно завязанные на голени ремешки сандалий. Она играет с широким вышитым бисером шарфом, брошенным на шею, уделяя ему куда больше внимания, чем мне. Кэролайн до сих пор не простила мне «вызванную Владом амнезию».

— Ты не могла бы одолжить мне купальник? — спрашиваю я.

Она прищуривается.

— Ты идешь на вечеринку к Владу, — говорит она скорее утвердительно, чем вопросительно.

— Да, — коротко отвечаю я. Вообще-то было бы гораздо проще убедить Кэролайн в том, что Влад — вампир, чем объяснить ей, почему я ненавижу вечеринки, у которых нет

никакой другой цели, кроме как выпить и потусоваться.

Пару секунд она изучает меня. Ее дилемма очевидна: продолжать злиться на меня или дать мне пару модных советов. К моему счастью, она останавливается на последнем.

— Он скучный, но вполне нормальный, — говорит она, спрыгивая с кровати и направляясь к комоду. Она выдвигает второй ящик. — Какой ты хочешь? Цельный, раздельный...

— Красный, синий? — продолжаю я.

Кэрлайн не в восторге от этой шутки, и на этот раз ее раздражение, вероятно, оправдано. Порывшись в ящике, она поворачивается ко мне, держа в руках два красных треугольничка, соединенных тоненькой ниточкой. Другими словами, нечто, похожее скорее на модель корабля, сделанную дошкольником, чем на купальник.

— Ни за что, — говорю я. — Следующий.

Она закатывает глаза, но откладывает его в сторону. Покопавшись в ящике еще немного, она извлекает две альтернативы: желтый купальник с двумя огромными розовыми цветами посреди каждой чашечки бюстгалтера и еще один, с большой фиолетовой надписью «флирт» на попе. Похоже, она решила надо мной поиздеваться.

— Думаю, я возьму красный, — говорю я, протягивая руку. — Ты бесстыдница, кстати.

— Приму это за комплимент, — весело мурлычет она и бросает мне купальник. — Нет, примерь, — приказывает она, когда я собираюсь уходить. — У нас разные размеры. Возможно, тебе больше подойдет тот, с хипповскими цветами на груди.

Я неохотно захожу за дверь и со скоростью Супермена сбрасываю одежду и надеваю купальник. Завязав на шее тесемки, я выхожу, чтобы показаться Кэрлайн. Она корчит рожицу.

— Было бы лучше, если бы ты не прижимала к груди джинсы с футболкой, как извращенец. Брось их, — приказывает она. Я разжимаю пальцы, позволяя своему щиту из одежды упасть на пол. — Он правда тебе очень идет, Софи. Кто бы мог подумать, что под футболкой скрывается так много грудастости? — Она вдруг прищуривается. — Конечно, с загаром и меньшим количеством веснушек смотрелось бы лучше, но... ну, ты понимаешь.

— Да, я понимаю. — Я поднимаю свою мятую черную футболку и натягиваю ее через голову, после чего благодарю Кэрлайн за купальник.

Она машет на меня рукой. Это ничего не значащий жест, но я чувствую, что она начинает задумываться о несправедливости того, что меня пригласили, а ее нет, — весь мир перевернулся с ног на голову. Чтобы снять напряжение, она, болтая о каких-то глупостях, начинает искать кошелек в грудке сумок, сваленных возле шкафа.

— Я встречаюсь с Амандой в кинотеатре, — говорит она.

— А Джеймс идет? — спрашиваю я, потому что у меня нет ничего, хотя бы отдаленно напоминающего силу воли. Возможно, меня стоило бы поместить в карантин для дальнейшего изучения. Но Кэрлайн то ли не слышит меня, то ли решает не отвечать.

— Она хочет посмотреть тот фильм про зомби, которые едят Нью-Йорк, или что-то в этом духе, — продолжает она по-прежнему приглушенным голосом. — Неважно. Главный герой — красавчик. Только бы никто не съел его чудный пресс. — Она одним рывком вытягивает за ремешок объемную серую замшевую сумку и затем поворачивается ко мне с серьезным блеском в глазах. — Да, и запомни: ты должна будешь рассказать мне все, что произойдет сегодня. Все, — повторяет она и, улыбнувшись мне ослепительной искренней улыбкой, выходит за дверь.

Дом Влада находится в старом районе, полном раскидистых деревьев возраста моего дедушки и пожилых пар на пенсии, которые еще старше. Когда я еду по извилистым улицам, в большинстве домов уже выключен свет. Время от времени я замечаю в окнах мерцание телевизора или одинокого ночника, но по большей части весь Шейди Гроув уже погрузился в сон. Когда я подъезжаю к последнему повороту на Престон-драйв, на дороге внезапно

выскакивает енот с глазами, сверкающими как два флуоресцентных шарика. Я ударяю по тормозам, и он убегает под ближайшую припаркованную машину. Хотя опасности почти не было, я чувствую, как колотится мое сердце. Спасибо тебе, природа, теперь я взвинчена еще больше, чем в начале пути.

Когда мое дыхание наконец выравнивается, я замечаю бесконечно длинный ряд припаркованных машин, который тянется вверх по холму к двухэтажной развалюхе. Я смотрю на часы, ожидая увидеть, что я опаздываю по меньшей мере на час, но сейчас всего без пары минут девять. Судя по всему, остальные гости решили выбросить из головы мысли о светском опоздании.

Я паркую машину и бреду по направлению к дому. Позади меня останавливается еще несколько машин, и из них вываливаются хихикающие пассажиры. Большинство из них уже в купальниках. Что касается меня, я планирую оставаться в футболке до тех пор, пока меня не свяжут и не заставят раздеваться насильно.

Миновав последний уличный фонарь, я подхожу к дому. Единственный источник света теперь — высокие окна от пола до потолка. Я смотрю на серые шаткие ставни и огибающую дом веранду, освещенную единственной желтоватой лампочкой. Вокруг нее вьется танцующий нимб ночных мотыльков. Время от времени какой-нибудь гость-камикадзе заходит в дом, пробившись через толпу у дверей. Судя хотя бы только по количеству гостей, вечеринка Влада удалась.

Я присоединяюсь к гостям, толпящимся на веранде. Девушка в простом цельном купальнике слева от меня плачет.

— Но это единственный купальник, который у меня есть! — жалуется она, пока ее более удачливая подруга неуклюже похлопывает ее по спине и с тоской смотрит на тусовку в стороне от них. Ее купальник ей велик, но, по крайней мере, он отдельный. Она покусывает губу и поворачивается к своей смятенной подруге.

— Почему бы тебе не съездить купить другой купальник в «Уолмарте», а потом вернуться сюда? — предлагает она. — Или мы можем, ну, например, обрезать твой.

Не успеваю я услышать ответ, как меня оттесняют в переднюю часть толпы. Посмотрев вверх, я встречаю взгляд карих глаз Девона — или, может быть, Эшли, — стоящего на карауле. В первый раз я вижу одного без другого, и это почему-то вызывает у меня чувство тревоги. Глаза Д'Эшли сканируют мое тело, сужаясь, когда натываются на лишний предмет одежды. Он указывает пальцем на мою футболку и подносит к ней руку.

Я хватаюсь за футболку, удивляясь — неужели я единственная, кто оказывает сопротивление насильственному раздеванию. Охваченная внезапным приступом упрямства, я останавливаюсь и тяну футболку вниз. Теперь я жду следующего движения Д'Эшли. Застыв на несколько секунд в совершенно мультяшном замешательстве, он жестом показывает, что мое время истекло и теперь я должна дать дорогу менее трудным гостям. Видя, что я не обнаруживаю никаких признаков повиновения, он хватается за плечо и начинает отодвигать от крыльца. Внезапно я чувствую на своем плече еще чью-то руку.

— Привет, Софи, — говорит Джеймс, становясь рядом. Он выглядит страшно привлекательным в синих джинсах и дымчато-серой футболке. Я не ожидала увидеть его здесь, поэтому в ответ я мямлю нечто среднее между «Привет», «Э-э-э?» и «Простите?». Больше всего это похоже на клекотание некоего существа, только что вылезшего из болота. Джеймс любезно делает вид, что я говорила на английском.

— Ты готова идти внутрь? — спрашивает он и поворачивается к Д'Эшли. — Она со мной.

Теперь, когда Джеймс стоит менее чем в двух футах от меня, я ни за что на свете не соглашусь хоть что-нибудь с себя снять. Я хватаю кончики тесемок моего купальника и трясусь ими перед неуклюжим телохранителем.

— Мой купальник на мне. Ясно?

Д'Эшли отрицательно качает головой, но внезапный взрыв смеха позади меня отвлекает его внимание. Новая группа школьников, около двадцати в общей сложности,

ковыляет вверх по холму. По широкому лицу Д'Эшли проносится страх; не похоже, что он готов играть роль вышибалы. Школьники начинают проявлять признаки беспокойства.

— Так тыпустишь нас или как? — говорит Джеймс, демонстративно смотря на часы и тряся рукой, как будто они сейчас прожгут дырку в его рукаве. — Судя по всему, тебе еще многих нужно проверить. Влад будет крайне недоволен, если в десять часов половина его гостей все еще будет ждать у дверей.

Страх гипотетического недовольства Влада оказывается решающим. Д'Эшли коротко взмахивает рукой, разрешая нам войти.

Мы проскальзываем внутрь, пробиваясь сквозь толчею в холле. Первым делом я рассматриваю спины и животы в поисках родимых пятен, но холл забит телами так плотно, что у меня начинается клаустрофобия. Я пробиваюсь к нижней ступеньке пыльной резной лестницы, ведущей на темный второй этаж. Оттуда веет затхлостью, напоминающей запах осенних листьев после дождя. И все-таки это лучше, чем задохнуться в толпе голых тел.

— Спасибо за помощь, — говорю я, когда Джеймс становится на лестнице рядом со мной, и потом, не в силах удержаться, добавляю: — А я думала, ты идешь в кино с Аmandой.

— Не-а, — отвечает Джеймс, и я приказываю себе отвлечься, чтобы он не увидел, что я сияю от удовольствия. Я быстрым взглядом окидываю холл. Соотношение девочек и мальчиков — примерно три к одному, и у немногих присутствующих здесь лиц мужского пола словно на лбу написано, что они здесь просто в статусе друга. В основном они прячутся по углам, уставившись в свои красные пластиковые стаканчики, как будто те могут посоветовать им, что делать дальше. Что касается девочек, то на некоторых из них надеты травяные юбочки-хула — неясно, их собственные или предоставленные вампирами, — но, как и следовало ожидать, я — единственный человек, не обнаживший ни кусочка тела.

— Если ты захочешь снять свою защитную оболочку, — говорит Джеймс, — то от меня ты не услышишь ни слова жалобы.

— Нет, спасибо. Я здесь больше как наблюдатель.

— Да уж, я понимаю, что ты здесь не ради компании.

Я изучаю его лицо, на которое отбрасывает тень крутой изгиб лестницы. За исключением нашей последней встречи на химии, он никогда не выглядел таким больным и усталым. Сейчас он, прислонившись к перилам, с улыбкой изучает меня. Я скучала по разговорам с ним, вдруг понимаю я. Я скучала по ним очень сильно.

Чувствуя себя разоблаченной, я бросаю взгляд наверх. Там, на верхней ступеньке лестницы, как глиняный истукан, стоит вторая половина Д'Эшли, скрестив руки на груди и глядя на нас.

— Что он там делает?

Джеймс неохотно поднимает взгляд, следуя за моим взглядом.

— Влад не хочет, чтобы кто-то поднимался наверх.

— Почему?

— У него пунктик на тему того, что кто-то трогает его вещи.

— И это все?

— В общем-то да, — отвечает Джеймс. — Там нет никакой мистической схемы на стене с подписью «Это Мой Зловещий План», если ты об этом подумала.

Да, именно об этом я и подумала.

— Давай поднимемся наверх, — предлагаю я, внезапно воодушевляясь. — Он, наверное, пустит меня, когда я с тобой. И мы сможем выяснить что-нибудь еще о девушке и о том, чего от нее хотят данай.

Он отводит глаза в сторону.

— Я знал, что это было ошибкой, — бормочет он.

Меня охватывает разочарование.

— Тогда почему ты продолжаешь помогать мне? Сначала с проектом по журналистике, теперь здесь. Ты же должен понимать, зачем я здесь.

Он открывает рот, но, кажется, не может найти нужных слов.

— Я не знаю, — говорит он наконец. — Влад велел нам прийти сюда, а потом я увидел, как ты стоишь там, и, возможно, я просто подумал, что с тобой на вечеринке будет веселее, — говорит он, но тут я замечаю, как у него подрагивают губы от сдерживаемого смеха. — Вообще-то, когда в шестом классе была вечеринка у Моргана Майклса, ты выпила весь лимонад и ушла, как только все начали играть в «бутылочку».

— Я не ушла, — возражаю я, хотя я почти уверена, что так все и было.

— Ты ушла ровно тогда, когда мы начали. — Какое-то теплое чувство мелькает в его взгляде. На один краткий миг мое тело словно наполняется пузырьками. Но потом сквозь гул голосов вдруг прорывается смех Влада, и я понимаю: сколько бы мы ни предавались воспоминаниям, жестокая правда заключается в том, что мы с ним все еще в ссоре. Я больше не могу продолжать этот разговор; он только сбивает меня с толку и заставляет хотеть невозможного. — Я помню.

— Мне пора идти, — говорю я и начинаю спускаться по лестнице. Он окликает меня, но я уже успела протиснуться между девушкой в бикини с морским рисунком и выпускницей с ярко-зеленым шарфиком, повязанным поверх черных стрингов. Я ныряю в дверь справа от меня. Доносящиеся оттуда хриплые крики говорят о том, что именно там сосредоточен эпицентр вечеринки.

Высокие потолки и большие окна придают этой комнате вид очень привлекательной гостиной — или, по крайней мере, придавали когда-то. Между шаркающими ногами гостей я различаю на ковре темные пятна в форме диванов там, где, должно быть, они когда-то защищали ковер от солнечных лучей. Кремовые обои покрыты пятнами, и во многих местах у них загибаются уголки. В углу стоит драный викторианский диван с оторванными кнопками, покрытый серым бархатом, а дальняя часть комнаты уставлена фуршетными столиками. Это не самое подходящее место для гавайской вечеринки; комната похожа скорее на подземелье Дракулы, чем на благоуханный курортный островок. Над чашей с пуншем висит помятый плакат, на котором корявыми желтыми буквами написано «ALOHA», а с вычурной люстры, парящей над морем голов, свисает несколько жалких гирлянд. Судя по всему, интерьер — последнее, что волнует Влада, когда вокруг столько молоденьких девушек, которых можно похитить.

Я направляюсь к фуршетному столику, пытаюсь по пути составить план действий. Избегать внимания Влада — приоритет номер один, хотя все же нужно не спускать с него глаз на случай, если он нацелится на кого-то конкретного. А еще этот черный блокнот. Теперь, когда я проникла на его базу, возможно, мне удастся как-нибудь его заполучить.

Я беру хлипкую бумажную тарелку и обследую скудные предложения. Как и следовало ожидать, меню вампиров оставляет желать лучшего. Тарелки со стандартной сырной нарезкой окружают миску с застывшим соусом, до сих пор сохраняющим форму банки, из которой его достали. Морковь вызывает у меня меньше опасений, но почему-то, вместо того чтобы нарезать ее ломтиками, ее нарубили в виде крошечных кружочков размером с монетку. Как аппетитно. Я беру морковный медальон и начинаю его грызть, снимая стаканчик с кренящейся башни справа от меня и направляясь к чаше с пуншем. Пунш выглядит оранжевым, сахарным и ненатуральным. Тоже ничего неожиданного. Для пробы я наливаю немного себе в стаканчик. Вдруг рядом со мной вырастает чья-то фигура.

— Эй, Софи, что нового? — говорит Нил Гарретт, великолепный в своих кислотно-зеленых плавках. Он смело хватает ломтик сыра и макает его в соус. — Классная вечеринка, а?

— Что ты здесь делаешь?

— Я пришел со своей девушкой, — гордо отвечает он. Убедившись, что никто нас не слышит, он наклоняется к моему уху и шепчет: — Мы играем в прятки. Правда, она не очень-то умеет играть, поэтому я решил сделать передышку, чтобы она подумала, что это я так долго ишу. — Он делает паузу. — А ты что здесь делаешь? Ты никогда не казалась мне любителем вечеринок.

— Это долгая история.

— У меня есть время, — говорит Нил. — Я считаю до девяносто одной тысячи.

Только я открываю рот, чтобы сказать ему, что это неважно, как замечаю Виолетту, которая с разгневанным видом направляется к нам. Никакой откровенной одежды вроде купальника на ней нет, но чтобы соответствовать духу вечеринки, она на манер тоги обернула вокруг себя простыню в цветочек. Она путается ногами в простыне, торопясь к нам. Нил произносит ее имя голосом, в котором слышится смесь удивления и удовольствия.

— Что ты делаешь? — спрашивает он. — Ты должна прятаться!

— Мне показалось, что я уже целую вечность сижу в этом старом пыльном шкафу, — с надутым видом отвечает она.

— В шкафу в кабинете? Но ты пряталась там в последний раз! И в предпоследний тоже.

Виолетта пожимает плечами и застенчиво улыбается; я не удивлюсь, узнав, что ее любимая часть прятков — быть найденной.

— А этот шкаф — на втором этаже? — прерываю их я.

— Софи! — издает она восторженный возглас. — Я думала, ты не придешь. — Заметив, что я кошусь на то, как она продевает руку под локоть Нила, она хихикает: — У-у-пс, — говорит она. — Мы держали это в секрете, но ты будешь первой, кто об этом узнает. Мы с Нилом встречаемся.

— Поздравляю, — говорю я, чувствуя, как мой желудок опускается куда-то вниз. Не за горами серьезный разговор о превращении в вампиров своих бойфрендов. Но прямо сейчас я должна думать только о Владе.

— Можно мне, ну, поиграть в прятки с вами?

Виолетта расцветает.

— Конечно! — Она приказывает Нилу снова начать считать. — На этот раз я буду не в шкафу, — говорит она, а затем хватается за руку и тащит через толпу.

Добравшись до верхней ступеньки, мы натываемся на Д'Эшли, исправно стоящего на карауле, Виолетта без колебаний проскальзывает под его рукой, но, попытавшись сделать то же самое, я чувствую, как мне на плечо опускается тяжелая рука.

— Ах, пусти ее, Эшли. Нил уже, наверное, досчитал до пятидесяти! — восклицает она и пинает его в голень. Он с недовольным видом позволяет мне пройти, и я ныряю во тьму коридора.

Глава тринадцатая

Глаза Виолетты привыкают к темноте гораздо быстрее, чем мои, или, по крайней мере, мне так кажется, потому что она уже несется по коридору, пока я все еще цепляюсь за стены.

— Я собираюсь спрятаться в шкафу, — возбужденно сообщает она и исчезает там, где, видимо, находится вышеупомянутый кабинет.

Воздух насыщен пылью, и я, пытаюсь сдержать кашель, берусь за ручку ближайшей ко мне двери. Не считая нескольких разбросанных по углам листов бумаги, первая комната пуста. Во второй обнаруживаются только клочья пыли, а третья заставлена изодранными диванами и креслами, которые, судя по всему, были в последнюю минуту вытащены из мусоровоза. Они расставлены по кругу, как будто вампиры проводят свои вечера за общей беседой. В углу стоит старый телевизор, а под ним лежат стопки DVD-дисков. Не в силах удержаться от искушения, я просматриваю их и обнаруживаю, что Влад собрал коллекцию всех подростковых комедий, которые только можно себе представить, от Джона Хьюза до «Десяти причин моей ненависти». Так вот что он использовал в качестве научных исследований, чтобы проникнуть в нашу школу? Это пугает меня чуть ли не больше, чем что-либо еще.

Мне вдруг приходит в голову, что я еще не видела здесь ни одной кровати. В четвертой и пятой комнатах их тоже не обнаруживается, хотя в шкафах висит одежда: бархатная — для

Виолетты, юбки до колена — для Марисабель и ряд белых рубашек — для Невилла. Я понимаю, что никогда не спрашивала Джеймса, спит ли он. Надеюсь, что да; при мысли о том, как он всю ночь одиноко сидит без сна в этой старой спальне, у меня сжимается горло. Неудивительно, что он не хотел возвращаться домой той ночью. Я ощущаю запоздалый укол совести.

Остается только одна комната, и я начинаю сомневаться, что моя гениальная идея с прятками поможет мне добыть полезную информацию. Распахнув последнюю дверь, я вижу одиноко стоящий стул. У меня падает сердце. Я все-таки обхожу комнату по периметру, надеясь, что грохот музыки внизу заглушит скрип половиц. Стул повернут к окну, из которого открывается прекрасный обзор на лежащие внизу окрестности, на покатые крыши и мигающие огоньки домов. Такой величественный вид можно найти разве что за городом.

Я подхожу к дальней стене и пытаюсь открыть дверцу шкафа, нажимая все сильнее, пока она наконец не поддается. Внутри тоже висит одежда, но в отличие от остальных шкафов, где вещи разных стилей и разных владельцев висели вперемешку, здесь она разложена с той степенью педантичности, которая обычно ассоциируется с бывшими военными, серийными убийцами или Марси. Справа помещаются рубашки и куртки, покрытые полиэтиленовыми чехлами и разложенные по цветам. Я узнаю черную куртку Влада, в которой он был в первый школьный день, а внизу нахожу пару ботинок с заостренными носами — я помню, как они блестели тем вечером в лесу. Я чувствую, как по телу пробегают мурашки, и мне не сразу удастся вернуть себе душевное равновесие.

Слева располагаются многочисленные джинсы, и хотя они не покрыты чехлами, каждая пара висит на отдельной вешалке задними карманами наружу. Это подтверждает старое поверье о том, что нужно опасаться людей, которые вешают джинсы на вешалку, — пусть даже это поверье я придумала только что.

Я протягиваю руку, чтобы закрыть дверь, разочарованно думая о том, что узнала бы больше, спрячась я в шкафу с Виолеттой, как вдруг мой взгляд падает на выпуклость в кармане ближайших ко мне джинсов. В первую секунду я не верю своим глазам. Но нет — блокнот Влада действительно здесь, засунут в задний карман его джинсов. Он оставил свой план установления господства вампиров в других штанах.

Я так поспешно вытаскиваю блокнот, что роняю джинсы с вешалки. Вернув их на место, я трясущимися руками открываю блокнот, чувствуя, как колотится мое сердце. Все страницы плотно исписаны убористым витиеватым почерком Влада. Строчки залезают, на поля, бегут вдоль переплета и упираются в уголки страниц. Подойдя к окну, я начинаю листать пожелтевшие страницы при слабом свете, льющемся снаружи.

Первые страницы заняты списком имен и дат, начиная с «Антон и Евангелик Мерво (ум. 1815, сожжен)» и заканчивая «Кристиана Джонс (ум. 1999, убита)». Под последней записью поставлено множество восклицательных знаков всевозможных размеров; некоторые из них Влад нарисовал с таким нажимом, что страница под ними прорвалась. Если верно то, что рассказала мне Марисабель, то это должен быть список потомков девушки, который он составлял на протяжении многих лет — но если он знает, на чем заканчивается этот список, то зачем он здесь?

Далее идет ряд дневниковых записей, первая из которых помечена 1966 годом. Здесь есть краткие отчеты о расследованиях, упоминания о пропавших детях, мечты о том, какой была бы его жизнь, если бы он стал данаем и смог отомстить всем тем вампирам, которые его унижали, и жалобы на то, как тяжело быть Безымянным. Промежутки между записями составляют годы — годы! — и какая-то часть меня не может не восхититься упорством Влада; мне никогда не удавалось вести дневник дольше месяца.

Я останавливаюсь на одной особенно длинной записи.

13 марта, 2000
Новый Орлеан

Третий запрос на вступление в Общество Единого Бога отклонен. Не помогли даже поддельные документы. Проник в их архивы.

Последний потомок — женщина (кто бы сомневался!), смерть зарегистрирована в Канаде. Никаких дальнейших расследований проведено не было. Ясно, что это Общество совершенно некомпетентно, так что я не жалею, что меня в него не приняли. После последнего обнаружения Кристианы в Мичигане прошло три года. Предыдущие пропуски были не длиннее нескольких месяцев. Почему три года?

Несколько следующих записей объясняют его теорию. Кристиана осталась в Мичигане, поскольку влюбилась и забеременела. Более того, он думал, что она родила ребенка, следующего потомка этой ветви, которую все считали оборвавшейся. Но вскоре после переезда сюда она взяла другое имя, которое он до сих пор не может выяснить, хотя ее ребенок должен был находиться где-то в этих краях и ему должно было быть от пятнадцати до семнадцати лет.

23 ноября, 2009

Северная часть штата Нью-Йорк, Уайлдернесс

Воистину, все складывается один к одному. Встретил вампира по имени Невилл, у него есть метка данаев, и, кажется, он очень заинтересован в моем исследовании. Это моя связь с ним; это тот знак, которого я так ждал.

Все следующие записи рассказывают о его приготовлениях к переезду всей компании сюда, которые включают размышления о том, как пленять людей с помощью денег и красивых вещей, и планы по похищению крови. Мое сердце подпрыгивает, когда впервые появляется имя Джеймса.

11 апреля, 2010

Северная часть штата Нью-Йорк, Уайлдернесс

Новая жертва Виолетты. Джеймс, действительно оказался полезен не только тем, что остановил ее бесконечное нытье. Он знаком с местностью, где находится девушка, и, возможно, учился с ней в одной школе в свои детские годы. Сначала он, кажется, сопротивлялся возвращению, но затем был убежден еще одним примером необычайной продуманности моей теории. «Жестокость применена хорошо в тех случаях, когда ее проявляют сразу».

Я хмурюсь, размышляя, что конкретно может значить «необычайная продуманность» и эта цитата — ясно, что ничего хорошего. Возможно, стоило бы показать это ему, чтобы в очередной раз попытаться склонить его на мою сторону или хотя бы его предостеречь. Я трясую головой, осознав, что это всего лишь очередной пример действия Отвлекающего Фактора по имени Джеймс. Нет. Девушка. «Даная». Надо бороться дальше.

Я останавливаюсь на первом дне Влада в Томасе Джеффе.

30 августа, 2010

Город Мичиган

Проникновение в школу Томаса Джефферсона прошло успешно. Дитя здесь. Я его чую...

Почему эта женщина все еще говорит? Если она думает, что я перестану носить туфли с заостренными носами, то она жестоко ошибается.

Я громко фыркаю и затем быстро переворачиваю страницу, чувствуя укол совести за то, что меня развеселили бредни Влада. К счастью, следующие страницы заполнены бесконечной демагогией по поводу того, что другие вампиры не помогают ему и он даже не знает, где находится Джеймс. Пролистнув несколько пустых страниц, я перехожу к следующему разделу: списку девушек, кандидатуры которых он отклонил. Кэролайн гордо венчает список из примерно тридцати девушек, которых я в свою очередь тоже вычеркнула из своего списка. Когда я переворачиваю следующую страницу, то, клянусь, я чувствую, как у меня загораются глаза. Вот то, что я искала.

Влад сделал набросок татуировки Невилла — такой крупный, что четыре главных луча звезды достигают краев страницы. Возле каждого кончика луча он написал имена — точнее, судя по всему, фамилии, — если только какая-то бедная душа не скитается по свету с именем «Вандервельд». Прищурившись, я присматриваюсь получше. Вместо буквы «Д» в центре рисунка Влад написал «Мерво» — фамилию великого и ужасного вампира, отца человеческого ребенка. Можно предположить, что другие фамилии тоже принадлежат вампирам.

Взволнованная, я перехожу к хронологии. Даты разделены разными промежутками времени, и все они написаны разными чернилами, как будто он дописывал их в течение долгого времени.

1798: У Мерво родилось человеческое дитя, названное Мерседес (родимое пятно в форме звезды на правом плече). Семьи вампиров разделились на тех, кто считает, что это просто мерзость. К последним примыкают правящие семьи того времени (Десмарэ — ныне их род угас).

1799: Мерво в страхе зовет на помощь. Откликается девять семей — Вандервельды, Дойль, Греко, Роузы, Вольфы, Магнуссоны, Кайя, Квинн, Павловы. Подписан договор данаев.

1806: Владычество Десмарэ пало. К власти приходят девять семей под эгидой «Данаи».

1845: Тирания. Данаи отрекаются от престола в пользу избранных лидеров и в качестве необходимого условия оказываются вынужденными распустить общество. Они публично объявляют об этом, но общество сохраняется, став секретным. Создана метка, чтобы члены общества могли узнавать друг друга.

1847: У Мелизанды рождается дитя (отец, несомненно, вампир), снова человеческое. Названо именем Мишель (на ладони линии в форме звезды).

1869: Мишель исчезает. Причины не известны.

1902: Родился я.

1965: Виктор Петров подпольно распространяет важный труд «Пропавшая дочь», в котором утверждает, что человеческая ветвь рода Мерво не оборвалась. Позже отрекается и заявляет: «Это был просто роман», но затем исчезает.

Я возвращаюсь к началу дневника — к записи, помеченной 1966 годом. «Роман» Виктора явно повлиял на Влада настолько, что всю оставшуюся часть века он потратил на поиски ребенка. Я еще раз перечитываю хронологию, пытаюсь составить общую картину, основываясь на чередке дат и крупницах исторических сведений. Данаи ищут девушку не только из-за ее предполагаемых чудесных сил; они ищут ее потому, что она и ее ветвь —

жемчужина в их короне. Или, по крайней мере, была ею, пока не исчезла.

Перевернув следующую страницу, я вижу убогий текст под заголовком «Собрание легенд и мифов». Однако не успеваю я приняться за чтение, как позади меня раздается скрип двери. Я резко оборачиваюсь и вижу Нила, который стоит в дверях и смотрит на меня с удивлением. И знаете что? Его кислотно-зеленые плавки светятся в темноте.

— Нашел! — восклицает он, и тут же на его лице появляется замешательство. — Почему ты стоишь посреди комнаты? Ты еще хуже, чем Виолетта. — Его взгляд падает на блокнот в моих руках. — Что это?

— Ничего, — отвечаю я, досадуя, что меня прервали. Я не сразу осознаю, как мне повезло, что это всего лишь Нил. Влад, возможно, будет искать блокнот, а значит, мне придется отложить более внимательное чтение на потом. Я пытаюсь запихнуть блокнот в карман, но женские штаны не так хорошо подходят для этого, как мужские. За отсутствием других вариантов я задираю футболку и заталкиваю блокнот между спиной и поясом джинсов. Надеюсь, что, если Влад его найдет, ему, по крайней мере, будет неприятно. Подняв руки, я говорю: «Сдаюсь!» — и в ту же секунду из-за плеча Нила высовывается золотистая головка Виолетты.

— Ты опять слишком долго искал, — укоряет она его, но на лице ее написана улыбка. — Давайте пойдем вниз. Мне надоел этот шкаф.

Я пропускаю их вперед. От избытка новой информации у меня раскалывается голова, пока я не вижу, как Виолетта продевает руку под локоть Нила, а он наклоняется, чтобы шепнуть ей что-то на ушко. В этот момент я понимаю, что эту проблему нельзя отодвинуть на задний план. «Это никуда не годится, — думаю я, слушая, как ее смех разносится по лестнице, — это совершенно никуда не годится».

Когда мы доходим до нижней ступеньки, я беру Виолетту за свободную руку.

— Мне нужно кое-что сказать Виолетте, — говорю я Нилу. — Иди возьми еще пару кусочков сыра. Говорят, он просто объедение.

— Но...

— Мы тебя найдем, — добавляю я и тяну Виолетту в соседнюю комнату: кухню.

Вся бытовая техника покрыта толстым слоем пыли. Нечищенный кран над раковиной отливает зеленым, а единственный источник освещения висит над плитой. Решетчатая дверь кладовки и все углы затянуты паутиной. Это самая запущенная комната в доме, и ее покинули почти все участники вечеринки.

Почти. В кухню вваливаются две подружки — одну из них я помню по футбольной команде. Они оживленно обсуждают то, как некая девушка только что в третий раз бросилась к Владу с таким энтузиазмом, что верхняя часть ее купальника сползла, открыв всему миру ее прелести.

— А он только взглянул на нее мельком, — говорит она, — затем подтянул ее купальник и сказал: «Спасибо, это была неоценимая помощь». Иногда он бывает таким странным!

Ее подруга энергично кивает и затем показывает на свое горло.

— Я хочу пить, — беззвучно шевелит она губами и направляется к холодильнику, который, как я предполагаю, заполнен вещами гораздо более страшными, чем гипотетическая плесень.

— В гостиной есть пунш, — говорю я, преграждая ей путь к дверце. — Невежливо копать в чужих холодильниках.

Кивком головы указав ей нужное направление, я вдруг чувствую, как у меня по спине пробегают мурашки. У нее на бедре есть маленькое родимое пятно, хотя если это и звезда, то самая шарообразная из всех, что я видела. На всякий случай я спрашиваю, как ее зовут. Надо признаться, выглядит это как допрос.

— Э-э-э... Грейс, — отвечает она, глядя на меня с таким видом, словно я прямо сейчас прикажу ей упасть на землю и сделать двадцать отжиманий. — И мы оставим в покое холодильник, хорошо? Не стоит так волноваться, — говорит она и тащит свою подругу к

выходу. «Кто это?», — слышу я, прежде чем они исчезают в коридоре. «Ну, знаешь, та девушка».

Потрясающе.

— Там, кстати, ничего нет, — говорит Виолетта, стоя позади меня. Обернувшись, я вижу, что она забралась на кухонный стол, не обращая внимания на покрывающую его пыль, и болтает ногами, ударяясь пятками о нижний ящик стола. — Правда, не стоит считать нас круглыми дураками, — продолжает она. — Мы, возможно, немного отстали от времени, но мы не настолько наивны, чтобы оставлять кровь у всех на виду.

— Не понимаю, о чем ты, — говорю я, изображая невинность, несмотря на ее недоверчивый взгляд.

— Марисабель рассказала мне о вашем разговоре в туалете. Мне никогда не хватало смелости самой ей об этом сказать, но я согласна, что пора им с этим покончить. Журнал «Севентин» назвал бы это неправильными отношениями.

— Кто еще знает?

— Только мы! — отвечает Виолетта, но я все еще ощущаю легкую дурноту. Виолетта, должно быть, замечает мое беспокойство, потому что добавляет: — На твоём месте я бы не переживала. Ну, если только ты не рядом с Владом. Тогда я, возможно, стала бы волноваться.

Отличная оговорка.

— Почему?

— Последнее время он на нас злится. Вчера Невилл, придя домой, объявил, что получил главную роль в спектакле, и Влад поставил его на место. Я правда хочу, чтобы он уже нашел, наконец, эту девушку. Тогда бы все это безумие прекратилось и мы бы могли подумать о том, что действительно важно. Например, о Ниле! — оживленно хлопает она в ладоши. — Ох, Софи, он потрясающий! Я теперь даже и не вспоминаю о Джеймсе.

— Ты имеешь в виду, ты хочешь остаться здесь? — с явным недоверием спрашиваю я. — Даже если Влад найдет девушку?

Она то ли не замечает моего тона, то ли предпочитает его игнорировать.

— Конечно. Здесь гораздо веселее, чем в старом пыльном деревенском доме! А что? Ты не хочешь, чтобы Джеймс остался?

Если только мне не заплатят за это миллион долларов. Это не то, что я хотела бы обсуждать, так что я пытаюсь сменить тему.

— Виолетта, насчет Нила...

— Да, я знаю, что он немного странный, — перебивает она, — но я твердо уверена, что я смогу заставить его прекратить носить в кармане этого грызуна.

— Я не об этом, — говорю я, осторожно выбирая слова. — В прошлом ты, возможно, была слишком тороплива со своими... поклонниками.

— Что ты имеешь в виду? — недоумевает она, начиная хмуриться. Она перестает болтать ногами и застывает в неподвижности. Зловещей неподвижности.

— Я имею в виду, ну... тебе очень нравится Нил, так? — спрашиваю я, вопреки здравому смыслу бросаясь в омут с головой.

— Безумно.

— Тогда, может быть, на этот раз тебе стоит вести себя как-то по-другому, — продолжаю я.

— И что ты этим хочешь сказать?

Оглядевшись вокруг, я приступаю к теме вампиризма. Убедившись, что горизонт чист и на кухне только мы одни — отчего я, кстати сказать, начинаю испытывать клаустрофобию, — я говорю:

— Я знаю, что в прошлом ты делала своих бойфрендов вампирами, и я подумала, может быть, тебе не стоит поступать так с Нилом.

Она изящно хмыкает:

— Не нужно произносить это слово так, как будто это ругательство.

— Что? Нил?

— Нет, — поправляет она. — Вампир! Очень многие хотели бы стать одним из нас. Например, Эрика, — добавляет она, назвав имя нашей местной девушки-гота. — И, кроме того, я не могу сделать их вампирами без их согласия.

— Правда?

— Ну, это общее правило. Но иногда я немного хитрю и задаю абстрактные вопросы. Например: «Если бы тебя вдруг смертельно ранили в живот, ты бы хотел остаться в живых?» И когда они отвечают «да», я могу с полным основанием полагать, что они хотели бы стать вампирами, потому что мы — единственные, кто может выжить после такого. Понимаешь?

От такой логики я лишуюсь дара речи. Она принимает мое молчание за знак согласия.

— Отлично. Значит, решено. А теперь я пойду искать Нила, — говорит она, спрыгивая со стола, но ее голос звучит угрожающе. Не успеваю я остановить ее, как она внезапно хватает меня за плечо, прижав к холодильнику. Я чувствую, что ситуация выходит из-под контроля.

— Что бы об этом написал «Севентин»? — взываю я к ней, отчаянно пытаюсь вернуть себе преимущество.

Она останавливается.

— Что ты имеешь в виду?

— Я однажды читала статью о том, что не стоит пытаться... м-м-м... менять своих мальчиков, — делаю я последнюю попытку. По сути, я просто тяну время, но Виолетта неожиданно воспринимает мои слова всерьез.

— Я, кажется, читала эту статью, — наконец отвечает она. — Там была история про девушку по имени Эмми. Ее мальчик был каким-то спортсменом, но она хотела, чтобы он полюбил джаз.

— И?

— И в конце концов это разрушило их отношения. Это было очень трагично.

— Вот видишь?

— Может быть, ты и права, — уклончиво отвечает Виолетта, но я-то вижу, что до поры до времени мне удалось спасти ситуацию.

— Обещай, что ты не сделаешь Нила вампиром, — прошу я.

— Но что, если...

— Если не пообещаешь, — говорю я, — мне придется предупредить его. И мне правда не хотелось бы начинать этот разговор. С меня и так достаточно.

Она с омраченным лицом кусает губы.

— Я люблю его, Софи.

— Тогда пообещай, — настаиваю я.

Наступает молчание. Боюсь, что я слишком сильно искушаю судьбу. Но Виолетта вдруг становится рядом со мной, поправляя свою тогу, сползающую с плеч.

— Отлично! — говорит она, снова развеселившись. — Что я должна подписать?

— Не нужно никаких контрактов. Только твое слово, — отвечаю я. Я бы предложила поклясться кровью, если бы не опасалась, что это будет понято как приглашение перекусить.

— Даю тебе слово, — серьезно повторяет она и подпрыгивает ко мне, чтобы меня обнять. — Ах, как я рада, что мы теперь друзья! — восклицает она и затем вдруг отклоняется назад, свирепо глядя мне в глаза. — Будь так любезна, не уводи у меня Нила.

— Тебе не о чем беспокоиться, обещаю.

— Это будет так весело! Ты не хочешь прийти завтра на чай? То есть я, конечно, не могу пить чай, но я заварю его для тебя!

— Да, как-нибудь... — начинаю я и замолкаю, потому что Виолетта вдруг хватает меня за плечо.

— Иди в кладовку, — торопливо шепчет она ни с того ни с сего.

— А? Что? Почему?

— Сюда идет Влад, — шипит она, — а он подозревает, что ты знаешь больше, чем тебе полагается знать. — Ее глаза округляются от удивления, когда она вдруг замечает мой наряд. — А еще ты неподходяще одета для этой вечеринки.

Она подталкивает меня к решетчатой двери, свободной рукой открывая ее. Оттуда доносится отвратительный запах.

— Но...

— Внутрь, — приказывает она. — Я приду вытащить тебя, когда увижу, что опасность миновала. Ты мне еще спасибо скажешь, — шепчет она и затем быстрым движением закрывает за мной дверь. Внутри кладовки так мерзко, как только может быть в маленькой, заброшенной и неубранной каморке. По стенам до самого потолка тянутся пустые полки, а через решетчатую дверь пробивается слабый свет, делая ее похожей на скелет. В углу одиноко стоит заплесневевшая швабра, похожая на мстительного призрака из японского триллера. Надеюсь, что пребывание здесь действительно спасет меня от неминуемой смерти; иначе в отместку я засуну Виолетту в духовку.

Я осторожно выглядываю сквозь решетку — как раз вовремя, чтобы увидеть, как на кухню входит Джеймс и трогает Виолетту за плечо. Она вскрикивает. Через пару секунд испуганное выражение ее лица сменяется на кокетливое. Она бросает взгляд на свою простыню в цветочек и осведомляется, как ему нравится ее наряд.

— Чудесный, — отвечает он. — Ты видела Софи?

— Да!

— Отлично. Где?

— А ты видел моего парня? — ни к селу ни к городу спрашивает Виолетта. — Я имею в виду моего нового парня, конечно же. Он, должно быть, около фуршетных столиков. Ест сырную нарезку.

— Я буду очень рад его увидеть, но позже. А сейчас я ищу Софи, — отчеканивает он, громко и раздельно произнося каждый слог. — Где она?

Прижав палец к губам, она показывает на кладовку.

— Почему она в кладовке? — удивляется Джеймс, и на его лице внезапно изображается ужас. — Виолетта, что ты сделала?!

— Ничего! Я пытаюсь ей помочь. Быстро! Влад идет.

Глаза Джеймса расширяются, и он бежит к кладовке. Прежде чем я успеваю знаками показать ему «Мальчикам вход воспрещен», он входит внутрь, закрывает за собой дверь и в следующую секунду уже стоит передо мной. Он заслоняет собой свет, поэтому я не могу рассмотреть выражение его лица, но я чувствую, что он смотрит на меня, хотя он и молчит. Я пытаюсь придумать какую-нибудь шутку, чтобы прервать напряженное молчание, но мне в голову приходят только различные вариации на тему «тук-тук» («Тук-тук». — «Кто там?» — «Кладовка, которая становится все теснее». — «Кто?» — «Выйди, пожалуйста»).

Молчание продолжается; я слышу только собственное дыхание и тропические музыкальные мотивы, проникающие сквозь стены. Сквозь дверь льются тонкие полоски света, которые делают Джеймса похожим на стильного тигра. В конце концов я не выдерживаю.

— Это необыкновенно тесная кладовка. Я напишу об этом в письме подружке, — говорю я, умолчав про то, что у него необыкновенно широкие плечи. Я думаю о том, что об этом я тоже напишу в письме, когда Джеймс внезапно выпаливает, что хочет извиниться.

— Правда? — с изумлением спрашиваю я.

— Да. Я считаю, что ты очень храбро себя ведешь. И я пытался перестать надеяться на то, что могу стать прежним. Я правда пытался. Потому что меня бесит, что это заставляет тебя считать меня каким-то преступником,

— Я так не считаю, — говорю я и правда так думаю. Я открываю рот, чтобы сказать ему об этом, но в этот момент хлопья пыли, поднявшиеся, когда он вошел, залетают мне в нос. Я закрываю рот рукой и чихаю, стараясь сделать это как можно тише. Но звук все равно получается такой, словно его издал бурундук, которому только что сделали операцию по

смене пола.

— Это не совсем та форма сочувствия, на которую я надеялся, — говорит Джеймс, — но и на том спасибо.

В темноте его голос звучит ниже, теплее и глубже. Его плечо находится на уровне моего уха. Не знаю, может быть, это игра света, но в данный момент оно кажется очень удобным. Отвлекающий Фактор, напоминаю я себе, но мой мозг это не волнует. Кажется, так просто было бы ненадолго положить голову ему на плечо, чтобы проверить, действительно ли оно такое удобное, каким кажется...

— Ты можешь сделать это, если хочешь, — говорит Джеймс.

Я буду счастлива, когда Джеймс наконец вырастет из подросткового вампирского возраста.

— Ты должен прекратить это.

— Я не могу с собой ничего поделать. Твои мысли очень громкие, — отвечает он, — Это еще одна причина, по которой я хотел бы перестать быть... таким. Читать мысли — очень весело, до тех пор, пока не обнаруживаешь, что твоему учителю по химии прошлой ночью снилось, что он трансвестит.

— Мистеру Джорджу? — спрашиваю я, представляя себе картину одновременно смешную и пугающую.

— Мистеру Джорджу, — подтверждает Джеймс. — Твои мысли, которые я слышу, по крайней мере, забавные.

Наверное, мне не должно это льстить? Потому что мне это льстит. По крайней мере до тех пор, пока мне в голову не приходит очень важный вопрос.

— Забавные ха-ха или забавные хе-хе? — спрашиваю я.

— Не вижу никакой разницы.

Я бросаю на него уничтожающий взгляд, который, к сожалению, теряется в темноте.

— Забавные ха-ха — значит остроумные. Забавные хе-хе подразумевают насмешливое хихиканье. Это же очевидно.

— Понял, — отвечает он и замолкает, заставляя меня с нетерпением ждать ответа. — Забавные ха-ха.

Ладно, я польщена. Это вдохновляет меня на то, чтобы высказать идею, которая мелькала в моей голове в течение нескольких последних недель.

— А что, если, когда я найду ее, мы с ней поговорим? Объясним ей все. Тогда, если она захочет тебе помочь, если она решит тебе помочь... — я замолкаю, но смысл уже ясен. — Мы могли бы сотрудничать.

— Сотрудничать, — произносит Джеймс, подходя ко мне ближе. Вот только то, как он это говорит, заставляет это слово звучать так волнующе...

— Сотрудничать, — повторяю я. Мое сердце колотится так громко, что я опасаясь за сохранность остальных своих органов. Чтобы скрыть это, я начинаю болтать какой-то вздор:

— Это не так уж сильно отличалось бы от того, чтобы просто попросить кого-то сдать кровь. Ну, то есть я не совсем уверена насчет деталей. Например, ты обязательно должен выпить кровь у нее из шеи? — спрашиваю я. — Или, возможно, нам не нужно ей ничего рассказывать. Мы можем сказать, что это для больных детей, а потом, ну, не знаю, налить ее в термос. Не знаю, как это выглядит с этической точки зрения, но об этом можно подумать. — Я замолкаю, осознав, что он застыл в неподвижности — скорее всего от отвращения. — С термосом я, наверное,хватила через край, да? — По-прежнему молчание. — Джеймс?

Я едва успеваю заметить, как он наклоняется ко мне из темноты. В следующую секунду он меня целует. И хотя это Отвлекающий Фактор, сейчас мне на это наплевать. Я хочу этого. Его губы твердые, но прохладные. Я хватаюсь за боковую полку, чтобы не потерять равновесие. Сперва я слишком потрясена, чтобы нормально отреагировать — например, закрыть глаза, — и я рада, что его глаза закрыты, так что он не может видеть, что я уставилась на него, как пучеглазая амфибия. Я опускаю веки и сосредотачиваюсь на том, чтобы ответить на его поцелуй, вознося к небесам горячие молитвы о том, чтобы мои

неоднократные просмотры финальной сцены «Бриолина»⁶ в пятом классе принесли, наконец, свои плоды. Потому что его мастерство, несомненно, улучшилось со времен гамака.

Губами я чувствую, как он улыбается, и понимаю, что он, должно быть, это услышал, но на этот раз мне все равно. Его рука скользит к моей талии, и я наклоняюсь вперед, обвив руки вокруг его шеи. Он притягивает меня к своей груди и проводит ладонью по спине. Я становлюсь на цыпочки, чтобы быть еще ближе, когда он внезапно отстраняется. Несмотря на темноту, я понимаю, что он озадачен.

— Ты надела на себя аккумуляторную батарею? — спрашивает он.

Его пальцы наткнулись на твердый угол блокнота Влада. Доказательства моего шпионажа быстро положат конец нашим примирительным поцелуям. А я только вошла во вкус.

— О, ну, это забавная история... — начинаю я, чувствуя, как его пальцы скользят выше. Когда они прикасаются к открытой коже на моей спине, я подпрыгиваю: — У тебя холодные руки!

Не стоило этого говорить. Джеймс отстраняется.

— Не в плохом смысле холодные, — торопливо поправляюсь я. — Прохладные — как сыр! Как сыр, когда его досташь из холодильника.

Он издает какой-то неопределенный сдавленный смешок.

— А сыр, он... э-э-э... богат протеинами.

«Заткнись, Софи. Заткнись».

Джеймс никак не реагирует на мои диетические соображения. Вместо этого он выглядывает на кухню.

— Мне пора, — говорит он, и я понимаю, что все испортила. — Влада нигде не видно. Тебе тоже нужно идти.

Внезапно я чувствую укол совести за то, что целуюсь, спрятавшись в кладовке, в то время как Влад преследует девушек, которых я вроде как должна защищать.

— Я еще не закончила свои дела на вечеринке, — говорю я и затем слышу знакомый голос, доносящийся с кухни.

— Что это такое, Марисабель? — раздраженно спрашивает Влад. — Еще остались девушки, у которых надо проверить кожу. И ты не видела мой дневник? Я был уверен, что он наверху.

Джеймс смотрит на меня. Его глаза сужаются.

— Софи...

— Все в порядке, — шикаю я на него, бросаясь к двери и выглядывая наружу. Влад прислонился к плите, а Марисабель стоит лицом к нему. Виолетта куда-то исчезла, и, судя по мрачному виду Влада, она поступила очень мудро. Он нетерпеливо сжимает правую руку в кулак. Когда Марисабель не отвечает, он с силой ударяет по горелке.

— Что это такое? — снова рывкает он.

— Подожди минутку, хорошо? — говорит Марисабель, закрывает глаза и начинает массировать виски. — Мне это трудно.

— Думать? Я знаю.

Марисабель открывает глаза:

— Это.

— Что «это»?

— Это высокомерие, этот тон, вот что. Ты не выказываешь мне того уважения, которого я заслуживаю, — с жаром говорит она, и если бы для сохранения жизни мне не нужно было вести себя тихо, я бы зааплодировала.

Однако Влад не аплодирует, он закатывает глаза:

⁶ «Бриолин» — романтический американский кинофильм о жизни молодежи в Америке 1950-х годов с Джоном Траволтой и Оливией Ньютон-Джон в главных ролях.

— Ей-богу, Марисабель. Неужели мы должны обсуждать это прямо сейчас?

— Не делай вид, что мы это уже обсуждали. Шестьдесят лет я держала рот на замке. Я делала для тебя все. Я своей рукой написала сотню приглашений на эту дурацкую вечеринку только для того, чтобы ты смог найти свою драгоценную девушку, а в ответ не услышала ни слова благодарности.

Он фыркает, словно не веря своим ушам, но это только заставляет ее говорить еще громче.

— Я охочусь для тебя, когда тебе лень, — продолжает она, — и убираю за тобой, когда тебе противно сделать это самому. Но с этим покончено. Между нами все кончено, Влад.

Ее последние слова звенят в воздухе. Я точно знаю, что теперь Марисабель с замиранием сердца ждет ответа. Думаю, единственная радость плохих отношений — это увидеть, что ты можешь заставить его плакать. Но если это то, чего она хочет, то она этого не получает. Влад выглядит шокированным — после того как он шестьдесят лет отделялся ехидными замечаниями, эта речь, несомненно, является для него неожиданностью. Как бы то ни было, он не становится на колени и не начинает умолять о прощении.

— Думаю, это к лучшему, — спокойно говорит он. Если у него на лице что-то и отражается, то только облегчение.

Уверенность Марисабель тает.

— Не понимаю, — говорит она голосом, дрожащим от волнения. — Тебе все равно?

— В любом случае все это должно было скоро закончиться.

— Что ты имеешь в виду?

— Я думаю, что так будет лучше, — неопределенно отвечает он. — Полностью порвать отношения.

Марисабель отворачивается и пристально смотрит куда-то в дальний угол комнаты, кусая губы и стараясь не расплакаться. Влад же выглядит так, как будто сейчас начнет насвистывать.

— Что-то здесь не так, — шепчет Джеймс, и я подпрыгиваю, вспомнив, как близко он от меня.

— Почему?

— Я никогда не видел, чтобы Влад так просто от чего-то отказывался, — отвечает он.

— Но почему тогда он тащил ее за собой всю дорогу? Я хочу сказать, если ему все равно...

— Я не знаю.

Я открываю рот, чтобы задать еще один вопрос, но вместо этого вдыхаю полные легкие пыли и закашливаюсь. Джеймс встревожено зажимает мне рот, но уже слишком поздно. Влад поворачивает Голову к кладовке, и не успеваю я моргнуть, как дверь распахивается настежь.

Его пальцы мертвой хваткой сжимают мою руку, и он тащит меня в кухню, освещенную тусклым светом. Я все еще плохо осознаю происходящее и продолжаю кашлять.

— Ты! — рявкает Влад. Теперь он злится гораздо сильнее, чем во время выяснения отношений с Марисабель. — Вечно ты! Задаешь вопросы, вмешиваешься... А ведь я мог еще тогда со всем этим покончить, — холодно произносит он и тянет меня вверх до тех пор, пока мне не приходится встать на цыпочки, чтобы удержаться на ногах. — Кто ее пригласил? — рычит он и переводит взгляд на Марисабель, которая нерешительно топчется рядом. — Это ты ее пригласила?

— Может, и я, — с напускной храбростью говорит она, обвивая руками ручку холодильника. — Ну и что? Я больше не обязана тебе подчиняться.

— С тобой я позже разберусь, — бросает Влад, даже не стараясь скрыть угрозу в своем тоне. Вокруг нас уже собирается толпа. В передних рядах стоит Виолетта с круглыми, как блюдца, глазами, а неодобрительно качающий головой Невилл возвышается над моими притихшими одноклассниками. На секунду Владу становится неловко. Я вижу, как он

заставляет себя вернуться к роли радушного хозяина. Он ослабляет свою хватку и натянуто улыбается.

— Это личное дело, — говорит он, и большинство зрителей действительно поворачиваются и уходят в гостиную. Влад с явным облегчением весело напоминает им попробовать сырную нарезку. Но когда позади нас раздается голос Джеймса, большая часть зрителей, влекомая любопытством, возвращается обратно.

— Я не понимаю, в чем дело, Влад. Похоже, что-то не так. Почему бы тебе просто не отпустить ее? А потом мы сможем об этом поговорить, — предлагает он, кивая на нашу аудиторию, и затем шагает вперед с протянутой рукой, как будто собирается мягко отстранить от меня разгневанного вампира.

И тут Влад взрывается. Он убирает одну руку с моей шеи и указывает ею на Джеймса.

— А ты не вмешивайся! — шипит он, пока я барахтаюсь, пытаюсь хотя бы одной ногой твердо встать на пол. — Ты ничем не лучше ее! Вечно прячешься, вечно хитришь — как будто ты забыл, для чего ты здесь! — Когда Джеймс ничего не отвечает, он поворачивается ко мне. — Говори, что ты делала в кладовке.

— Я... я разговаривала с Джеймсом, — слабым голосом отвечаю я. Чисто технически это правда.

— Неправильный ответ, — холодно произносит Влад. — Попробуй еще раз.

Я не могу придумать никакого достойного объяснения.

— Я разговаривала с Джеймсом, — неуверенно повторяю я.

— Ложь! — рывкает он и отпускает меня так быстро, что я падаю на колени и остаюсь лежать на полу. Я ожидаю пинка в живот или резкого удара по спине. Но я оказываюсь совершенно не готовой к тому, что Влад хватается за мою футболку и начинает стаскивать ее с меня, крича:

— И в приглашении было четко сказано, что обязательная форма одежды — бикини!

Футболка цепляется за мою шею и уши, и на секунду моя голова оказывается окутана тканью. Я выпутываюсь из футболки и снова падаю на пол. Повисшая в комнате тишина напоминает затишье перед бурей. Мне бы надо посмотреть на лицо Влада и подготовиться к предстоящему насилию, но я чувствую, что мужество меня покинуло. Я жду его удара. «Если я напрягу все мышцы, то мое тело станет твердым, как камень!» — приходит мне в голову дикая мысль. Но, по правде говоря, если мне удастся выбраться из этой переделки без переломов, то это уже будет большая удача. Но, все-таки, не может же он убить меня на глазах всей этой толпы! Он может избить меня за подглядывание, но он не знает, многое ли мне удалось выяснить. Правильно? Правильно. Незачем паниковать.

И тут я вдруг осознаю, что теплый плоский предмет, который давит на мою спину, — это дневник Влада, засунутый за пояс джинсов.

— Влад, — предупреждающе говорит Джеймс звенящим от напряжения голосом, но тот его прерывает:

— Итак, — слышу я доносящийся сверху голос Влада, — воровка и шпионка. Прочитала что-нибудь интересное?

Я чувствую холод его пальцев, когда он вытаскивает дневник из моих джинсов, не заботясь о том, что ногтями он обдирает мне спину. Но болевой шок — как раз то, что мне нужно, чтобы встряхнуться, подняться на ноги и направиться в сторону двери.

— Дайте пройти! — кричу я, упершись в стену из туловищ и локтей, которая загораживает главный коридор. Передние ряды, к их чести, пытаются расступиться. Но толпа слишком плотная, им просто некуда отойти. Пытаясь найти лазейку, я вижу, как Джеймс, раскинув руки, преграждает Владу путь. Но Влад и не пытается выйти. На его лице появляется выражение, которое я никогда прежде у него не видела. Оно не злое, не измученное и не циничное. Вместо всего этого Влад изумленно моргает.

— Повернись, — вдруг приказывает он.

— Что? — в замешательстве переспрашиваю я. Если Влад думает, что я покажу фокус, перед тем как он меня убьет, то он ошибается.

— Повернись! — орет Влад. — Покажи мне спину.

— Нет! — кричу я по привычке и тут же об этом жалею. Наверное, не следует перечить раздраженным вампирам, Я ищу взгляд Джеймса, надеясь хоть на слабую поддержку, но он выглядит ничуть не менее растерянным, чем я. Я перевожу вопросительный взгляд на Виолетту, стоящую впереди толпы.

— Ну, у тебя на спине довольно много веснушек, — говорит Виолетта таким тоном, словно сообщает ужасную новость, — но, мне кажется, Влад преувеличивает. Это смотрится не так уж ужасно.

Влад поворачивается к гостям, все еще толпящимся в дверях.

— Я искренне благодарю вас за участие в вечеринке. А теперь выметайтесь и не стесняйтесь захватить по пути морковку. — Видя, что никто не двигается с места, он сам гонит их к двери. — Я серьезно, если ты не начнешь пошевеливаться, я ударю тебя ногой, — говорит он какому-то несчастному школьнику. — Спасибо.

Он думает, что это я. Он думает, что это я, потому что у меня на спине веснушки. Все это время я считала, что план Влада хоть как-то соотносится с реальностью — в основном потому, что он так педантично ему следовал. Но теперь я вижу, что он безумнее самых безумных безумцев. Осознав это, я пробуждаюсь от смутного состояния шока и растерянности, державшего меня в оцепенении. Я бросаюсь в боковой коридор, но не успеваю сделать и пары шагов, как из темноты передо мной вырастают две огромные фигуры.

— А, Девон, вот ты где. Скажи Эшли, чтобы он проверил, все ли гости покинули помещение, и потом встал на стражу у входной двери, — приказывает ему Влад и затем поворачивается ко мне с широкой улыбкой, открывающей все клыки, — А теперь покажи-ка мне спину.

— Это веснушки, — говорю я, поворачиваясь к нему спиной. — Не родимое пятно. А веснушки.

Тыкая пальцем в мою спину, он начинает считать.

— Раз, два, три, — произносит он, с каждым словом все больше волнуясь. — Четыре, пять, шесть, семь, восемь. Надо признать, это не то, чего я ожидал, но это звезда. Говорят, что она каждый раз появляется в разных формах.

Джеймс, встав между нами, тоже принимается тыкать меня пальцем по спине.

— Девять, десять, одиннадцать, двенадцать. Можно представить себе все, что угодно. Я, например, вижу Большую Медведицу.

— Это правда, — торжественно подтверждает Виолетта. — Я вижу сердце. И ананас.

Влад награждает ее мрачным взглядом и затем хватает мою руку. Джеймс отталкивает его.

— Не трогай ее, — приказывает он, снова вставая между нами и уже не заботясь о дипломатии.

— Это становится утомительным, — раздраженно говорит Влад. — Ты что, думаешь, что сможешь сохранить ее для себя? Не могу сказать, что ты сильно мне помог. Но давай заключим сделку — отойди прочь, а я... — Он прерывается, глядя поверх плеча Джеймса туда, где я изо всех сил стараюсь слиться со столом. — Почему она не выглядит растерянной? — спрашивает он с леденящей кровью злостью. — Ты говорил мне, что она все забыла.

— Наверное, я соврал, — отвечает Джеймс, и, несмотря на лаконичный ответ, я чувствую, что все его мышцы напряглись в ожидании следующего действия Влада. Все остальные вампиры выглядят встревожено, и только у Невилла такой вид, словно его вот-вот стошнит. Но даже его выражение лица сменяется на потрясенное, когда Влад начинает хохотать.

— Думаю, это только справедливо, — говорит он, когда его хохот затихает до отрывистого смеха.

— При чем тут справедливость? — рывкает Джеймс.

— Я тебе врал, — отвечает Влад. — Вся эта чушь про то, что ее кровь поможет тебе снова стать человеком. Я выдумал это, чтобы ты поехал со мной и помог ее найти.

— Нет. Я тебе не верю, — говорит Джеймс, но его тон говорит об обратном.

Влад снова издает смешок.

— Спроси Невилла, если не веришь мне. Никто не знает о девушке больше, чем данай.

Лицо Невилла становится еще бледнее, хотя казалось, что это уже невозможно.

— Я никогда не слышал об этом конкретном мифе, да, — говорит он. — Но я хочу сказать кое- что...

— Видишь? — говорит Влад Джеймсу. — Нет никаких причин ее охранять. Отойди в сторону.

Но Джеймс только подходит ближе ко мне — достаточно близко для того, чтобы я смогла дотянуться до него и обнять за спину. «Мне так жаль», — думаю я, надеясь, что на этот раз он меня услышит. Я не могу увидеть его лицо. Как бы я хотела увидеть его лицо.

Влад вскидывает брови:

— Ты делаешь опасный выбор, — предупреждает он. — Даже если ты выживешь, что очень сомнительно, тебе придется... Виолетта, уйди с дороги, ты же видишь — я пытаюсь его запугать.

Виолетта становится возле локтя Джеймса, высвободив руку из своего просторного одеяния.

— Я не считаю, что это Софи. А если даже это и она, то я передумала тебе помогать.

— И я, — с вызовом говорит Марисабель, отходя от холодильника и становясь по другую руку Джеймса. — Думаю, будет лучше, если ты уйдешь.

Влад кривит губы, не веря своим ушам, а потом издает отрывистый смешок.

— Невилл, помоги мне.

Но Невилл, не двигаясь с места, начинает сбивчиво говорить:

— Думаю, у тебя большой стресс. Я понимаю, я сам был просто убит тем количеством сочинений по немецкому, которые нам задал на дом этот тиран. Может быть, тебе стоит немного отдохнуть, а потом, если ты все еще будешь думать, что она существует, мы...

— Что она существует? — ревет Влад. — Что она существует?! Ты — данай! Она — причина, по которой ты существуешь! Вся ваша организация возникла только для того, чтобы защищать ее!

— Насчет этого... м-м-м... видишь ли, я правда не думал, что до этого дойдет, но я считаю... — Он расправляет плечи, набираясь мужества. — Я хочу кое в чем признаться. Я не данай.

— Не данай? — переспрашивает Влад. — Но ты знаешь о них все. Я десятки лет проводил исследования, но твои знания все равно превосходят мои. — Он пересекает комнату и, схватив руку Невилла, задирает его рукав. — И у тебя есть метка!

— Скажу по-другому, — говорит Невилл, высвобождая руку. — Я был членом «Данай», но меня исключили по причинам, в которые я не хотел бы сейчас вдаваться.

— Я так и знала! — восклицает Марисабель. — Я говорила тебе, что он скользкий тип, я говорила тебе!

— Я действительно скользкий тип, — печально подтверждает Невилл. — Но поймите, исключение из «Данай» — это смертный приговор. Я едва избежал казни. И я подумал, что лучший способ спрятаться — это жить с семьей Безымянных.

Он не успевает договорить: Влад хватается за горло и швыряет к шкафу.

— Ты отведишь меня к ним, — приказывает он с убийственной мягкостью в голосе, — и скажешь им, что я ее нашел, как мы и планировали. Мне плевать, если они убьют тебя.

— Даже если я отведу тебя к ним, — отрывисто отвечает Невилл, — они не обратят на тебя внимания.

— Что?

— Они не верят, что дитя существует, — говорит он. — Мне жаль. Я не должен был поощрять тебя в твоей погоне за призраками, но я подумал, что в средней школе я буду в

большей безопасности. Никто не ожидает найти вампиров в средней школе, — поясняет он, пытаясь улыбнуться виноватой улыбкой.

Влад швыряет его к шкафу с такой силой, что тот дает трещину. Дрожащим пальцем он показывает на меня.

— Она существует, — с яростью шипит он.

Невилл отрицательно качает головой.

— В девятнадцатом веке проводили обширные исследования; род Мерво прервался. Время от времени кто-то действительно начинает утверждать обратное, но мы — то есть они — высмеиваем их как чудаков. И они хотят, чтобы всем это служило напоминанием.

— Чудаков? — эхом повторяет Влад.

— Да. Как того человека, который написал книгу. Как там она называлась? «Пропавшая дочь»? Или как тех людей, которые верят в великанов. — Он нервно хихикает. — Я хочу сказать, тебе придется признать, что все это звучит немного неправдоподобно: все эти давно пропавшие человеческие дети, которые бегут где-то с родимыми пятнами в виде звезды. И кроме того, — продолжает Невилл, — данаи никогда не примут Безымянного. Они выбирают своих членов только из девяти исконных семей.

Повисает гробовая тишина. Затем Влад срывает со стены микроволновку и швыряет ее в Невилла. Тот едва успевает нагнуться, а Влад начинает изрыгать смертельные угрозы о том, как он голыми руками открутит голову Невилла. Джеймс подталкивает меня к боковому выходу из кухни.

— Он отвлекся, — говорит Джеймс, хватая меня за руку и начиная тянуть по темному коридору. Когда мы доходим до конца коридора, он выглядывает за угол. — У главного входа все еще стоят Девон и Эшли, но есть черный выход. Нужно пройти через эту комнату. И постарайся не наткнуться на них, когда будешь идти к машине.

Его лицо повернуто в сторону, и я вижу только, как двигается его челюсть.

— Но...

— Софи, тебе слишком опасно здесь находиться.

— Я не могу просто уехать!

— Нет, ты можешь.

— Но что, если...

Раздается громкий треск: Влад срывает с петель дверь кладовки. Грохнув ее об пол и схватив один из обломков, он гонится за Невиллом в гостиную. За ними бегут Виолетта и Марисабель, крича, чтобы он оставил Невилла в покое. Я, конечно, целых три года занималась карате, но бои вампиров, пожалуй, вне моей компетенции.

— Да, это точно, — говорит Джеймс, глядя на меня с еще большей настойчивостью. — Я прошу тебя уйти. Пожалуйста. Ведь мы с тобой теперь сообщники, верно? Я не могу драться с Владом, когда волнуюсь о тебе.

С упавшим сердцем я понимаю, что другого выбора нет. Я согласно киваю и вижу, что Джеймс испытывает огромное облегчение. Прежде чем я успеваю пожалеть об этом, я обнимаю руками его голову и целую в губы.

— Это адреналин, — торопливо бросаю я и затем ухожу, оставляя его драться в одиночку.

Глава четырнадцатая

Адреналин, который гнал меня вниз по холму до самой машины, покидает меня, как только я добираюсь до дома. План Влада разрушен в пух и прах — я должна быть в восторге. Но вместо этого я сижу, опустив голову на руль, и думаю, как избавиться от беспокойства, тисками сжимающего мне горло. Я должна была остаться, несмотря на то что сказал Джеймс. Я могла бы по меньшей мере наблюдать со стороны и бросать во Влада кусками

сыра или вовремя предупреждать участников криком «Берегись! ».

«Жук» Кэролайн останавливается сзади меня, и она со всего маху захлопывает дверь, невзирая на поздний час. Она напевает себе под нос, роясь в сумке и разбрасывая вокруг обертки от жвачки — а папа обвиняет в бесконечном разбрасывании мусора разносчика газет. Она подходит к зеркалу заднего вида моей машины и, внезапно замолкнув, останавливается.

— О боже мой, — говорит она, наклоняясь вперед и смотря на меня через стекло. — Марта написала мне эсэмэску, что у Влада случилось что-то вроде нервного срыва и он выгнал всех с вечеринки. Ты должна рассказать мне, что произошло.

— Я правда не хочу говорить об этом, — отвечаю я, заставляя себя вылезти из машины. Более уместно было бы спросить, чего не произошло. Кэролайн нетерпеливо стучит каблучками, идя со мной к крыльцу.

— Но она сказала, что вы с ним подрались и... — Она запинается, увидев выражение моего лица. — Что случилось? Если Влад снова повел себя как придурок, в понедельник я опрыскаю его газом из баллончика. Или это был Джеймс? Я его не так хорошо знаю, но все равно, его я тоже опрыскаю.

— Не нужно никакого опрыскивания.

Она гладит меня по руке.

— Я серьезно, Софи. Я за тебя волнуюсь. Я еще никогда не видела тебя такой грустной. Ты обычно довольно... пылкая.

— Ого, спасибо, — отвечаю я. Мы заходим в темную прихожую, и я с удивлением понимаю, что в этот момент я бы отдала все за то, чтобы сесть рядом с Кэролайн на диване и признаться ей во всем, стиснув одну из ее мягких игрушек. Но я не могу этого сделать, поэтому просто прошу ее не волноваться и говорю, что хочу пойти в постель и заснуть навечно.

— Ну, ладно, — говорит она, поднимаясь на первую ступеньку. — Каждый, кто захочет тебя завтра разбудить, должен будет столкнуться со мной. Я имею в виду, после того как я встану, а это, видимо, будет не раньше одиннадцати. Но после одиннадцати — я никому не позволю постучаться в твою дверь!

— Весьма признательна, — благодарю я, улыбаясь ей вслед, когда она исчезает в темноте лестницы. Сна у меня ни в одном глазу. Я иду в гостиную, вытаскиваю одеяло из сундука, который служит журнальным столиком, и направляюсь к удобному стулу у окна. На этом стуле почему-то никто не любит сидеть, но отсюда открывается отличный вид на двор Джеймса. Но прежде чем сесть, я бросаю взгляд на свое отражение в зеркале, висящем над стеллажом с телевизором.

Мои темные волосы выпали из пучка, который я завязала в начале вечера. Я замечаю, что выгляжу более бледной, чем обычно. От напряжения я не могу разжать челюсти, и это разубеждает меня в том, что у меня, как я всегда считала, острый подбородок. За всеми драматическими событиями сегодняшнего вечера я как-то забыла, что из одежды на мне только джинсы и красный лифчик от купальника. В приступе любопытства я перегибаюсь назад, чтобы изучить веснушки на спине, которых всегда было слишком много, чтобы их сосчитать. Действительно, некоторые из них темнее других, но я определенно не вижу никакой звезды. Честно говоря, ананас я тоже не вижу.

Чувствуя, как глупо это проверять, я как можно уютнее сворачиваюсь калачиком на стуле и начинаю смотреть на подъездную дорожку к дому Джеймса. Я не замечаю момента, когда мои глаза предательски закрываются и я засыпаю. Просыпаюсь я от утреннего света, льющегося в окно, и клейкого листочка, приклеенного к моей голове.

Обещала никому не давать тебя разбудить, но не знала, что ты будешь спать НА СТУЛЕ, так и не сняв МОЙ КУПАЛЬНИК. Точно, что-то случилось. Короче, папа пошел на работу, а мы с мамой поехали в торговый центр, чтобы сдать то розовое платье, которое я купила, когда встречалась с Владом. Вот. Кэролайн

Упоминание о Владе возвращает меня к событиям вчерашнего вечера. Я бросаю взгляд на темные окна Джеймса, но, учитывая его политику экономии электроэнергии, это еще ни о чем не говорит. Отбросив одеяло, я на сведенных судорогой и еще наполовину спящих ногах ковыляю к входной двери, убеждая себя в том, что конечно же он будет там. Потому что я не хочу думать о том, что может означать его отсутствие.

Звонок в дверь раздается в тот момент, когда мои пальцы всего в нескольких дюймах от ручки.

— Ты вовремя. Я уже начала...

Слова замирают у меня на языке. На крыльце стоит Влад, брезгливо держа на указательном пальце черную футболку, в которой я была вчера вечером.

— Я пришел вернуть твою кофточку, — говорит он вежливо, но, когда я пытаюсь захлопнуть дверь, он подставляет под нее свой черный ботинок. С непринужденной легкостью он хватается за ручку двери и толкает ее, так что мне приходится отступить назад. Зайдя внутрь, он с любопытством осматривает прихожую. Я должна бежать, через кухню и наружу, но потом... куда?

— Можешь оставить себе, — осипшим голосом говорю я, хватаясь за стену в напрасной надежде почувствовать себя в безопасности. — Уходи из моего дома.

Он игнорирует мои слова, склонив голову набок и изучая мою футболку с выражением, которое иначе как бесстрашным не назовешь.

— Возможно, отныне мне стоит называть тебя Золушкой, — шутит он. — Хотя в следующий раз я, пожалуй, предпочел бы хрустальную туфельку вместо этой... э-э-э... поношенной кофточки.

Я вдруг осознаю, что если Влад жив и отпускает едкие шуточки в моем доме, то это значит...

— Где остальные вампиры?

Влад ничего не отвечает, продолжая изображать злобную вешалку для моей футболки. Мне приходит в голову, что я ничего от него не добьюсь, если не подыграю ему. Совершив молниеносный бросок, я вырываю футболку у него из рук и натягиваю на себя. Но тонкий хлопковый барьер совершенно не помогает мне чувствовать себя более защищенной.

Влад достает свой маленький черный блокнот.

— Надеюсь, ты примешь его как жест моей доброй воли, дорогая.

— Мне не нужен дневник с твоими излияниями, спасибо.

— Тогда почему ты рылась в моих вещах? Ты преследовала меня с самого начала, вмешиваясь и задавая вопросы о моей биографии и транспортных предпочтениях.

— Тогда мне казалось, что ты представляешь из себя нечто большее, чем просто зануду, который слишком долго просидел за книгами в дальнем углу библиотеки.

Гнев, жуткий и уродливый, искажает его лицо, и я понимаю, чтохватила через край. Ничто не мешает ему убить меня прямо сейчас и получить мою кровь в качестве утешительного приза, перед тем как уехать из города. Я кидаюсь в гостиную, направляясь к черному входу, но не успеваю я добежать до дивана, как он преграждает мне путь. Подняв глаза, я вижу, что он смотрит на меня с кривой ухмылкой.

— Замечательная идея, Софочка, — цедит он сквозь зубы. — Садись, и я объясню тебе причины моего визита, — говорит он и широким жестом указывает на диван.

— Как ты нашел меня? — спрашиваю я, осторожно присаживаясь на краешек дивана.

Он бросает на меня испепеляющий взгляд.

— Я целую неделю терпел твою сестру. И к тому же Виолетта вечно болтала о том, как она собирается навестить свою лучшую подружку Софи. Ей стоило быть повнимательнее. — Он достает из кармана рваный клочок бумаги и щелчком посылает его на журнальный столик. — Я нашел это среди ее вещей.

Я разворачиваю бумажку и вижу свой адрес, который я написала ей на первом уроке английского. Что должно было случиться, чтобы у Влада появилась возможность копаться в

вещах Виолетты? Я ни за что не должна была уходить.

— Где другие вампиры? — снова спрашиваю я, но Влад уже отошел к дальней стене, которую Марси превратила в алтарь с семейными фотографиями. Они расположены в хронологическом порядке, начиная с пухлых карапузов в зимних комбинезончиках. и заканчивая фотографией, на которой мы с Кэролайн пытаемся сохранить насмешливое выражение лица, стоя рядом с Мини Маус (безуспешно, потому что мы обе были в нее влюблены).

— Где твоя мать? — пренебрежительно спрашивает он, изучая наши ранние фотографии.

— В торговом центре.

Он издает неестественный смешок.

— Твоя настоящая мать. Потому что на этой фотографии, где у тебя все лицо измазано тортом, твой день рождения, — говорит он, указывая на фото в красной рамке, — а на этой — день рождения Кэролайн. Но вы не появляетесь на фотографиях вместе до... до сих пор. — Он указывает на фото, где мы все стоим перед домом; мне было пять, а Кэролайн шесть, и мы только что сюда переехали.

— Это тебя не касается, — отвечаю я.

По правде говоря, мама ушла, когда мне было два, и, несмотря на все мои уловки, отец отказывался говорить об этом. Став старше, я поняла, что та, которой наскучило сидеть со своим двухлетним ребенком, не заслуживает моего внимания. Детские психологи сказали бы, что я вру, но я правда почти не думаю о ней. Ну, разве что иногда, когда проклинаю свои гены, из-за которых я становлюсь красной как рак после часа, проведенного на солнце, в то время как все остальные приобретают привлекательный ореховый загар. И сейчас я могу подбросить немного топлива для теории этого безумца.

— Ты по-прежнему думаешь, что это я, — говорю я. — После всего, что тебе рассказал Невилл, ты по-прежнему думаешь, что это я, потому что у меня есть приемная мама и на моей спине можно играть в «точки».

Он поворачивается ко мне.

— У меня есть другие причины.

— Психическое заболевание?

Он раздувает ноздри.

— Предательство Невилла было для меня ударом, конечно. Но, возможно, они выгнали его просто потому, что ему нельзя было доверять. И тогда это никак не мешает осуществлению моего плана, — говорит он и затем делает паузу, словно ожидая услышать аплодисменты. Но я не собираюсь ему подыгрывать.

— Где мои друзья? — снова спрашиваю я.

— Их нет! — взрывается Влад. — Они уехали! Я сказал им, что если хоть когда-нибудь увижу их снова, то сожгу заживо своими руками.

Я не двигаюсь. Если бы он действительно убил их, то сейчас не преминул бы этим похвастаться. Но Джеймс не уехал бы, не попрощавшись; он не мог так поступить. Я продолжаю молчать, и Влад с силой швыряет в меня своим дневником, так что он отскакивает и ударяется о диванную подушку. Немного погодя он откашливается и делает вид, что именно это и собирался сделать.

— Пожалуйста, Софочка, открой страницу с закладкой и прочти вслух подчеркнутый раздел.

Я дрожащими пальцами поднимаю дневник и начинаю читать раздел, который не успела посмотреть вчера:

— И дитя Мерво было смертно и неуязвимо для вампиров. Были те, кто думал, что это...

— Можешь остановиться, — говорит он и, наклонившись, вырывает дневник у меня из рук. — Видишь?

— Вижу что?

— Я не могу на тебя повлиять, — говорит он. — Я всегда думал, что «неуязвимость» значит только то, что ребенок был смертным от рождения, но теперь я вижу, что это доказательство. Я чувствую, как мелькают твои мысли, но не могу их поймать.

Я чувствую облегчение оттого, что это и есть его великое откровение. Честно говоря, ему пора бы уже перестать удивляться тому, что он не всемогущ.

— Прости, что разрушаю твою иллюзию, но Джеймс научил меня защищать от тебя мои мысли.

На секунду торжествующее выражение исчезает с его лица, но затем он упрямо качает головой.

— Нет. В ту первую ночь, в лесу, я попытался воздействовать на тебя, и у меня ничего не вышло. Ты все равно ерзала, когда я тебя кусал.

На кончике языка у меня вертятся слова о том, что Джеймс более чем успешно может читать мои мысли, но я решаю промолчать — отчасти потому, что мысли о Джеймсе мешают мне сосредоточиться, а отчасти потому, что я совершаю ошибку, посмотрев в глаза Влада. Они серые, как сталь, и в них светится одно-единственное желание. Он преследовал эту цель почти пятьдесят лет. Что бы я сейчас ни сделала, он не отпустит меня, не проверив свою теорию. Даже если мне удастся убедить его, что я — не та, которая ему нужна, он снова начнет свои поиски, и мне опять придется прятаться в раздевалках, чтобы вычислить его следующую цель. Или умереть.

— Допустим, это я, — решаю я соврать, — но, как говорил Невилл, ты должен принадлежать к одной из девяти исконных семей.

— Невилл меня недооценивает, если думает, что я об этом не осведомлен, — рывкает Влад и затем внезапно встает и идет к книжному шкафу. — Ты знаешь, сколько мне лет? — спрашивает он, вытащив один из отцовских томов по истории и лениво его перелистывая. — Сто восемь. Я вырос в...

— Румынии, — говорю я.

— Почему все вечно так думают? — восклицает он с искренним возмущением, засовывая книгу обратно на полку. — Я русский. Я говорил тебе чудесные русские нежные словечки. — Он закрывает глаза и прикасается к переносице. Если я правильно понимаю, у вампиров это эквивалентно глубокому успокаивающему вдоху. Открыв глаза, он спрашивает: — Знаешь, почему я стал вампиром?

Одно из моих предположений — скрытые эгоистические наклонности. Однако я ограничиваюсь тем, что отрицательно мотаю головой.

— После свержения царя во время революции моя семья тоже утратила власть. В одно мгновение мы лишились всего, — всего, что имели, и мы были вынуждены отдаться на милость родственников, которых раньше даже не пускали на порог, — с мрачной усмешкой говорит он. — Но потом... потом появилась женщина, которая предоставила мне шанс стать выше всего этого. Власть, сила, бессмертие — всего за один укус. Я и не подозревал, что в обществе вампиров она не более чем паразит. Я был унижен в своей смертной жизни. Но в своей вечной жизни я был унижен еще больше, — говорит он, поворачиваясь ко мне. В его глазах я замечаю больше искренних чувств, чем когда-либо. — Но ты... ты — мой шанс вернуться назад. Каждый день за последние сорок четыре года я посвятил тому, чтобы вернуть тебя им. Чтобы вернуться самому. И теперь я не сдамся.

Он внезапно опускается на колени передо мной и крепко хватается за руку, когда я пытаюсь вырваться.

— Я пришел, чтобы выразить тебе свое восхищение, Софочка, — говорит он. — Твое уникальное чувство вкуса — ты всегда умеешь правильно подобрать стиль одежды. Твое блистательное остроумие. Твое неотступное любопытство, твоя... — Он замолкает, словно забыл слово. — ...твоя доблесть. Это правильное слово? Я не знаю, как это сейчас говорят. Как бы то ни было, для меня было бы большой честью, если бы ты согласилась стать моей женой-вампиром.

Сначала я могу только в изумлении разевать рот, но потом я принимаюсь вопить,

отбросив все дипломатические соображения под влиянием шока.

— Ты сумасшедший? — кричу я, запрыгивая на спинку дивана, чтобы оказаться как можно дальше от него. Мои ноги зацепляются за что-то, и я падаю, ударяясь коленом о паркет. В следующую секунду он уже рядом со мной, джентльменским жестом протягивает мне руку и упрекает меня за то, что я катаюсь по полу в такой важный момент.

— Но почему? — спрашиваю я, когда снова обретаю способность говорить.

Он только нетерпеливо закатывает глаза.

— Ты — Мерво. И поскольку ты выше меня по статусу, когда мы поженимся, я тоже стану Мерво. — Он делает паузу. — А также по причинам, которые я упомянул выше. Итак, каков твой ответ?

— Нет, — отвечаю я. Нет. Никогда. Нет.

Моя горячность останавливает его всего на секунду. Но не больше.

— Не будь такой скромной. Ты должна быть благодарна мне за то, что я пришел вытащить тебя из мрака неизвестности. В твоей средней школе почти никому не известно, кто ты такая.

— И мне это нравится.

Он усмехается, но потом понимает, что я говорю серьезно.

— Никому не может это нравиться. Давай же, мне нужно твое согласие, иначе ничего не выйдет, — настаивает он. — Я подожду, пока придет твой отец, и попрошу у него твоей руки. Он скоро вернется?

Мое сердце в страхе сжимается при мысли о том, что Влад может пообщаться с родителями и вообще хоть как-то проникнуть в мой мир. Сейчас он прикидывается милым, но кто знает, что будет, когда его терпение иссякнет. Мне нужно выгнать его из дома; мне нужно время, чтобы составить план.

Я поднимаюсь, стараясь скрыть дрожь в коленях.

— Мне нужно время, — требую я.

— Время? Что тебе нужно обдумать? Я предлагаю тебе вечную славу.

— Ты пытался меня убить.

— Я не знал, кто ты, — небрежно отвечает он, словно отмахиваясь от глупого ребенка. Но заметив, что это не приводит меня в экстаз, добавляет: — Я понимаю твое удивление и твои сомнения, дорогая, я понимаю. Я сожалею, что не успел поухаживать за тобой и проявить больше... нежности. Вот что я тебе скажу: я пройду немного по окрестностям, а когда я вернусь, ты дашь мне свое согласие.

— Мне нужен месяц, — говорю я и тут же сожалею о том, что не сказала «столетие». Или «эон». Или эон, умноженный на десять в миллионной степени.

Влад отрицательно качает головой:

— Это и так заняло гораздо больше времени, чем я ожидал. Я полагал, что вампирские корни должны возвышать девушку, которую я искал, над ее человеческими сверстниками. Вот почему я начал с твоей сестры. Я и не предполагал, что ты окажешься... — Он прерывается, выбирая слова. — ...неограниченным алмазом. Решено: я дам тебе один день, чтобы ты осознала, что я не тот, кого стоит бояться.

Я чувствую, как земля уходит у меня из-под ног. Одного дня недостаточно. Я так поглощена своими мыслями, что не сразу слышу, как к дому подъезжает машина и Марси кричит Кэролайн, чтобы та вернулась и помогла ей донести до дома всю ту диетическую газировку, которую ей пришлось купить. Вот оно. Сейчас все столкнется со всеми, и у меня нет никакой возможности избежать этого. Я поднимаю глаза, ожидая увидеть его торжествующий взгляд, но вместо этого он смотрит на дверь с откровенным страхом, почти зеркально отражающим мой собственный.

— Мне нужно, чтобы ты ответила мне сейчас, — рывкает он. — Твоя сестра пишет мне бесконечные письма, умоляя сказать ей, что пошло не так в наших отношениях.

— Неделью, — торопливо говорю я. — Дай мне неделю.

Он колеблется. С крыльца раздается звук шагов.

— Неделю, — настаиваю я.

— Ладно, — отвечает он. — Теперь, быстро, покажи мне, где черный вход. Она не должна видеть меня здесь. Я тысячу раз твердил ей, что мы слишком разные люди. Я не знаю, что еще я могу ей сказать.

— В течение недели ты не должен приходить сюда, — уточняю я в тот момент, когда мы уже слышим скрежет ключей в замочной скважине.

— Хорошо! — кричит он. — Где выход?

Я указываю на комнату позади меня. И, со свистом рассекаемого воздуха и звуком падающего стула в гостиной, он наконец покидает мой дом.

С грохотом хлопнув дверь, в прихожую вваливается Кэролайн, сжимая упаковку из двенадцати банок диетической газировки.

— Почему на улице припаркован серебристый «хаммер»? — взволнованно спрашивает она, вытаскивая из ушей наушники от айпода. — Да что с тобой такое? Ты стоишь посреди комнаты, как будто произошла какая-то катастрофа.

— Я только что проснулась, — отвечаю я, но это звучит странно даже для меня.

— Ладно, хорошо. Проехали, — говорит Кэролайн, оглядывая комнату. — Влад здесь?

Ревность в ее голосе недвусмысленно напоминает мне о том, в какую жуткую ситуацию я ввязалась и как сложно мне будет обеспечить всем безопасность.

— С чего здесь быть Владу? — спрашиваю я как можно более небрежно.

— Я думала, может быть, он получил мою записку и...

— Его здесь нет, Кэролайн.

— Ох, — говорит она. Ее надежды явно рухнули. — В любом случае, имей в виду — Марси бегала сегодня утром, и она клянется, что видела, как к соседнему дому подходил мальчик, очень похожий на Джеймса Хэллоуэла. Я пыталась сказать ей, что она сошла с ума, но она теперь точно что-то подозревает. На твоём месте я бы сделала вид, что ничего не знаю.

Мое оцепенение сменяется взрывом радости, и я хватаю Кэролайн за плечи:

— Джеймс? У соседнего дома?

— Ну-ну. Так себя и веди! — кричит она мне вслед, когда я выбегаю в заднюю дверь и несусь через лужайку.

Глава пятнадцатая

Я барабаню в заднюю дверь дома Джеймса и, когда это не дает никаких результатов, начинаю одновременно пинать ее ногой. Это уже не вежливый стук, а какая-то какофония, и я не успокаиваюсь, пока дверь наконец не распаивается.

— Что... — начинает Джеймс и замолкает, когда я обнимаю его так, словно меня только что выпустили из психиатрической больницы для маньяков с навязчивой идеей объятий, и то только потому, что там было перенаселение.

— Ты жив, — бормочу я, уткнувшись в его шею.

— По-моему, ты меня сейчас задушишь.

— Ты же не дышишь.

— Верно замечено.

Помедлив немного, он обнимает меня, просунув пальцы в петельки на поясе моих джинсов. Это довольно бесцеремонный и интимный жест, но мне он нравится. Я позволяю себе на пару секунд раствориться в этом счастье, а потом начинаю рассказывать о новой ситуации с Владом.

Джеймс, нахмутив брови, отстраняется.

— Какая еще ситуация с... — начинает он, но тут я ударяю его по плечу.

— Почему ты не дал мне знать, что с тобой все хорошо?

— Я пытался!

— Когда?

— Я бросал камешки в твоё окно, как только мы вернулись.

— Мы? — переспрашиваю я и тут только замечаю в соседней комнате Виолетту, одетую в футболку, которая ей велика, и тренировочные штаны, закатанные снизу, так что видна их пушистая подкладка. Её волосы, как обычно, зачесаны назад, но из-за уха выбивается несколько локонов. На перилах висит простыня в цветочек.

— Марисабель тоже здесь, — быстро говорит Джеймс.

— Это что, оправдание?

Он широко раскрывает глаза.

— Нет! Я хочу сказать, Марисабель и Невилл. — Он взъерошивает свои волосы. — Возможно, о нём мне стоило рассказать в первую очередь.

— Ты не говорил, что у вас тут пижамная вечеринка, — замечаю я, но, прежде чем он успевает ответить, к нам подсакивает Виолетта.

— Ах нет, здесь нет ничего веселого, — говорит она. — Влад выгнал нас и порвал мой наряд.

— Влад пытался убить нас, Виолетта, — говорит Джеймс.

— А, ну да, это тоже. Заходи, мы в гостиной обсуждаем наши дальнейшие действия, — говорит она, хватая меня за руку и втягивая внутрь.

С того дня как я впервые заглядывала сюда через окно, в комнате появилось несколько новых вещей. Большинство из них я уже видела на ближайших обочинах: потрепанный диван в оранжево-коричневую клетку, маленький телевизор со старомодной антенной и колченогий журнальный столик, который стоит прямо только благодаря тому, что под его ножку подложен толстый номер журнала «Уолл Стрит». Как знать, может быть, папину газету действительно украли вампиры.

Я сажусь рядом с унылой Марисабель. Она тупо пялится в пространство и время от времени принимается лениво снимать пылинки со своего плеча.

— О чём мы говорили? — спрашивает Джеймс неожиданно очень усталым голосом.

— Я хочу самую большую комнату, — говорит Марисабель. — Виолетта утверждает, что в ней должна жить она, потому что там сиреневые шторы, но я была первой.

— Нет, не ты, — возражает Виолетта. — И я до сих пор не могу понять, почему ты не хочешь комнату с зелеными обоями, ведь они так подходят к твоим глазам.

Они обе смотрят на Джеймса, который в отчаянии трет глаза.

— Я уже сказал вам обоим, что мне всё равно, кто будет жить в главной спальне; вы все равно не будете там спать. И, в любом случае, это всё временно — только до тех пор, пока вы не придумаете, куда идти.

Марисабель огорченно морщится:

— Но мне некуда идти!

Виолетта бросает на него мрачный взгляд и гладит Марисабель по коленке.

— Ты иногда бываешь совершенно бесчувственным, — заявляет она. — Ты замечал за собой эту черту?

Не успевает Джеймс ответить что-нибудь в своё оправдание, как к нам подходит Невилл. Все это время он с виноватым видом сидел у стены, но сейчас на его лице написана решимость.

— Джеймс, может быть, и бесчувственный, но он прав. Сейчас не время делить спальни. Мы едва спаслись прошлой ночью, и лично я не верю, что опасность миновала. Он запросто может прийти за нами, и мы должны быть начеку; мы должны подготовиться; мы должны собрать все наши силы... — Он затихает, увидев мою поднятую руку. — Да? Софи?

— Мне не кажется, что мы — главная забота Влада, — начинаю я, но затем вижу выражение лица Марисабель. С того момента как мы перестали обсуждать спальни, она только и делает, что хлюпает носом. Новость о том, что Влад сделал предложение другой девушке на следующий день после того, как порвал отношения, длившиеся шестьдесят лет, и

попытался убить ее, может оказаться для нее последней каплей. Пока Виолетта продолжает успокаивающе гладить ее по коленке, я перевожу взгляд на Джеймса и Невилла. — Мы можем поговорить где-то еще?

— Да, можно пойти в мою комнату, — говорит Джеймс с встревоженным выражением лица. — На всякий случай.

Идя к лестнице через гостиную, я замечаю, что обои с цветочным орнаментом все еще здесь — в последний раз я их видела, когда мы прощались с Хэллоуэлами, сидя за столом с большим блюдом чипсов и соуса. Марси произносила прочувствованный тост, пока я стояла в углу и пыталась слиться с лиловыми цветочками на обоях, надеясь, что никто — особенно Джеймс — не заметит, какой несчастной я себя чувствую. Но все остальное изменилось. Вместо прежней темно-зеленой краски коридоры теперь покрашены в бледно-голубой, а ступеньки у меня под ногами покрыты лаком другого древесного оттенка.

— Даже моих обоев с бейсбольной темой уже нет, — говорит Джеймс, когда мы приходим в его комнату. Я оглядываю место, где я часами пыталась победить его в видеоигры. Тогда пол был вечно усеян вырезками из спортивных журналов и проводами, но сейчас тут нет ничего, кроме пыли. В те времена комната была заставлена книжными полками, но теперь единственный предмет мебели — это большая кровать, покрытая темно-синим покрывалом. В отличие от всего остального в этом доме, она выглядит новой.

— Софи, что произошло? — спрашивает Джеймс.

Усаживаясь на кровать рядом с Невиллом, я пытаюсь подобрать слова, чтобы мой рассказ не казался полным бредом, но потом понимаю, что таких слов просто не существует. Так что я спокойно излагаю факты, рассказывая о новых безумствах Влада. Реакция моих слушателей вполне предсказуема.

— Ха-ха, — скучным голосом говорит Джеймс. — Ну, а если серьезно?

— Я серьезно, — отвечаю я. — Он ворвался ко мне домой сегодня утром, чтобы сделать это двусмысленное предложение.

— Но почему...

— Он думает, что тогда он станет Мерво, — отвечаю я и затем смотрю на Невилла, который вдруг хватается за голову.

— Это так?

— Если бы ты была тем, за кого он тебя принимает, то, думаю, да, — отвечает Невилл. — Ох, не нужно мне было поддерживать Влада в его заблуждениях.

Я думаю о том, что это вполне можно назвать самым ужасным провалом этого года, когда Джеймс откашливается.

— М-м-м... а ты ему отказала? — спрашивает он.

Я бросаю на него убийственный взгляд, чтобы прекратить все убийственные взгляды, которые бросает на меня он.

— Да, Джеймс, я ему отказала, но по какой-то загадочной причине он не удовлетворился моим «Мне очень приятно, но нет, спасибо». В конце концов я уговорила его дать мне неделю на раздумья, но никому неизвестно, будет ли он соблюдать наш договор. — Я поворачиваюсь к Невиллу. — А что именно происходит на свадьбах вампиров?

— Ничего необычного. Вы обмениваетесь кровью перед лицом свидетелей, которые дают показания в суде, что все было сделано по правилам.

Действительно, ничего необычного.

— Но он не может жениться на тебе, если ты не вампир, — добавляет Невилл. — Браки между людьми и вампирами запрещены.

Это немного меня обнадеживает.

— Виолетта говорила, что вы не можете сделать кого-то вампиром без его согласия.

— Ха! Никто не может проследить за этим. Возьмем меня, к примеру. В тот день я великолепно сыграл Оберона в замечательном спектакле и чувствовал себя очень великодушным, так что я позволил поклоннице, которая сидела в переднем ряду на последних десяти спектаклях, пройти со мной за кулисы, чтобы поболтать и взять автограф.

И что же она сделала? Эта сумасшедшая дама укусила меня. Следующее, что я помню, — это то, как я лежу и смотрю на нее снизу вверх, а она говорит, что подарила мне особенный подарок и теперь я являюсь чем-то, что называется Ванделвельд, и она проследит за тем, чтобы меня приняли в члены «Данай», потому что у нее большие связи и...

Он замолкает, увидев мое лицо, от которого отлила вся краска после того, как он отнял у меня мою последнюю надежду на спасение. Он изо всех сил старается изобразить на лице нечто обнадеживающее:

— Но нет, он вряд ли так поступит. Думаю, он побоится вызвать недовольство данаев. Они любят, когда правила соблюдаются, даже если сами им не следуют, — говорит он и затем, оживляясь, добавляет: — В самом худшем случае он сделает тебя вампиром, но жениться на тебе без твоего согласия он все-таки не сможет. Принудительные браки считают незаконными в вампирском обществе в течение по меньшей мере трех десятилетий.

— Ты имеешь в виду столетий, — поправляет Джеймс.

— Нет, десятилетий, — жизнерадостно возражает Невилл и поднимает вверх большой палец, чтобы меня подбодрить.

Я могу добавить еще один пункт к моему списку Причин, По Которым Я Не Хочу Стать Вампиром. Головокружительный восторг оттого, что все живы, начинает пропадать, постепенно сменяясь тихой паникой. Неделя — это совсем немного. Мне нужен план. Мне нужен план и большая лазерная пушка, чтобы отгонять всех вампиров, которые хотят на мне жениться.

— Мы защитим тебя, — твердо говорит Джеймс, и хотя надо признать, что от этого заявления мое сердце плавится, как шоколадное печенье в микроволновке, я понимаю, что убежище в доме вампиров — не лучший вариант.

— Нас пятеро, а их трое, включая Эшли и Девона, — говорю я. — Должен же быть какой-то способ навсегда прогнать его из нашей жизни.

Сначала никто ничего не отвечает, и я с удивлением думаю: неужели только мне кажется, что Влад уже исчерпал гостеприимство этой планеты.

— Прежде чем начать строить какие-то планы, — говорит Невилл, — нам надо разобраться с...

Его прерывает звонок в дверь, и в комнате повисает тишина; пожалуй, глупо предполагать, что кто-то из нас заказал пиццу. Невилл, только что сидевший рядом со мной, в мгновение ока оказывается у маленького окна. Он осторожно выглядывает наружу.

— Мне не видно отсюда, — говорит он, — но вряд ли он бы стал звонить в звонок, перед тем как прийти и убить нас.

Я собираюсь сказать, что я бы не была так в этом уверена, но по лестнице уже раздаются шаги. Джеймс и Невилл становятся по обе стороны от двери, бдительные и готовые к нападению. Раздается тихий стук в дверь.

— Вы здесь? — щебечет Виолетта. — Там на крыльце женщина с какой-то большой емкостью. Она спрашивает, здесь ли Софи и нельзя ли ей также поговорить с Джеймсом.

Джеймс вопросительно смотрит на меня.

— М-м-м... да. Марси знает, что ты живешь здесь, — говорю я и предупреждающе поднимаю руку, когда вижу его слегка возмущенный вид. — Прости, но я некоторым образом думала, что, в первую очередь мы сейчас должны беспокоиться о Владе.

Не успевает он ответить, как Виолетта снова стучит в дверь.

— Эй? Я сказала ей, что вернусь с решением о том, допущена она или нет.

Я уверена, что она хорошо справилась с этой ролью.

— Думаю, у нас больше шансов выгнать Влада из города, чем заставить Марси уйти с крыльца, — говорю я им.

— Ладно, — отвечает Джеймс. — Мы спустимся через секунду.

Когда мы открываем дверь, Марси старательно сметает ногой опавшие листья с крыльца, держа в руках большой противень, затянутый фольгой, — видимо, ее знаменитые запеченные макароны. Увидев нас, она ставит противень на перила и обнимает Джеймса,

бормоча, что она, конечно, знает, что он подросток, но все равно не может его не обнять.

— Я очень сожалею о том, что случилось с твоими родителями, — говорит она и отстраняется. — У тебя все в порядке? Тебе нужно что-нибудь? Софи должна была сказать мне, что ты вернулся.

— У меня все хорошо, — немного ошарашено отвечает Джеймс. — Спасибо вам за пирог. И за открытку.

— О, ты всегда был таким вежливым, — говорит она и затем впервые смотрит на меня. — Не то что некоторые знакомые мне дети.

Так вот ее способ мщения: засмущать меня до смерти. Я не могу придумать достойного оправдания тому, что не рассказала ей про Джеймса, поэтому прикидываюсь глупым подростком.

— Прости, — бормочу я. — Я забыла.

Марси, не удостоив меня ответом, поднимает противень с макаронами.

— Можно отнести это на кухню? — спрашивает она Джеймса, пытаясь заглянуть ему за спину.

— Я отнесу, — говорю я, больше всего на свете мечтая сбежать. Схватив противень, я изо всех сил пытаюсь передать Джеймсу мысль: если она войдет в дом, нам еще повезет, если она примет Джеймса за вампира, а не за серийного убийцу.

Войдя на кухню, я щелкаю выключателем. Все заливает желтый свет, освещая пыльную плитку на полу и ряд пустых полок со свернувшейся на уголках защитной пленкой. Я ставлю макароны возле блюда с уже знакомым мне пирогом — предыдущим подношением Марси, — когда холодильник вдруг, заурчав, возвращается к жизни. Я смотрю на металлическую ручку, внезапно охваченная странным любопытством. После пары секунд тщетной борьбы с собой я сдаюсь и тут же думаю, что лучше бы я этого не делала. В мясном лотке одиноко лежит липкий темно-красный ком.

— Марси пошла обратно к себе, — раздается рядом голос Джеймса. Обернувшись, я вижу, что он прислонился к дверному косяку и спокойно смотрит на меня. Я захлопываю дверцу, смущенная тем, что меня застали за таким постыдным занятием, но он просто спрашивает, не хочу ли я пить.

— У меня есть вода и... вода.

Пока я пытаюсь оправиться от смущения, он подходит к шкафу и достает новенькую кружку, на которой написано: «Не позволяйте ублюдкам действовать вам на нервы». Налив воды, он протягивает мне кружку.

— Она уже была здесь, если что. Это не мой личный девиз.

Я делаю глоток. У воды сильный металлический привкус, а на ободке чашки скопилась пыль, но я слишком сильно нервничаю, чтобы обращать на это внимание.

— Так как тебе удалось избавиться от Марси?

— Она заметила на лестнице Невилла и Марисабель, и я сказал, что мы работаем над коллективным школьным проектом, — отвечает он. — Не думаю, что она и правда на это купилась, но она все еще сочувствует мне, так что не стала меня проверять. Но ты, возможно, теперь не захочешь возвращаться домой.

Могу себе представить, что меня там ждет. Я оглядываюсь в поисках стула, но вижу только хромоногий складной столик, задвинутый в угол. Скрестив пальцы в просьбе, чтобы он не разрушился подо мной, я запрыгиваю на него и в шутку говорю, что, возможно, я могла бы остаться здесь.

Он садится рядом со мной.

— А почему бы и нет? — спрашивает он. — Все остальные здесь. Только не говори, что ты хочешь спальню с сиреневыми шторами.

— Я знаю только то, что хочу спальню с кроватью, — говорю я и только потом понимаю, как это звучит. Интересно, научусь ли я когда-нибудь флиртовать намеренно, а не только нечаянно?

— Правда? — спрашивает он слишком уж невинным голосом.

Я могу сделать это — я могу сказать что-то кокетливое, действительно имея это в виду.

— А может, и нет. Ведь ты никогда не умел делиться своими вещами, — подкалываю я его, но потом понимаю, что это прозвучало как обычное оскорбление, просто произнесенное с приподнятой бровью.

Джеймс придвигается ближе, так что наши плечи соприкасаются, и нерешительно и осторожно улыбается:

— Теперь я этому научился.

Кажется, все мои внутренние органы стали невесомыми и улетели.

— Зачем тебе кровать, если ты не спишь? — не подумав, спрашиваю я. — Она выглядит новой.

— М-да, я не думал, что разговор дойдет до этого, — замечает он и затем откидывается спиной к стене. — Я заказал ее. Понимаешь, я на ней сижу. А иногда, если я закрываю глаза и долго лежу неподвижно, я могу... отключиться на какое-то время. Это похоже на сон. — Он трет глаза. — Думаю, пора бы уже к этому привыкнуть.

За всеми этими драками, приготовлениями и нашествием Марси у нас еще не было возможности поговорить о тех сенсационных открытиях, которые мы сделали на вечеринке у Влада.

— Ты хочешь поговорить об этом? — спрашиваю я.

— О чем тут говорить? — с горечью произносит он. — Я был идиотом, что поверил Владу, а потом я был идиотом, что последовал за ним. Ну и поделом.

— Но это не значит...

— Все в порядке, Софи, — говорит он голосом, ясно свидетельствующим о том, что все вовсе не в порядке.

Не зная, что ответить, я обвожу взглядом комнату. От предыдущего хозяина на окне осталась декоративная тарелка. По ее периметру танцуют тыквы, а в центре нарисована индейка в фартучке. Кто-то, должно быть, слегка помешался на традиционной культуре.

— Надо бы ее выкинуть, — говорит он. — Она странная. И иногда мне кажется, что она на меня смотрит. — Осознав, что он снова ответил на произнесенную вслух мысль, он виновато смотрит на меня. — Извини. Твое мнение о тарелке было очень сильным.

Мне становится немного жутко оттого, как легко я стала относиться к чтению мыслей.

— Знаешь, есть вещи и похуже.

— Похуже, чем тарелки с индейкой в фартучке?

— Нет. Похуже, чем быть... ну, ты понимаешь.

Сначала он ничего не отвечает, и я решаю, что снова сказала что-то лишнее. Но потом он спрашивает:

— Например?

Ненавижу, когда люди просят привести примеры.

— Ну, начнем с того, что ты мог быть мертвым мертвецом. И не пытайся меня убедить, что так было бы лучше, — приказываю я, пока он не успел сказать какую-нибудь глупость.

— Я и не собирался.

— Отлично. И ты мог бы быть одним из тех вампиров, которые выглядят как Мальчик — летучая мышь⁷ и должны спать в родной земле.

Его губы растягиваются в слабой улыбке:

— Расскажи мне еще что-нибудь, эксперт по вампирам.

Я решаю не обращать внимания на его издевательский тон, раз это помогает ему чувствовать себя лучше.

— Ты мог бы испытывать ломку, когда ты хочешь... э-э-э... пить. — Я наблюдаю за его

⁷ Мальчик — летучая мышь (Batboy) — герой газетных «уток», неоднократно публиковавшихся в еженедельном американском таблоиде «Weekly World News», существо с крыльями за спиной, якобы пойманное агентами ФБР в одной из глубоких пещер.

реакцией, опасаясь, что он заметит мою давнишнюю обеспокоенность его новой диетой, и затем показываю на свой лоб. — Как Клинтон⁸. Или страдать от аллергии.

— Ты определенно знаешь очень многое о вампирах, — говорит он, наклоняясь ко мне, так что наши плечи снова соприкасаются.

— Я знаю достаточно, — отвечаю я, смущенная и очень растерянная. — Я могу показать тебе двадцать человек, которые знают больше. У многих из них есть контракты с издательством. — Я внезапно припоминаю кое-что еще: — А! А! Ты мог бы потерять душу.

— Потерять душу?

— Да. И хотя это не полностью исключило бы романтику, все было бы куда сложнее.

— Мы бы этого не хотели.

— Ага, — соглашаюсь я, прежде чем понимаю, что атмосфера внезапно стала... волнующей? Не знаю. Что я знаю, так это то, что его взгляд внезапно становится теплым и он наклоняется ко мне; это либо поцелуй, либо очень медленный удар головой. И как бы я ни хотела поцеловаться с ним прямо на этом столе, я не думаю, что смогу добавить это к списку своих Серьезных Жизненных Достижений. Не тогда, когда столько всего происходит вокруг меня.

— Влад хочет на мне жениться! — выпаливаю я, когда он уже всего в нескольких дюймах от меня.

Он отстраняется, явно не зная, как на это реагировать:

— Э-э-э... поздравляю? — пробует он.

— Нет, я имею в виду, пока я не разберусь с Владом, я не смогу думать о... о чем-то еще, — поясняю я.

— А, — говорит он. — Ладно.

— Хорошо.

— Да, хорошо.

Наступает неловкое молчание.

— Итак... есть гениальные идеи? Я думаю, мы должны сказать ему, что на заброшенном складе проходит однодневная распродажа ботинок, а потом вылить на него со стропил раскаленную лаву.

Джеймс смотрит на меня с выражением, которое я предпочитаю интерпретировать как восхищение.

— Интересный ты человек, Софи МакГи, — замечает он. — Станный и интересный.

И это говорит подросток, покупающий исключительно ту мебель, которой не пользуется.

— Ну и что ты тогда предлагаешь? Предпочтительны варианты, которые можно осуществить к понедельнику.

— Почему к понедельнику?

— Школа.

— Ты издеваешься.

— В понедельник будет футбольный Матч, и я должна сделать о нем репортаж.

— Так найди кого-нибудь, кто тебя подменит.

— Ага, скинуть статью на кого-то другого — отличная идея, учитывая, что мистер Амадо вот-вот назначит главного редактора. Как бы то ни было, раз Влад считает, что он уже нашел меня, может быть, он даже и не придет в школу.

— Ты правда хочешь рискнуть?

По правде говоря, при мысли о том, что мне придется увидеть Влада после его предложения, меня бросает в дрожь еще больше, чем тогда, когда он хотел убить меня. Я не хочу рисковать. Раз единственное, что его хоть как-то сдерживает, — это Кэрлайн, то мой

⁸ Клингоны — вымышленная инопланетная цивилизация гуманоидов из научно-фантастической вселенной «Звездного пути». Наиболее заметной их чертой является остrokонечный лоб.

дом, возможно, будет самым безопасным местом. И все же...

— Мы можем придумать что-то. Все, что нам нужно, — это... — я замолкаю, подумав, что, наверное, слишком самонадеянно рассчитывать на помощь остальных вампиров. Но когда я говорю об этом Джеймсу, он отрицательно качает головой:

— Это не так. Невилл хочет все исправить. Марисабель, я уверен, будет рада возможности поставить Влада на место. А Виолетта, скорее всего, будет просто делать все, что ты ей скажешь.

— Значит...

— У нас кончилась кровь, — прерывает он меня. — Прошлой ночью мы потеряли много сил, и меня едва хватило на то, чтобы убедиться, что все здоровы. Нельзя и думать о том, чтобы бороться с Владом прежде, чем мы полностью восстановим силы.

— Ох, — говорю я. — И что же вы, ребята... э-э-э... обычно делаете в таких случаях?

— Мы никогда особенно об этом не заботились, — отвечает он. — Влад отвечал за все эти вещи. Ему нравилось красть кровь из донорских центров — там обычно много волонтеров, и люди не особо внимательно относятся к регистрации. Но сначала нам нужно найти такое место, а потом нужно туда пробраться. Просто оставайся дома в течение пары дней, — говорит он. — А потом мы все вместе подумаем над планом.

— Ненавижу прятаться.

— Ты и не прячешься, — возражает он, — ты выжидаешь. Подумай об этом как о гигантской шахматной партии с вампирами вместо слонов.

— Ладно, — неохотно соглашаюсь я, опуская одну важную деталь: я всегда ужасно играла в шахматы.

Глава шестнадцатая

В воскресенье я звоню Марку Эчоллсу, чтобы спросить, не сможет ли он сделать репортаж о футбольном матче в понедельник, потому что меня не будет по «личным причинам», под которыми я подразумеваю сумасшедших вампиров. Гробовая тишина, которая наступает после моей просьбы, не сулит ничего хорошего.

— Слушай, Марк, — говорю я. — Я знаю, что ты помешан на...

— Знаешь, что эти музыканты заставили меня сделать на прошлой неделе? Они заставили меня примерить баскетбольную майку и спеть с ними песенку, попадая при этом в ноты.

— Мне очень жаль, но...

— Мне вообще наплевать на журналистику, — говорит он так громко, что телефон начинает гудеть. — Единственная причина, по которой я всегда хожу на эти идиотские занятия, — это возможность пообщаться с девчонками. Без этих статей я просто скучный ботаник, на которого никто не обращает внимания.

— Значит... ты сделаешь это? — с надеждой спрашиваю я.

Наступает длинная пауза, после чего он бормочет, что согласен.

— А как насчет теннисного матча в четверг? — спрашивает он.

Это будет означать, что целых две заметки в моей колонке будут написаны кем-то другим. Одна — еще куда ни шло, но с двумя я буду выглядеть халтурщицей, когда придет время подписывать материалы.

— Я дам тебе знать, — отвечаю я.

— Да ну тебя, — говорит он и вешает трубку, прежде чем я успеваю его поблагодарить.

Десять лет безупречной посещаемости делает притворное заболевание в понедельник пустячным делом. Хотя я до сих пор на плохом счету у Марси, она ни о чем меня не спрашивает, когда я заявляю, что меня тошнит и поэтому я не могу идти в школу, а только отправляет меня наверх с банкой «Спрайта» и пачкой крекеров. Понедельник проходит без

особых происшествий, но когда во вторник вечером раздается звонок в дверь, я в ужасе думаю, что это Влад, нарушивший наш уговор. Сердитый взгляд, который бросает на меня Кэролайн, поднышавшая сообщить, что ко мне гости, ни о чем мне не говорит.

— Джеймс Хэллоуэлл здесь, — говорит она и затем с демонстративным грохотом топает вниз по лестнице. Я, очевидно, нарушила какое-то тайное сестринское правило, но прямо сейчас я чувствую слишком большое облегчение, чтобы об этом беспокоиться. То, что Джеймс здесь, должно означать, что они запаслись едой и готовы к разработке плана. Поскольку футболка с шоколадным пятном на груди и надписью «Эй! Сегодня мой день рождения», доставшаяся мне во время последнего похода в кафе «Сеньор Мигель», — не самый лучший мой наряд, я залезаю в джинсы и серый балахон и сбегая вниз. Джеймс сидит на диване в гостиной и из последних сил отказывается от настойчивых предложений Марси отдать ему оставшуюся лазанью. В этой битве никому не дано выиграть.

— Вот что я тебе скажу, — говорит Марси, кивая головой в сторону кухни. — Я положу немного в пластиковый контейнер.

— Правда, не беспокойтесь о... о нет, она ушла, — говорит он и затем откидывается на подушку, признав свое поражение. Но увидев меня, он улыбается. — Привет. Не желаешь ли немного лазаньи?

Учитывая, что Марси не разрешала мне ничего, кроме крекеров и овсянки, которую она нашла у задней стенки шкафа, — да, желаю. Но я опасаюсь, что это вызовет у нее подозрения и помешает мне снова обмануть ее и провести еще один день дома.

— Ты воспользовался дверным звонком, — замечаю я. — Я впечатлена.

Он пожимает плечами:

— Теперь уже можно. К тому же, машина шумела...

Я плюхаюсь на подушку рядом с ним.

— Итак, у тебя есть план?

— Что-то вроде того, — отвечает он. — Часах в двух езды от школы есть донорский центр, но прием крови там будет не раньше вторника, и нам нужна машина.

— Ты можешь взять мою, — говорю я, хотя мой желудок скручивается узлом от волнения. В четверг будет теннисный матч, а это значит, что мне опять придется просить Марка Эчоллса сделать за меня репортаж. Я пытаюсь себя убедить, что есть и другие вещи, с помощью которых я смогу впечатлить мистера Амадо, но мне становится все труднее верить, что после всего этого у меня еще будет хоть какой-то шанс.

Джеймс прерывает мои раздумья, осведомляясь, все ли в порядке, и на этот раз я решаю не говорить о журналистских заданиях — вряд ли я смогу попросить доноров сдать кровь в удобное мне время. Так что вместо этого я встаю и снимаю ключи с услужливо подписанного крючка на двери.

— Думаю, ты сможешь забрать машину после девяти, — говорю я. — Папа уже уедет, а Марси во вторник утром обычно ходит за покупками. Но если кто-нибудь заметит, я придумаю какое-нибудь оправдание.

— Ясно, — отвечает он и затем подходит к двери. — Увидимся в четверг?

— Ты уходишь? — спрашиваю я, убирая ключи и борясь с приступом разочарования.

— Марси сказала, что ты болеешь и мне не стоит долго здесь оставаться. Я не хочу разоблачать твой обман, — говорит он, но потом опирается о дверь и оглядывается вокруг. — Твой дом совсем не изменился. Такой милый.

В неярком свете прихожей Джеймс выглядит очень теплым, и мне так и хочется к нему прикоснуться. Не знаю, потому ли это, что я сошла с ума, сидя в заключении, но мне вдруг приходит в голову, что я была душой, не пользуясь всеми шансами поцеловать его, когда они у меня были. На его лице мелькает радостное удивление. Черт.

— Ты слышал это?

— Слышал что? — невинно осведомляется он, но я замечаю, что он придвигается чуточку ближе. Однако не успеваю я обдумать свои дальнейшие действия, как слышу слева возмущенное фырканье. У подножия лестницы стоит Кэролайн, глядя на нас так, как будто

она увидела нас катающимися по паркету, а не стоящими бок о бок.

— Серьезно? — восклицает она. — Ну-ну, — и сердито топает вверх по лестнице.

— Мне лучше уйти, пока твоя сестра не взорвалась, — говорит Джеймс, и мне немного грустно, что момент упущен.

В среду вечером ко мне приходит еще один гость. Я сижу перед компьютером, надеясь, что в последнюю минуту случится чудо, которое позволит мне не связываться с Марком по поводу замены, когда вдруг раздается стук в дверь. Открыв ее, я вижу Линдси Аллен, прижимающую к бедру стопку книг.

— Я подумала, что ты не захочешь отставать, поэтому принесла тебе домашнее задание, — говорит Линдси и заглядывает за угол. — Классная комната. Можно войти на минутку? Прости, что не предупредила тебя.

— А, конечно. Не обращай внимания на все эти носки. Здесь был взрыв. — Под «взрывом» я подразумеваю взрыв скуки, который заставил меня рассортировать носки по рисунку и количеству дырок.

Линдси заходит, предусмотрительно закрывая дверь, отчего я начинаю нервно подергиваться.

— Я хочу рассказать тебе еще кое-что, — говорит она, садясь за письменный стол и кладя ногу на ногу. — Что случилось на той большой вечеринке в пятницу вечером? Ведь что-то произошло между тобой и тем парнем, Владом?

От страха у меня по коже пробегают мурашки.

— А что?

— Хм, ну... Я на самом деле не совсем понимаю, как об этом рассказать, но... короче, сегодня он говорил всем, что вы с ним встречаетесь, что ты — его возлюбленная и вы собираетесь пожениться.

— Что?

Линдси торжественно кивает.

— Что?!

Я чувствую себя героиней одного из этих тупых шоу для подростков, где заботливая подруга рассказывает своей наивной однокласснице, что популярный парень из их школы распускает про нее слухи. Конечно, там все обычно заканчивается тем, что все узнают, что у них хламидиоз, а не муж-вампир, но основная идея та же.

— Я подумала, что это странно, — говорит она. — Мне кажется, тебе не должны нравиться такие парни. Он какой-то слишком льстивый. Поэтому я и не пошла на вечеринку.

— Мы даже не встречаемся, — говорю я. — Какой там антоним для «встречаться»?

— «Не встречаться»? — предлагает она. — Прости. Я не хотела тебя расстраивать. Я просто подумала, что тебе лучше об этом знать.

Линдси явно чувствует себя неловко. Она смотрит куда угодно, но только не на меня, перекатывая по столу ручки и изучая старый постер с кроликом Банни, который я повесила на стену, когда была зла на весь мир.

— Не извиняйся, — говорю я как можно спокойнее. — Что конкретно он говорит?

Она немного расслабляется. Это означает, что скоро она вернется к своей всегдашней привычке говорить со скоростью света.

— Он говорит, что вы встречаетесь. Правда, он не сказал «встречаетесь». Он сказал, что вы «гуляете», — говорит она, взяв это слово в воображаемые кавычки. — Знаешь, я люблю играть словами, но это уже как-то слишком странно. У меня от него мурашки. Я не совсем понимаю почему, но это так.

Возможно, потому, что он пытался ею пообедать. По крайней мере, я убеждаюсь в том, что Линдси по-прежнему ничего не помнит.

— Он мерзкий, — подтверждаю я, — и ты должна держаться от него подальше. — Теперь, когда мое предостережение подписано, запечатано и доставлено по адресу, пришло время вернуться к реальным проблемам. Я пересекаю комнату и с размаху падаю на кровать.

— И ему все верят?

— Да, в общем-то, — отвечает она. — Ну, те, кто знает, кто ты такая. Остальные просто спрашивают, новенькая ты или из спецкласса. Несколько человек поинтересовались, не ты ли та девушка, что написала статью, взывающую к учителям, которые не отслеживают плагиат. — Она делает паузу. — Эти ребята выглядели немного чокнутыми.

— Но на вечеринке в пятницу было много народу, — настаиваю я. — Они должны знать, что это неправда.

— Они говорят, что он прогнал вас с Джеймсом Хэллоуэлом с вечеринки и выставил всех остальных, потому что ревновал.

Словами не описать, насколько извращенные люди учатся в моей средней школе. Я снова откидываюсь на спину и кладу на лицо подушку.

— Задушить себя — не ответ, — замечает Линдси.

Подняв уголок подушки, я выглядываю из-под бахромы. Линдси занята тем, что раскладывает в определенном порядке ручки на моем столе. Заметив, что я на нее смотрю, она краснеет и сообщает мне, что есть кое-что еще.

— Что еще он мог говорить? Что я ношу под сердцем дитя нашей любви? — шучу я и сажусь. — О боже.

Линдси качает головой.

— Нет, я не про то. Мистер Амадо спрашивал, не знаю ли я, когда ты вернешься. С понедельника его не будет по личным причинам, так что он собирается выбрать главного редактора пораньше. Он хочет, чтобы был кто-то, кто проследил бы за тем, чтобы тупой ассистент снова не стер случайно весь номер, — говорит она. — Я подумала, что будет честно дать тебе знать.

Я смотрю на нее, размышляя, что бы я сделала на ее месте. Стала бы я тратить время, чтобы предупредить свою соперницу о переносе крайнего срока или о том, что вампиры распускают про нее слухи? Думаю, не стала бы. Мне вдруг хочется снова извиниться за то, что я врала ей. Но если я сделаю это, она только подумает, что я сошла с ума. Поэтому я извиняюсь за то, что она помнит:

— Прости, что я не перезвонила тебе этим летом.

Услышав это неуместное замечание, она округляет глаза от удивления и немного погодя говорит:

— Все в порядке. Я была занята приютом для животных. Честно говоря, от меня все время пахло псиной, так что, наверное, мне не стоило ни с кем встречаться. В любом случае, мне лучше пойти домой, — говорит она, наклоняясь, чтобы взять сумку. — Мама по средам допоздна работает в госпитале, поэтому мой младший брат остается дома один. В прошлый раз, когда я вернулась слишком поздно, он успел посмотреть так много НВО, что стал говорить, как Тони Сопрано⁹. — Уже взявшись за дверную ручку, она задерживается. — Кстати, твои статьи были просто отличными.

— Твои были лучше, — отвечаю я, и это правда. Ей удалось очень точно описать Джеймса в своей заметке, а в статьях про Девона и Эшли она достигла уровня Хелен Келлер в «Сотворившей чудо», чего мне даже близко не удалось добиться в своей заметке про Виолетту и ее любовь к сиреневому цветку. Она сумела сделать конфетку даже из рассказа про Эндрю с его грязными мотоциклами. Но Линдси только качает головой.

— Куда уж там, — говорит она. Я думаю, что она насмехается надо мной, но, взглядевшись в ее лицо и не обнаружив там ни грамма сарказма, я убеждаюсь, что это не так.

— Если хочешь, может быть, проведем вместе время как-нибудь в выходные? — выпаливаю я.

⁹ Тони Сопрано — главный герой телесериала «Клан Сопрано», выпускаемого американским телеканалом НВО.

— О. Конечно! В эту субботу в полночь будет ночной показ «Носферату»¹⁰ в кинотеатре на Мейн-стрит...

— Нет! — резко возражаю я, не успев смягчить нотки ужаса в своем голосе. — Я имею в виду, я не очень-то люблю вампиров. Давай поговорим об этом завтра за обедом.

— Ты будешь в школе?

Я перевожу взгляд на дом Джеймса, размышляя, как там поживают вампиры. Каждый день, который я провожу здесь в бездействии, вычеркивается из моей реальной жизни, и виноват в этом Влад. Я и так уже позволила ему создать мне какую-то кошмарную репутацию и лишить меня шанса стать главным редактором. И я не могу пропустить завтрашний теннисный матч, потому что это мой последний шанс произвести впечатление на мистера Амадо. Я просто не буду лезть на рожон и постараюсь изо всех сил избегать Влада — в конце концов, как может один день мне повредить?

— Да, — отвечаю я Линдси, — просто постарайся не подпускать его ко мне.

Глава семнадцатая

Когда я вхожу в тяжелые стеклянные двери школы Томаса Джеффа, за плечами у меня один час сна, автобусные выхлопы и три чайные ложечки кукурузных хлопьев, которые я ухитрилась проглотить, пока Кэролайн не бросила на меня через стол сердитый взгляд, говорящий о страшном сестринском возмездии. Она не произнесла ни слова, но я поняла, что она в ярости, потому что она съела три миски кукурузных хлопьев, прикончив всю пачку, прежде чем я успела попросить добавки. Кэролайн никогда не поглощает так много углеводов, если только она не собирается мне насолить. На этот раз я хотя бы знаю причину ее злости.

Сделав всего несколько шагов по холлу, я понимаю, что нет никаких шансов дожить до вечера, оставшись незамеченной. Впервые за всю мою жизнь меня сопровождают перешептывания. Мне удастся услышать слова «Влад», «вечеринка» и «помолвлены». Повернув за угол и увидев Дэнни Бауманна, склонившегося над одним из чахлах фонтанчиков с питьевой водой, я понимаю, что это отличный шанс начать кампанию по подавлению слухов. Нужно только собраться с духом и заговорить с ним.

Его светло-русые волосы завиваются на шее, и он одет в шорты, которыми я так долго восхищалась на уроках всемирной географии. Но сейчас я здесь не для того, чтобы строить глазки. Подобно льву, приближающемуся к нежной, мегапривлекательной антилопе, я медленно, крадучись подхожу к нему. И, когда он оборачивается, я нападаю.

— Эй, привет. Я хочу попросить тебя об одолжении, — говорю я, полностью готовая к тому, что он спросит, кто я такая и почему обращаюсь к нему. Но он только прислоняется к стене и вытирает губы футболкой, расслабленный и безмятежный, как в летние каникулы. Когда мы поженимся, я куплю ему носовой платочек.

— Йоу, Софи, — говорит он. — Что нового?

— Ты знаешь мое имя?

— Конечно. Ты объяснила мне разницу между Угандой и Уругваем. Южная Америка, чувак. Потрясно.

Хотя я и взволнована тем, что он хранит наши общие воспоминания, все, что я ему говорю, — это то, что я не встречаюсь, не помолвлена и не состою ни в каких других отношениях с Владом.

— И я надеялась, что ты, ну, мог бы рассказать об этом остальным, — заканчиваю я.

¹⁰ «Носферату. Симфония ужаса» и «Носферату — призрак ночи» — экранизации романа «Дракула» Брэма Стокера

— Он не это говорит. Этот чувак типа безумно в тебя влюблен.

— Зато я говорю, что это неправда. И я подумала, может быть, ты мог бы поправлять людей, когда они упоминают об этом? — с надеждой улыбаюсь ему я. — Хорошо?

— Ну, не знаю. Я не хочу ни во что ввязываться. Этот парень меня как-то очень сильно смущает.

Это заставляет меня призадуматься — ведь еще на прошлой неделе Влад возглавлял все хит-парады. Но не успеваю я сформулировать следующий вопрос, как он удаляется развязной походкой, чтобы заняться тем, чем обычно целыми днями занимаются Дэнни Бауманны.

В следующих коридорах дела обстоят немного лучше, и я начинаю подумывать, что, возможно, все не так уж и плохо, как мне показалось в холле. Но когда я дохожу до последнего поворота к своему шкафчику, все мои надежды улетучиваются. Перед шкафчиком толпится большая группа школьников; я вижу спортивные майки и чирлидерские костюмы, а также несколько пар рваных джинсов и темные фанатские футболки. Неподалеку в длинной креповой юбке маячит Морган Михаэле, моя соседка по шкафчику.

— Я опоздаю, — ругается она, когда я подхожу к ней. — И так уже четвертый день.

— Что, кто-то снова написал на моем шкафчике «Французский — отстой»? — осведомляюсь я, прежде чем замечаю за расступившейся толпой стену из кроваво-красных роз на том месте, где должна находиться исцарапанная и разрисованная маркером дверца моего шкафчика. Из сотни. Тысячи.

— Тебе нравится? — слышу я вкрадчивый голос у себя за спиной. Обернувшись, я вижу Влада, прислонившегося к противоположной стене и улыбающегося коварной выжидающей улыбкой. Подойдя поближе, он показывает пальцем на свою щеку. — Ты можешь выразить свою благодарность так, как считаешь нужным.

Ну, если он так настаивает. Повернувшись к шкафчику, я срываю розу, продетую сквозь ручку, и швыряю ему в ноги, улыбнувшись, когда от такого унижения у него отвисает челюсть.

— Спасибо, — сладким голосом говорю я, — за то, что из-за тебя я опоздала на математику.

Раздается несколько сдвоенных смешков. Я открываю дверцу, отбрасывая розы, которые дождем сыплются на пол. Засунув голову в нагромождение старых рекламных проспектов и сиротливых колпачков от ручек, я сосредотачиваюсь на поисках учебника по математике. Я выкапываю его из-под проспекта «Манже Абек Муа» и нашего учебника по французскому с неприличным названием и вдруг вижу, как под дверцей шкафчика появляются ботинки Влада. Подняв голову, я встречаю его взгляд, полностью соответствующий его мрачному виду, и с вызовом смотрю на него, прежде чем вспоминаю, что, хотя он вряд ли сможет сделать что-то со мной прямо здесь, в какой-то момент мне придется либо соблазнить ночного сторожа, либо пойти домой. Во мне просыпается инстинкт самосохранения; пожалуй, мне не стоит провоцировать выяснение отношений в коридоре.

— Извини, — с убийственной вежливостью говорю я, пытаюсь проскользнуть мимо него.

Он хватает меня за локоть:

— Я думал, они тебе понравятся.

— У меня аллергия.

— Глаза у тебя не красные.

— На самом деле внутри я чихаю.

Влад в растерянности поворачивается к нашим зрителям. Когда я пришла, на их лицах было написано только любопытство. Но теперь их очевидное беспокойство меня ободряет. Девушка с пирсингом в носу и волосами безумных цветов судорожно строчит эсэмэски, каждые несколько секунд с опаской поднимая голову. Я слышу, как кто-то произносит слово

«извращенцы».

— Вы все очень хотите пойти на урок, — громко объявляет он, и, хотя это заставляет нескольких человек схватить учебники и уйти, основная масса людей не двигается с места. Он начинает нервничать и меняет тактику. — Софочка все еще немного не в духе из-за недавней болезни, — говорит он. — Это повлияло на ее суждения.

Ох, меня тошнит от него.

— С моими суждениями все в порядке, — говорю я. — А вот с твоими — явно нет.

Непонятно, что бесит его больше: мои слова или то, что у нас есть свидетели. Он хватает мою руку жестом, который, наверное, кажется нашим зрителям романтическим, но я чувствую, как большим пальцем он зажимает мне пульс. Я пытаюсь вырваться, но по части силы у него по-прежнему есть надо мной преимущество.

— Ты ставишь меня в неловкое положение, — шипит он мне на ухо. — Я бы посоветовал тебе в дальнейшем воздержаться от этого.

— Мне надо идти на урок, — громко говорю я, стараясь, чтобы меня услышало как можно больше свидетелей.

— Эй, парень,пусти ее, — говорит невысокий коренастый мальчик, стоящий в передних рядах, а девушка, которая строчила эсэмэски, добавляет, что она позовет мисс Кейт. Ропот становится громче, и в первый миг Влад выглядит так, словно его предали.

— Очень хорошо, — говорит он во всеуслышание и отпускает меня. Подняв одну из валяющихся на полу роз, он широким жестом кладет ее на мою папку. — Мы продолжим наш разговор позже.

Я отшвыриваю розу и протискиваюсь мимо него, но не успеваю я повернуть за угол, как любопытство заставляет меня обернуться. Я тут же об этом жалею. В свое время я получила немало страстных взглядов, но ничто не сравнится с тем, которым Влад награждает меня сейчас. Он стоит спиной к толпе, опустив голову, так что я вижу только его глаза, провожающие меня из-под свисающей челки. Они полны такой животной страсти, такой угрозы и такой ненависти, что меня начинает трясти от отвращения. Увидев, что я смотрю на него, он спешно пытается придать своему взгляду немного нежности, но уже слишком поздно. Я уже поняла, какой ошибкой было прийти сегодня в школу.

Он следует за мной повсюду. Я выхожу с математики, и он стоит у питьевого фонтанчика; я выхожу с химии, и он ждет за углом, холодно предлагая мне помочь донести учебники. Было полным безумием думать, что я смогу избежать его весь день — мне с трудом удастся избежать его хотя бы на минуту. Хитроумно срезав путь через музыкальный холл, я ухитряюсь дойти до столовой в одиночестве. Мне машет Линдси, сидящая за круглым столиком ближе к задней части столовой. Когда я подхожу, она вскакивает, собирая ручки и бумаги, разбросанные по всему столу.

— Ты пришла! — восклицает она. — Мы пользуемся обеденным перерывом, чтобы поработать над предстоящей акцией по возвращению использованных салфеток в столовую. — Она указывает на остальных членов команды «зеленых». Большинство из них — либо наркоманы из классов подготовки к колледжу, либо парни из группы, имеющие виды на Линдси. Кроме того, с ними сидит Марк Эчоллс, который хмурится на меня из-под длинной спутанной челки. Мне остается только надеяться, что своим грозным видом он обязан соусу от пиццы, которым испачканы уголки его губ.

— Спасибо, что заменил меня в понедельник, — говорю я, но он только отодвигается в сторону. Я усаживаюсь таким образом, чтобы каменная колонна служила мне щитом, заслоняющим меня от остальной части столовой.

Линдси наклоняется и пододвигает ко мне пару блестящих ручек.

— Ты не хочешь обвести слово «салфетка» синим? Эллис раскрашивает «замену» зеленым.

Я благодарна ей за это развлечение, хотя терпеть не могу блестящие ручки. Я как раз добираюсь до третьей буквы, когда вдруг слышу знакомый голос и от страха сжимаю ручку,

поставив пятно на букву «Л».

— Софи МакГи, — произносит Влад. — Ты видел ее? Я уверен, что она сидит здесь в каком-нибудь углу.

Через несколько столиков от меня я замечаю его светлую голову. Если я могу видеть его — значит, и он может увидеть меня. Я подвигаюсь ближе к Марку, чтобы спрятаться, но он меня отталкивает. Линдси, заметив нашу борьбу, следует за моим взглядом и, увидев Влада, взволнованно смотрит на меня.

— Не дай ему меня заметить, — говорю я в ту самую секунду, когда он начинает поворачиваться к нам. В панике я ныряю под стол и, затаив дыхание, наблюдаю за тем, как приближаются его ботинки. Когда он спрашивает, не видел ли меня кто-нибудь, Линдси начинает объяснять ему, что мне стало плохо и я уехала домой, но Марк ее прерывает.

— Она под столом, — говорит он с явной радостью в голосе, но затем я слышу звук пощечины — я уверена, что эту любезность оказала мне Линдси. — Ай! — вскрикивает Марк. — За что? Она ведь правда там.

Вот как вершится справедливость.

Когда я вылезаю, Влад смотрит на меня, едва сдерживая ярость:

— Софочка обожает играть в игры.

Не успеваю я придумать, как вести себя в такой ситуации, как слышу звук упавшего со стола подноса. Возле нас стоит Кэролайн, дрожа так, словно ее только что ударили в живот.

— Лгунья! — восклицает она. — Ты ужасная лгунья.

— Кэролайн, — начинаю я, но она уже бежит к двери.

Мне удастся догнать ее, только когда она уже вне столовой, и, чтобы ее остановить, мне приходится преградить ей путь. Я застываю на месте, увидев следы от слез на ее щеках.

— Кэролайн, все, что говорят люди, — вранье.

— Тогда почему все видели вашу влюбленную перебранку в коридоре сегодня утром?

— Влюбленную перебранку?

— Да.

Пожалуй, плохо поправлять ее в такой момент... это может привести к тому, что она расстреляет меня из бластера. Поэтому я говорю:

— Это была не влюбленная перебранка. Это была перебранка «прекрати меня преследовать».

— Влад? Преследует тебя? — презрительно усмехается она и окидывает взглядом мой наряд, который, надо признать, не очень подходит для грядущей свадьбы с вампиром.

— Ну-ну, — говорит она холодно.

Ее неверие меня задевает. У нас всегда были разные взгляды на то, сколько времени и сил следует тратить на придумывание нарядов, но она еще никогда так откровенно не грубила. И она тоже это знает: на секунду надменность исчезает с ее лица, но затем злость снова овладевает ею.

— Ты врала мне, — говорит она. — Я спросила тебя, что случилось на вечеринке, и ты соврала. Я спросила тебя, был ли Влад у нас дома, и ты соврала. Это был его «хаммер». Ты все это время с ним встречалась.

Я хватаю ее за руки, пытаюсь заставить посмотреть на меня:

— Кэролайн, он сумасшедший. Что бы он ни сделал, я не стану с ним встречаться. Никогда. И я делаю все возможное, чтобы он от меня отвязался, — говорю я, но она, влепив мне пощечину, убегает прочь по коридору. Я бегу за ней, пытаюсь вернуть ее обратно, но затем вдруг цепенею от страха.

В конце коридора стоит Влад и смотрит на меня так, что я понимаю: он все слышал. Когда Кэролайн пробегает мимо него и исчезает за углом, он демонстративно провожает ее взглядом. Повернувшись ко мне, он ухмыляется гнусной усмешкой, значение которой я понимаю слишком хорошо.

У Кэролайн сейчас два последних урока. Я знаю это, потому что проверила ее расписание, положив отличное начало моей коллекции отметок об опоздании. Я планирую

найти ее в конце дня, как можно доступнее объяснить ей все и отправить в безопасное пространство нашего дома, где я попытаюсь убедить папу начать строительство бомбоубежища, сделанного исключительно из чеснока и солнечного света. Когда раздается звонок, я вылетаю из класса, чтобы перехватить ее у шкафчика, но меня останавливает мистер Хэнфилд.

— Вы не можете оставить книжную полку в таком виде, — говорит он, поправляя очки и скрещая на груди руки. — Это беспорядок.

На книжной полке всегда беспорядок. У большинства книг не хватает обложек, и в каждой на полях есть хотя бы один рисунок пениса. Но я не могу вступать в спор, только не сейчас.

— Я уберусь в следующий раз, обещаю.

— Нет, я устал от того, что ученики относятся к вещам как к своей собственности, которую можно как угодно портить. — Он указывает на помятые книги, которые едва не вываливаются с полки. — Сделайте это сейчас же.

Я утрамбовываю книги и запикиваю их на освободившееся место.

— Вот. Готово.

— Вы не закончили, — говорит он.

— Мне плевать!

Он морщится, не веря своим ушам.

— Вы хотите остаться после уроков, юная леди? — осведомляется он, хватая пачку пропусков и начиная что-то писать.

Я смотрю в сторону коридора, который теперь полон свиста, смеха и болтовни. Если мне в любом случае грозит остаться после уроков, то я могу, по крайней мере, сделать что-то стоящее. Воспользовавшись тем, что мистер Хэнфилд занят пропуском, я выскальзываю наружу и, продираясь сквозь толпу воодушевленных школьников, направляюсь напрямик к шкафчику Кэролайн, который по закону подлости находится на другом конце школы.

Но там ее нет. Я приказываю себе успокоиться. Кэролайн привыкла быть популярной. Обычно после уроков они с подружками тусуются в главном коридоре, у доски, на которой вывешивали фотографии выигравших Национальную стипендию за достижения вплоть до того года, когда никто из нашей школы ее не получил. Поскольку теперь школе стыдно вешать там что-то другое, это место облюбовала Кэролайн со своей компанией.

Однако сегодня Кэролайн там нет. Пробормотав себе под нос проклятие, я пробиваюсь сквозь толпу к боковой стене. Добравшись туда, я вижу подружек Кэролайн, оживленно спорящих о том, отстойно выглядит пирсинг живота или нет. Когда я подхожу к ним, Аманда поднимает голову.

— Чего ты хочешь? — спрашивает она, отряхивая свои стильные джинсы с таким видом, словно боится заразиться от меня склонностью к предательству.

— Ты не видела Кэролайн?

— Нет. Она вообще не появлялась.

— Но ведь она должна была встретиться с вами здесь? Она не говорила ничего о том, что собирается домой?

— Она хотела сегодня переночевать у меня. — Подождав, пока до меня дойдут ее слова, она добавляет: — Потому что она не хочет тебя видеть. — Видимо, на тот случай, если я вдруг не усвоила оскорбление.

— Кто из вас в последний раз ее видел?

— Эй, Марта, — окликает Джессика. — Где Кэролайн?

— Она была со мной на геометрии. Но она ушла раньше, сказав, что плохо себя чувствует. По-моему, она собиралась поехать в торговый центр.

Возможно. Кэролайн известна тем, что, расстроившись из-за мальчика, может спустить годовой запас карманных денег на шмотки. Но обычно она берет с собой безотказных подружек и кого-нибудь, кто носит за ней сумки.

— Но она бы попросила вас пойти с ней?

— Мой папа разрезал все мои кредитки, — говорит Марта, качая головой.

— А я встречалась со всеми продавцами из «Аберкромби энд Фитч». Я не смогу показаться там в течение, по меньшей мере, ближайшего месяца, — говорит Аманда. — Эвелин?

— Она меня не просила, — отвечает Эвелин, отвлекаясь от накладывания розового блеска для губ. — И это странно, потому что мы собирались в следующий раз пойти вместе и купить подходящие шортики для пижамной вечеринки в следующую пятницу.

Марта взволнованно хлопает в ладоши.

— Те, с розовыми кроликами?

— Да!

— Ты должна посмотреть на мою пижаму — на ней нарисованы брокколи и написано «Съешь меня».

— Какая прелесть! А на моей — обезьянки!

— А на моей — киты, — заявляю я, чтобы привлечь их внимание, и в награду получаю сразу три заинтересованных взгляда. Однако сейчас я не намерена тратить время на пижамные штаны. — Позвоните мне, если увидите ее, — говорю я и упрямо стою у них над душой, пока не убеждаюсь, что они все записали мой номер в свои телефоны.

Возвращаясь по коридору обратно, я выкапываю телефон со дна сумки. Обычно я держу его выключенным, потому что до сих пор не удосужилась завести приличные мелодии на звонок, — да и, честно говоря, кроме папы и Марси, мне почти никто не звонит. Телефон показывает полную батарейку и тихо говорит мне «спасибо». Я набираю домашний номер. На третьем гудке Марси поднимает трубку, и я, стараясь говорить спокойным ровным голосом, спрашиваю, вернулась ли Кэролайн домой.

— Она уже звонила и сказала, что останется у Аманды. Я спросила, не хочет ли она захватить одежду, но она ответила, что одолжит что-нибудь. У нее был расстроенный голос, — говорит Марси, и за помехами связи я различаю в ее голосе тревогу. — Что-то случилось?

— Ничего. Просто кое-какие дела с мальчиками, — вру я.

— Тогда почему ты звонишь?

Одно очко в пользу Марси.

— Одна из ее подружек сказала, что она забыла кое-что в шкафчике, и я хотела ей это передать.

Кажется, Марси поверила. Заявив, что мне пора на теннисный матч, я вешаю трубку и направляюсь к боковому коридору, планируя сделать несколько кругов по школе в поисках Кэролайн. Я начинаю чувствовать себя глупо — она, наверное, зализывает свои раны в каком-нибудь уютном и безопасном местечке, полном привлекательных мальчиков. В худшем случае мне придется проверить мужскую раздевалку.

Проходя мимо открытых дверей пахнущего химикатами научного крыла, я слышу пронзительное хихиканье, которое я узнала бы где угодно.

— Нил, перестань, — щебечет Виолетта, но по ее голосу не скажешь, что она хочет, чтобы он перестал. Я вбегаю в кабинет физики и вижу, что Нил щекочет Виолетту роботом с дистанционным управлением.

— Спасибо, что пришла на встречу клуба робототехники, — говорит он Виолетте, которая наклоняется и с большим любопытством трогает робота за голову. — Интересно, где Адам? Он обещал быть.

— Нам нужно дать ему имя, — говорит Виолетта. Она берет карандаш и прикасается им к плечу робота. — Я нарекаю тебя... Симоном.

— Симоном? Ты только что назвала робота Симоном?

— А что не так с именем Симон? Так звали моего брата.

— Я не знал, что у тебя есть брат.

Виолетта с печальным вздохом опускает глаза долу:

— Его уже нет.

— Мне очень жаль, — говорит Нил, немедленно раскаиваясь.

— Это уже не важно. Это было давно. — Она бросает на него значительный взгляд из-под ресниц. — Очень, очень, очень, очень... Софи! — восклицает она, заметив меня в дверях. — Ты не должна быть здесь.

— Как и ты.

— Мы рано вернулись! А поскольку я обещала Нилу, что буду ходить на встречи клуба робототехники, пока в него не вступит еще хотя бы один человек, то... Что случилось?

— Я не могу найти ни свою сестру, ни Влада.

Нил, гоняющий робота по кругу, останавливается:

— В середине последнего урока я видел, как они разговаривали.

У меня сжимается желудок.

— Правда?

— Ну да. Я забыл взять графический калькулятор, а ее шкафчик рядом с моим, — говорит он. — Ну, знаешь, Гарвилл... Гарретт. Этот чертов алфавитный порядок.

Пытаясь сдержать панические нотки в голосе, я спрашиваю:

— О чем они говорили?

— Не знаю. Я привык отключаться, когда вижу ее. Большинство ее взаимодействий с людьми включает громкие поцелуи. — Он прерывается, увидев на моем лице выражение, которое, наверное, лучше всего описывается словом «ужас». — Эй, да все в порядке. Это было похоже на дружескую беседу. То есть сначала она была в ярости, но потом он проникновенно посмотрел ей в глаза и они ушли вместе. — Нил закатывает глаза, как будто он сам не смотрел проникновенно в глаза Виолетты на протяжении нескольких последних недель.

— И куда они пошли? — спрашиваю я.

— Хм. Наверное, пошли целоваться?

— Куда?

Нил начинает нервничать. Он вертит в руках пульт дистанционного управления, заставляя Симона растерянно крутиться кругом.

— Я не знаю, — нервно отвечает он. — Где люди обычно целуются?

— У меня сейчас нет времени на сарказм, Нил.

— Но я правда не знаю!

Я поворачиваюсь к Виолетте, не в силах скрыть панику.

— Я пойду искать остальных, — говорит она. — Они сейчас должны быть дома.

— Я пойду с тобой, — вмешивается Нил, но Виолетта жестом приказывает ему снова сесть.

— Оставайся с Симоном. Это семейное дело.

Когда он начинает протестовать, она смотрит ему прямо в глаза. Плечи Нила опускаются, и он начинает возиться с несколькими ослабшими винтиками.

— Виолетта! — упрекаю я ее. — Я никогда не видела, чтобы ты это делала.

Она смотрит на меня невинно, как мультяшный кролик:

— А что? Нам нужно, чтобы он остался! А в журналах пишут, что мы можем использовать женские хитрости. Не понимаю, чего ты боишься.

Сомневаюсь, что «Севентин» отнес бы способность вампиров контролировать мысли к «женским хитростям», но сейчас не время об этом спорить. Она бросается к выходу, и я стараюсь не волноваться о том, что мужская часть нашей компании на время исключена из игры.

Теперь я всерьез начинаю искать Кэролайн. Влад исчез вместе с ней сразу после полудня — слишком рано, чтобы прямые солнечные лучи ему не угрожали, — поэтому они должны быть внутри какого-нибудь здания, в каком-нибудь отдаленном и пустынном месте. Я проверяю зрительный зал, думая, что он мог спрятать ее за кулисами. Но тяжелый красный занавес открыт, и группа учеников, пользуясь незанятой сценой, репетирует хоровые партии для школьного мюзикла. Затем я проверяю музыкальный холл, но он ярко освещен и наполнен звуками безжалостно терзаемых тромбонов и труб. Поиски в раздевалках —

женских и мужских — не дают ничего, кроме удивленного Дэнни Бауманна с голым торсом, который произносит: «Йоу, Южная Америка. А ты немного странная, правда?» и, когда я застываю на месте, ослепленная его великолепием, треплет меня по голове и уходит.

«Думай, Софи. Думай». Если он исчез с ней до четвертого урока, он должен был отвести ее в какое-то место, которое оставалось бы пустым примерно до часа дня. Это исключает все кабинеты дирекции и учительскую, а в библиотеке всегда есть по меньшей мере библиотекарь и несколько учеников из штрафного класса. Остается только столовая, и когда я задумываюсь об этом, то понимаю, что это имеет смысл. Сегодня у Ученического совета нет собрания, поэтому в столовой не должно быть ни одной из этих несчастных душ, изо всех сил старающихся набрать дополнительные баллы для заявки в колледж. Повара уходят в середине дня, так что это, возможно, единственное место в школе, остававшееся пустым тогда, когда, по словам Нила, они исчезли.

С колотящимся сердцем я бросаюсь бежать, на полной скорости огибая углы — мне повезло, что в коридорах сейчас пусто. Я врываюсь в закрытые двери столовой. Мои шаги эхом отдаются по черно-белой плитке. Лампы дневного света выключены, и, хотя возле входа тускло мерцает дежурная лампочка, вся задняя часть столовой погружена во мрак. Спереди находится ниша с линией раздачи питания, а за ней — дверь на петлях, ведущая в кухню. Интересно, это мое воображение или за маленькими круглыми окошками действительно мерцает свет?

Словно в ответ мне из-за дверей доносится какой-то гремящий звук. «Вот оно», — думаю я и делаю глубокий вдох. И тут мне приходит в голову, что если Кэролайн действительно лежит связанная возле банок с картофельным пюре, то я понятия не имею, что я буду делать.

Оружие. Мне нужно, по меньшей мере, найти оружие. Но какое? Столовая уже давно перешла на пластиковую посуду. Но стоит ли мне вообще искать что-то деревянное? Я все больше понимаю, что наших с Джеймсом бесед в форме вопросов и ответов абсолютно недостаточно. В следующий раз, когда я окажусь в одной комнате с вампиром — конечно, с тем, что не питает ко мне страстных и/или супружеских чувств, — возможно, будет разумнее не влюбляться, а потратить время на составление списка его слабостей.

Стараясь не обращать внимания на усиливающееся сердцебиение, я устремляюсь к стопке мытой посуды, которую заметила у дальней стены. Поразмыслив, я хватаю деревянную ложку и нож и, не жалея сил, стараюсь превратить ее в нечто острое. Народные поверья, существующие две тысячи лет, не могут ошибаться, верно? И, кроме того, на вечеринке Влад гнался за Невиллом с оторванным куском двери. Не похоже, чтобы он был склонен к метафорическим шуткам.

Как можно тише я подкрадываюсь к двери, ведущей на кухню. Я прижимаю к ней ухо, ожидая услышать яростный шепот или звуки борьбы, но слышу только настойчивый непрекращающийся звук капающей воды и глухой шум посудомоечной машины. Я осторожно приоткрываю дверь кончиком ботинка и заглядываю внутрь. Там нет ничего, кроме блестящих раковин, длинных жестяных столов и нескольких больших горшков. Вероятно, это и есть источник загадочного школьного чили. Свет, который я видела, проникает сюда из двух окошек на противоположной стене. И тут же я понимаю, что есть еще кое-что, на что стоит обратить внимание. Свет, льющийся снаружи, бледный и серый. Солнца нет.

Поскальзываясь на плитке, я подхожу к окну. В отдалении грохочет гром, и я слышу стук дождевых капель по металлическому подоконнику. Они могут быть где угодно. Кэролайн может быть где угодно. Я приказываю себе успокоиться, но мое сердце сжимается так сильно, что мне становится трудно рационально мыслить. Он использует ее как приманку, поэтому он не захочет ее убивать. Он все еще думает, что я — его пропуск к «Дане», поэтому меня он тоже не захочет убивать. Все будет хорошо — нужно просто идти вперед.

Теперь я должна проверить, здесь ли еще машина Влада. Засунув ложку за пояс

джинсов и прикрыв ее футболкой, я бегу обратно к кухонной двери. Второпях я неловко ударяюсь об нее и зажмуриваюсь от боли. Открыв глаза, я вижу перед собой одинаковые фигуры Девона и Эшли, симметрично стоящие бок о бок, как статуи близнецов. Неяркое освещение играет странные шутки с их лицами: у меня возникает жутковатое чувство, что я смотрю на одно лицо, одно тело, в результате какой-то ужасной ошибки в магическом трюке разделенное надвое. Они гротескным тандемом выдвигаются вперед.

Спотыкаясь, я отступаю назад в кухню, пока не ударяюсь копчиком о жесткий угол жестяного стола. Он вибрирует под моими пальцами, издавая высокий гул, который переплетается с ритмичным стуком посудомоечной машины, все больше напоминающим пульсирующий шум крови у меня в ушах.

— Где моя сестра? — спрашиваю я, нащупывая рукой обнадеживающе твердую ложку.

Они выходят на свет. Сначала я вижу их квадратные подбородки, затем их губы, сжатые в две бледные полоски, и, наконец, их глаза. Они такие же мертвые, как и прежде, — четыре блестящие черные пуговицы.

— Я спрашиваю, где моя сестра? — повышая голос, повторяю я.

Тот, что слева, поднимает руку, и я только сейчас замечая, что он сжимает скомканный клочок бумаги. Когда я не делаю никаких движений, чтобы взять его, они снова делают шаг вперед. Осознав, что они не сдвинутся с места, пока послание не будет доставлено по адресу, я беру бумажку и разглаживаю ее на столе. Сверху она украшена рядом цветов и сердечек. Я знаю только одного человека, которому хватило бы мужества послать такую разукрашенную записку. Это листочек из блокнота Кэролайн. И почерк Влада. Остается только догадываться, кому принадлежит пятно крови на уголке письма. Начиная читать, я чувствую себя так, словно меня сейчас вырвет.

Софочка,

Я был бы безумно счастлив, если бы ты присоединилась к нам в нашем тайном местечке в лесу — твоя сестра уже здесь, и ей очень хотелось бы поговорить с тобой. Однако прошу тебя поторопиться. Я с нетерпением жду твоего общества, а ночь наступит совсем скоро.

С самыми теплыми пожеланиями,

Влад

Я комкаю бумажку в шарик и швыряю его в того двойника, который доставил письмо. Он даже не вздрагивает. Бумажный шарик, не причинив ему никакого вреда, отскакивает от его груди, что никоим образом не содействует улучшению моего настроения. Я чувствую, что у меня вот-вот хлынут слезы. Расступившись в стороны, Девон и Эшли жестом указывают мне на выход, напоминая жуткую пародию на две створки двери. Сделав осторожный шаг вперед, я собираюсь пройти между ними, но это мне не удастся. Я чувствую, как две сильные ладони хватают меня под мышки и поднимают в воздух.

Глава восемнадцатая

— Отпустите меня, вы, уродские двойники! Я и так с вами пойду, — кричу я, но они тащат меня по коридору и через темный физкультурный зал — пустой, поскольку из-за грозы отменили все занятия и матчи. Теперь мы движемся быстрее; мимо мелькают трибуны, и мы приближаемся к выходу, ведущему на стадион за школой. Только что мы были в физкультурном зале, где пахнет потом и тальком, и вот мы уже снаружи под ветром и хлещущим дождем, несемся через грязное футбольное поле к большому лесному массиву в стороне. При каждом шаге под ногами хлюпает грязь, небо над головой раскалывается от ударов грома, а по моим плечам и спине скатываются капли дождя. На груди моя футболка

пока остается сухой. «Только бы она не промокла», — молюсь я. Иначе будет видна спрятанная ложка. Если честно, деревянная ложка — не самое лучшее секретное оружие, но на данный момент это все, что у меня есть.

Мы подходим к кромке леса и погружаемся в еще более глубокую тень. Девон и Эшли продираются сквозь кусты, не обращая на них никакого внимания, но по моему лицу хлещут ветки. Время от времени мои ноги ударяются о землю, лодыжки подламываются, и все это заставляет меня чувствовать себя настолько потрясенной и униженной, что я не замечаю, как мы приходим на поляну, — до тех пор, пока меня не сбрасывают на землю. Я успеваю сгруппироваться, чтобы не плюхнуться носом в мокрый слой гниющих листьев, но руки подо мной проскальзывают. Я вытаскиваю их из грязи и поднимаюсь на ноги, как раз вовремя, чтобы заметить, как Девон и Эшли устали в пространство позади меня.

— Я счастлив, что ты смогла присоединиться к нам, Софочка, — говорит Влад. Он сидит на гнилом столике для пикника в прилипшей к груди черной рубашке. Когда я перевожу на него взгляд, он непринужденно закидывает ногу на ногу и скрещивает на коленях руки.

— Где Кэролайн? — резко спрашиваю я, в отчаянии оглядывая лужайку. Никого. Я встаю и поворачиваюсь кругом, заглядывая в прогалины между деревьями. Из-за дождя все вокруг затянуто мглой, и стена тумана не позволяет мне разглядеть хоть что-то дальше своего носа. Влад, подождя, пока я перестану вертеться, непринужденно отклоняется в сторону, открывая сгорбленную фигуру Кэролайн, привязанную к дереву ярким кислотно-розовым шнурком. Ее голова бессильно свисает на грудь, а лицо закрыто светлыми вьющимися волосами.

— Она... — начинаю я. Во мне нарастает ужас, ледяными мурашками ползущий по коже.

— О... она не мертва. Я просто не хотел слушать ее ни секундой дольше — она, оказывается, знает довольно много ругательств. Что значит «плох»?

— Отпусти ее, — приказываю я. — Она не имеет к этому никакого отношения.

— Она имеет к этому очень большое отношение, — рявкает он. — Если бы ты предоставила мне еще один шанс завоевать тебя, мне не пришлось бы прибегать к таким радикальным мерам. Но ты ясно дала мне понять, что не намереваешься решать эту проблему цивилизованным путем, а у меня нет времени на то, чтобы бороться с твоим упрямством и терпеть от тебя публичные оскорбления. Я устал от этого, — говорит он, легко спрыгивая со стола. — Вот что я предлагаю. Ты соглашаешься здесь и сейчас стать Вампиром и выйти за меня замуж, а я отпускаю твою сестру. Если ты не согласишься, она будет интересоваться, почему у нее так долго болит шея. Но в противном случае она ничего не будет помнить.

Я бросаю взгляд на Кэролайн.

— Ты же не... — начинаю я, но с ужасом вижу, как сверкают его серые глаза, вижу, как горят его щеки.

— О, я не сделал ее вампиром. Просто выпил немного. Как-никак, я уже очень давно не позволял себе насладиться свежей человеческой кровью, — говорит он. Приблизившись, он проводит ледяным пальцем по моей щеке и открытой коже над воротником футболки. — Обычно мне бывает трудно остановиться. Но сейчас я вспомнил, что она мне нужна, чтобы заполучить тебя.

Не подумав, я резко отбрасываю его руку. «Как насчет того, чтобы не злить безумного вампира, который держит твою сестру в заложниках, а, Софи? Особенно тогда, когда он еще даже не попытался сделать первый шаг», — говорю я себе. Сглотнув, я пытаюсь говорить как можно спокойнее:

— Я думала, что тебе понадобятся свидетели.

— Они у нас есть, — возражает он.

— Кто? Белки?

— Нет, разумеется, нет, — отвечает он. — Иногда твой юмор неуместен. Я говорю о

Девоне и Эшли.

— Но они едва умеют разговаривать!

— Я признаю, что они не идеальны, но ты не оставила мне другого выбора. И все же, просто чтобы развеять твои сомнения...

Он подходит и похлопывает одного из них по щеке:

— Ну, Эшли, поздоровайся с Софочкой.

Эшли открывает рот и издает невнятное кряканье.

— Скажи словами, — настаивает Влад, но я не успеваю выяснить, отвечает ли ему Эшли, потому что Кэролайн начинает дергаться. Мне нужно отвлечь его.

— Ладно, — говорю я громко, чтобы заглушить ее стон.

Влад поворачивается ко мне:

— Что «ладно»?

— Расскажи мне подробнее о том, что случится, когда мы станем данаями, — прошу я, перемещаясь в сторону, так чтобы он полностью повернулся спиной к Кэролайн, которая начинает моргать, словно пытаюсь сфокусировать взгляд.

Он улыбается.

— Я подозревал, что ты не так равнодушна, как говорила. Я уверен, что они щедро вознаградят меня. Настоящий дом, для начала. Говорят, что у них их тысячи по всему миру. А затем, возможно, какая-нибудь высокая должность.

Кэролайн уже полностью очнулась и смотрит на нас расширенными, полными ужаса глазами. Не отрывая от нее взгляда, я пытаюсь мысленно призвать ее сохранять спокойствие. Ничего не выходит: Кэролайн начинает судорожно дергаться. Не знаю, чем привязал ее Влад, но он явно не учел гибкости девушки-чирлидера. Как бы то ни было, бесшумность девушкам-чирлидерам явно не свойственна. Чтобы заглушить ее движения, я делаю шаг к Владу, предварительно проверив, что Девон и Эшли ничего не заметили. Нет. Их лица по-прежнему совершенно пусты. Однако...

— Влад, — умильно говорю я. — Я не хочу, чтобы они на нас смотрели. Это гадко.

Он рывкает на двойников через мое плечо.

— Отвернитесь, — приказывает он, и они послушно отворачиваются лицом к деревьям.

Когда он снова поворачивается ко мне с самодовольной улыбкой, словно говорящей: «Видишь, какой я всемогущий!», я спрашиваю, какую должность он хотел бы занять.

— Не знаю, — отвечает он. — Я всегда хотел быть судьей. Главный судья Влад Мерво. Да, это звучит превосходно.

— Ты будешь прекрасным судьей, — вру я, заметив, что Кэролайн почти освободилась. Его лицо приближается ко мне так близко, что я вижу темно-серые ободки вокруг его зрачков. Взяв мою руку, он Подушечками пальцев пробегается по моей ладони.

— Знаешь, ты не совсем безнадежна. Мы вместе поработаем над стилем одежды.

«Успокойся, мое взволнованное сердце». Теперь, когда Влад так близко, я уже не могу видеть Кэролайн. Я надеюсь, что, освободившись, она побежит прочь. Просто побежит прочь. И тогда, будучи уверенной, что она в безопасности, я совершу удар с помощью моей ложки.

Беседа о карьерном росте настроила Влада на любовный лад. Он придвигается, пытаюсь прижать меня к себе, и я инстинктивно отступаю назад, пока не упрусь спиной в ствол дерева. Черты его лица расслабились, и теперь он смотрит на меня с ленивым удовольствием. Капли дождя, барабанившие по кронам деревьев, заглушают почти все остальные звуки. Вокруг так много шорохов, что трудно определить, какой из них издает Кэролайн. Я опираюсь спиной о дерево, вцепившись в кору ногтями, и встаю на цыпочки, чтобы исподтишка посмотреть ему за спину. Но это оказывается ошибкой. Его брови сдвигаются, сигнализируя о подозрениях, и он начинает поворачивать голову. Мне нужно остановить его. Но как?

Метнувшись вперед, я хватаю его за голову и тяну к себе. Но не успеваю я отвлечь его эротичным поцелуем в щеку, который вошел бы в анналы истории соблазнительниц, как он

поворачивает голову и прижимает губы к моему рту. Его губы холодные, влажные и немного... соленые. Боже. Боже. Какая мерзость. Я вцепляюсь пальцами в его рубашку, но не потому, что плавлюсь от наслаждения, а потому, что это помогает мне не оттолкнуть его прочь, когда его губы начинают медленно двигаться. Надеюсь, что Кэролайн сейчас уже бежит прочь со скоростью ветра. Да, со скоростью ветра.

Мы вдруг со скрежетом ударяемся зубами. Он кусает меня за губу. Я чувствую острый укол боли, как от укуса пчелы, и у меня перехватывает дыхание. Резко отстранившись, я, не раздумывая, бросаюсь в сторону — не будучи знакомой с плюсами и минусами вампирских любовных игр, я твердо намерена избежать любых «действий», которые должны последовать за поцелуем. Я поворачиваюсь к нему, готовая либо защищаться, либо извиняться. Сначала мой мозг отказывается осознавать картину, которую я вижу перед собой. Когда он наконец ее обрабатывает, мне остается только желать, чтобы это была галлюцинация.

Кэролайн запрыгнула Владу на спину, обхватив его за талию загорелыми ногами, и колотит его веткой по голове. К ее плечам и спине прилипли длинные мокрые пряди волос, и слева на шее я вижу свежие кровоточащие раны. Сквозь ее промокшую белую футболку просвечивают голые участки кожи.

— Держись подальше от моей сестры, — кричит она, нанося серию свистящих ударов по шее. — И никогда больше не кусай меня. Мерзость.

Влад без особых усилий мог бы сбросить ее на землю, но сейчас он, видимо, слишком ошеломлен. Сгиб локтя Кэролайн закрывает ему глаза. Спотыкаясь и шатаясь из стороны в сторону, он идет вперед, раскинув руки, и ударяется о дерево. Зарывав, он протягивает руки за спину и хватается Кэролайн за шею с такой силой, что Кэролайн издает писк.

— Эй! Отпусти меня. И стриги ногти хоть иногда, урод. Ты и правда... — не успевает она закончить, потому что начинает задыхаться. Влад душит ее.

Итак, хитрость и обольщение не сработали. Пришло время переходить к плану Б: к открытой, отчаянной и абсолютно безумной атаке. Пока Влад продолжает держать Кэролайн за горло, как провинившегося котенка, я выхватываю свою ложку. Влад не смотрит на меня, а только с улыбкой наблюдает за тем, как корчится Кэролайн. С мучительной медлительностью он начинает поворачиваться ко мне, хвастаясь своей добычей. Небо раскалывает взрыв грома, и я бросаюсь вперед, обеими руками держа перед собой ложку и изрыгая бессмысленные ругательства, по громкости не уступающие воплям Мэла Гибсона в «Храбром сердце».

Его глаза округляются от изумления при виде этой картины, и он роняет Кэролайн. Она ударяется о землю и катится в сторону. Я едва успеваю прикоснуться к его руке, когда он хватается меня за запястья и выбивает ложку у меня из рук. Я слышу свист рассекаемого воздуха и треск, когда она ударяется о дальнейшее дерево.

Одной рукой схватив меня за шею, Влад швыряет меня на землю. Моя шея изгибается под неестественным и болезненным углом. Я смотрю на то, как Влад протягивает свободную руку и хватается Кэролайн за лодыжку. Он протаскивает ее по мокрой земле и кладет рядом со мной, так что теперь мы лежим лицом к лицу. Первые несколько секунд она только кашляет и захлебывается, не открывая глаз. Когда она открывает их, я вижу, что они лихорадочно блестят нездоровой синевой.

Влад хватается нас за подбородки и рывком поднимает их вверх, так что мы вынуждены смотреть прямо в его искаженное яростью лицо. Он прижимает своим телом мои ноги, и я чувствую, как в них начинает пульсировать кровь. Когда я пытаюсь вырваться, он снова с силой прижимает меня к земле, пока я не начинаю кричать от боли.

— Ты думала, что можешь меня обмануть? — осведомляется он.

Кэролайн начинает плакать. Наши руки зажаты между нашими телами. Я поглаживаю ее руку мизинцем, пытаюсь показать ей, что я здесь, что я все понимаю. Я знаю, что это именно то, что я сейчас должна сделать.

— Отпусти ее, и я стану вампиром, — говорю я. Став вампиром, я, по крайней мере, смогу оказать ему достойное сопротивление.

— И? — говорит он.

— И я выйду за тебя замуж. И ты станешь Мер... — Внезапно мне приходит в голову одна мысль. — Подожди-ка, если ты сделаешь меня вампиром, не буду ли я Безымянной? И тогда, если мы поженимся, ты всего-навсего снова окажешься Безымянным, — говорю я и тут вдруг понимаю, что в действительности я просто лишаю его последнего довода против того, чтобы убить нас.

Энтузиазм в его глазах гаснет, и я начинаю нервничать. Кажется, ему пришла в голову та же мысль.

— Ты человек, но ты уже Мерво, — сурово говорит он. — Данай поймут, что ты исключение из правил. Своего рода червоточина в законе.

Кэролайн вдруг прекращает рыдать.

— Лазейка, идиот, — всхлипывая, говорит она. Никогда за всю свою жизнь я не была так горда ею.

— Заткнись! — шипит Влад. — Если ты скажешь еще хоть слово, я...

— Так что, сделка? — спрашиваю я, чтобы переключить его внимание на себя.

Его глаза сужаются, и я чувствую прилив надежды — и прилив страха. О боже, мне придется пройти через это. Я закрываю глаза и, не обращая внимания на падающие на лицо капли дождя, пытаюсь придумать лучший выход. Если сейчас я уступаю ему, это не значит, что я должна делать это всегда. Я по-прежнему буду собой, — неважно, что у меня будут клыки. Я по-прежнему смогу бороться с ним. Я по-прежнему смогу попытаться остановить его. А если мне это не удастся, я сама себя заколю.

Когда я открываю глаза, Влад сидит, склонив голову в сторону, словно взвешивая доводы «за» и «против».

— Хорошо, — говорит он наконец и отпускает нас. — Но если ты не сдержишь слово, я найду ее и убью. А также всех, кого ты любишь.

Пока мы с трудом поднимаемся на ноги, Влад настороженно следит за мной, как будто я могу удрать. Но даже если бы я собиралась это сделать, я бы не смогла. Мои колени так сильно трясутся, что я чуть не падаю. Кэролайн стоит, прижимая руку к раненой шее. И тут я замечаю какой-то предмет, торчащий из-под ее туфли. Это половинка сломанной деревянной ложки.

У нас с Кэролайн никогда ни в чем не сходились взгляды, и мы никогда не умели читать мысли друг друга. Но сейчас я пытаюсь представить себе маленькие мозговые волны, плывущие от моего сознания к ее голове и умоляющие ее найти способ передать мне кусочек дерева, лежащий под ее ногой.

— Ты должна идти, — говорю я ей. — Но сначала обними меня.

Влад закатывает глаза и начинает с интересом рассматривать свои ногти.

— Давайте побыстрее. Мне не терпится покончить с этим, — говорит он. Кэролайн начинает приближаться ко мне. Я поднимаю палец, делая ей знак остановиться, и взглядом указываю на землю. Она останавливается, округлив губы в маленькую букву «о». Чтобы ее лицо нас не выдало, я обвиваю руки вокруг ее шеи. Она вдруг испускает вопль и падает на землю, увлекая меня за собой.

— Ох, перестань. Вечно ты делаешь из всего мелодраму, — говорит Влад, а Кэролайн, изображая захлебывающиеся рыдания, одновременно пытается вытащить ложку из-под ноги. Она кричит Владу, чтобы он заткнулся, и засовывает ложку мне за пояс. На сломе она острая, как осколок стекла. Убедившись, что ложка надежно спрятана под моей футболкой, Кэролайн поднимается на ноги и отступает назад.

— Прости, что не верила тебе, — говорит она, снова начиная плакать. — Я вернусь.

— Не надо. Пожалуйста.

— Но что я скажу?

— Ты что-нибудь придумаешь. — Я ухитрюсь улыбнуться ей невеселой улыбкой. — Ты это хорошо умеешь. Все в порядке, Кэролайн, — говорю я. — Клянусь. Иди.

Помедлив еще немного, она делает шаг назад, потом еще один и еще. Я смотрю, как

она исчезает за деревьями, и слушаю, как затихают ее шаги, когда она уходит все дальше и дальше. Кончик моего самодельного оружия колет меня в бок, но я не против боли. Эта боль — моя надежда.

— Итак, — говорит Влад. — На чем мы остановились?

Глава девятнадцатая

Он подходит ближе, и я инстинктивно отступаю назад. Мне трудно удержаться от того, чтобы снова не наброситься на него с моим импровизированным колом, но я понимаю, что прямая атака обречена на повторный провал. Мой единственный шанс — ждать, пока он отвлечется.

— Когда все будет сделано, как мы свяжемся с данаями?

Влад усмехается.

— При всей их «секретности» не так сложно понять, какие из семей к ним принадлежат. Я свяжусь с ними под предлогом того, что у меня есть информация про Невилла, а затем использую это, чтобы объяснить... — Он прерывается. — Тебе это не обязательно знать. Я больше не позволю тебе сбить меня с толку.

Он снова подходит ближе, и я отступаю, пока не упрусь спиной в дерево. Я зачем-то задаюсь безумным вопросом, то ли это дерево, что и раньше, или нет, а Влад становится передо мной и заставляет меня поднять голову.

— Это правда стоит того? — в панике спрашиваю я. — От тебя отвернутся все твои друзья.

— Я заведу новых друзей, — говорит он. — Как говорится, нельзя сделать омлет, не разбив пары яиц.

— Яиц, — поправляю я. — Не разбив пары яиц.

— Ты говоришь какую-то чепуху, — нетерпеливо произносит он и затем, даже не сосчитав до трех, наклоняется и вонзает клыки мне в шею.

Как и в прошлый раз, меня огнем пронзает боль. Влад зажимает большим пальцем ямку между моей шеей и ключицей. Но если тогда все закончилось мгновенно, как вспышка молнии, то сейчас мне кажется, что это продолжается бесконечно. В конце концов, мои чувства становятся совсем иными. Я вижу океаны бледно-красного и глубокого синего цвета. Я чувствую запах ржавчины со свалки, сильный и отчетливый. Мои пальцы словно искрятся.

«Пальцы, — задыхаясь, думаю я, — мне нужно что-то сделать с ними». И хотя мои мышцы слабы, как веревочки, мне удастся поднять руку к талии, зажать ладонью ложку и вытянуть ее из-за пояса. Когда я проверяю острие большим пальцем, Влад внезапно резко дергает меня за плечо, и я чувствую, что порезалась — и это при том, что у меня сейчас не так много лишней крови. Он не отрывается от моей шеи, урча и хрюкая, как поросенок, и хотя мой разум сейчас напоминает воздушный шарик, улетевший от своего владельца, мне хочется посмеяться над тем, что он утратил свои благовоспитанные манеры; сейчас он безумен как никогда. Медленно и осторожно я просовываю обломок ложки между нами. Я знаю, что у меня будет один шанс, всего один шанс, и я даже не могу позволить себе прицелиться.

Небо начинает терять свой цвет, и на секунду все передо мной становится серым. «Нет. Нет, еще рано». Еще немного, и Влад откинёт назад голову с залитым кровью ртом и предложит мне укусить его, и я соглашусь, потому что единственная альтернатива — это умереть и позволить ему свободно царствовать над миром, который я покину. «Один удар, — говорю я себе. — Один удар, и ты сможешь пойти спать». Закрыв глаза, я делаю судорожный вдох и мысленно направляю всю энергию своего тела в руку, в пальцы, в оружие у меня в руках.

Я ударяю... и чувствую, как поддается его плоть. Но вслед за этим не происходит

ничего.

«Я промахнулась, — думаю я, — я промахнулась». Единственное, на что остается надеяться — это то, что вампиры не могут жить без печени. Но Влад вдруг начинает задыхаться. Его клыки проникают все глубже и глубже с каждым вздохом, пока наконец он не откидывает голову и не смотрит мне в глаза. Кровь капает с уголков его рта, искривленного в гротескном ужасе. А затем все становится серым, серым навечно. Серая мгла опускается на меня, засыпая меня пеплом, и я чувствую, как начинает жечь у меня в глазах и как кожа горит нестерпимым зудом.

— Вот, — говорю я Девону и Эшли, невозмутимо стоящим рядом. И тут подо мной подгибаются ноги. Я смотрю на сказочное розовое небо и думаю, что никогда в жизни не чувствовала себя такой слабой. Даже тогда, когда меня заставляли бегать. «Стоп, я что, способна на серьезные мысли?» — вдруг проносится у меня в голове. У меня опускаются ресницы, и я слушаю, как замедляется биение моего сердца, пока между ударами не проходит, кажется, целая вечность. Я начинаю слышать голоса, целый калейдоскоп знакомых голосов. Мой папа. Марси. Виолетта. Невилл. Последнее удивляет меня, потому что, пока с ними все было хорошо, мы, кажется, никогда близко не общались. И Джеймс. Джеймс. Мне кажется, что я улыбаюсь. Я хочу улыбаться.

Земля подо мной раздается, становясь податливой и мягкой. Она превращается в перину, с которой я не хочу вставать никогда, и чем глубже я погружаюсь, тем меньше укусов холода я ощущаю на пальцах рук и ног. Наверное, мне на лицо все еще капает дождь, но я его не чувствую. Я вообще не уверена сейчас, есть ли у меня еще нос или губы. Я мистер Картошка без лица. Не поймите меня неправильно, он чувствует себя отлично. Я ощущаю мягкость, я ощущаю умиротворение, я ощущаю...

Хлоп!

Как грохот грома, раздающийся немного погодя после вспышки молнии, я сначала слышу звук и только потом, словно на тысячу лет позже, чувствую удар. Нарастает монотонный гул, похожий на многократно повторяющуюся песню экзотической птицы. Гул становится громче, приобретает очертания. «Нет-нет-нет-нет-нет», а затем гортанное «Боже-же-же-же». Надо было больше интересоваться птицами... Тогда я смогла бы на специальном птичьем языке приказать ей заткнуться, а потом снова заснуть.

— Софи! Софи! Боже, — восклицает голос, и я осознаю, что звук превратился в мое имя, в маленькую часть меня. — Софи!

Последний возглас сопровождается слабыми похлопываниями чего-то похожего на пальцы по моим плечам и щекам. Я моргаю, и даже это причиняет мне боль. Мне хочется почувствовать свои щеки, чтобы убедиться, что они не разошлись по швам.

Голос снова взволнованно произносит мое имя.

— Ты должна выпить это! — говорит он.

«Зачем?» — думаю я.

— Потому что я хочу, чтобы ты осталась жива, — настаивает голос. — Пей. Пожалуйста. — Последнее слово сопровождается ощущением чего-то мокрого, текущего в мой рот. «О боже, ну ладно», — думаю я, открывая рот и позволяя затечь туда чему-то, похожему по вкусу на сироп. Сверху кто-то с облегчением вздыхает, и я, глотая жидкость, словно тону в ней целиком. Я настоящий профессионал по этой части: в детстве я часто стояла под дождем и пыталась поймать ртом как можно больше капель, и именно это я и делаю сейчас, с той только разницей, что теперь на меня обрушивается целый ливень и я теряю счет каплям. Я знаю только, что с каждой секундой я снова начинаю чувствовать свои пальцы, свои ноги. Я чувствую себя сильнее. Я снова чувствую, что у меня есть нос. Я чувствую, что у меня есть два носа. Пять носов.

Вновь почувствовав свои глаза, я открываю их. Я вижу Джеймса, склонившегося надо мной, всего с одним носом. Но с четырьмя глазами — нет, стоп, с двумя.

«С возвращением, — говорит Джеймс, усмехаясь. — Ты полный ноль в шахматах».

«Как ты здесь оказался?» — спрашиваю я. Мир продолжает слегка кружиться вокруг

меня.

«Я зашел к тебе, как только мы вернулись, но тебя не было дома. Так что мы приехали сюда и по дороге встретили Виолетту. Она рассказала мне про Кэролайн».

«Отлично. Знаешь, у меня такое ощущение, что я сейчас на самом деле не шевелю губами».

«Да. Это преимущество твоей новой ипостаси».

«Какой новой ипостаси?»

Лицо Джеймса омрачается. Он встает, избегая моего взгляда. Я поднимаюсь в сидячее положение, чувствуя себя так, словно я могла бы сейчас пробежать марафонскую дистанцию. Я никогда прежде не чувствовала себя способной пробежать марафонскую дистанцию... и тут меня осеняет.

Я смотрю вправо на остальных вампиров, которые с торжественными лицами наблюдают за происходящим. Марисабель, обхватившая себя руками, выглядит немного больной, хотя, возможно, это потому, что она смотрит на прах, который раньше был Владом. А Виолетта... ну, а Виолетта хлопает в ладоши. Она бежит ко мне и обвивает руки вокруг моей шеи, распространяя запах цветочного парфюма и мокрой земли.

— Я так рада, что ты теперь одна из нас! — восклицает она, уткнувшись мне в плечо.

— Вампириша, — говорю я. Или спрашиваю. Сложно разобраться в этом, когда мои мысли несутся с такой безумной скоростью.

— Да! Нам будет так весело! — радостно вопит она, а затем отпускает меня и вприпрыжку возвращается к остальным. Я перевожу взгляд на Джеймса, который, скрестив руки на груди, изучает деревья с таким интересом, словно никогда их раньше не видел.

«Что ты сделал?» — спрашиваю я мысленно, даже не задумываясь о том, чтобы произнести это вслух. Он не отвечает, но забавно то, что теперь я могу видеть его сознание и мысли, мерцающие, как огоньки за витражным стеклом. Я также могу видеть мысли остальных вампиров — они более тусклые, не такие отчетливые, но я их вижу. И это не единственные огни, которые я замечаю. В траве лениво и хаотично двигаются крошечные островки тепла. Они постепенно принимают форму животных — группка сжавшихся мышей, плотная фигурка птицы, спрятавшейся от дождя.

— Я вампир, — снова говорю я и повторяю это еще несколько раз, с каждым разом все более обвинительным тоном.

— Это был единственный способ спасти тебя, — мягко произносит Джеймс. — Влад выпил очень много крови.

— Ты должен был спросить меня, — замечаю я.

— Лучше быть вампиром, чем мертвым мертвецом, — говорит он, гневно сверкая глазами. — Так ты говорила. Ты говорила, что есть вещи и похуже. Я думал...

Он замолкает, когда я резко встаю. Мне хочется сказать ему, что я бы предпочла умереть, но на самом деле это неправда. Я бы предпочла вообще не делать этого выбора.

— Думаю, мне лучше сейчас пойти домой, — говорю я, старательно игнорируя страдальческий взгляд Джеймса, который ловит каждое мое движение. Я пытаюсь пройти мимо него, но он, протянув руку, хватая меня за запястье. — Что ты делаешь?

— Софи, тебе нельзя сейчас идти домой. Нам нужно обсудить, как ты будешь справляться с этим. Твоя семья... она не должна ничего знать.

— Нет! Я иду домой, и я собираюсь увидеть папу, и Марси, и Кэролайн.

— Не сейчас, — говорит он и тянет меня за руку. Я позволяю ему обнять себя и чувствую мягкое прикосновение его футболки к своей щеке. Пока я слушаю его, мне кажется, что все будет в порядке. Если он просто будет продолжать говорить, если мне не нужно будет думать о том, что делать дальше, то все будет в порядке.

Внезапно Джеймс отталкивает меня и смотрит на мою грудь. Не успеваю я спросить, что с ней не так, как он прижимает руку к моей левой груди.

— Эй! — я шлепаю его по руке, но он, не обратив на это никакого внимания, только сильнее прижимает руку.

— Твое сердце, — произносит он изумленно.

— Да, — терпеливо говорю я, — оно там.

Не понимаю, почему он ведет себя так, словно это из него сегодня выпили всю кровь и затем снова наполнили ею.

Он смотрит мне прямо в глаза:

— Оно бьется.

— Ну да, оно бьется.

Снова схватив меня за руку, он прижимает большие пальцы к синим очертаниям вен у меня на запястье.

— Софи, — говорит он громче. — Оно бьется.

— Мы уже это выяснили, Джеймс.

— Софи, — повторяет он, но его звонким голосом прерывает Невилл:

— Сердца вампиров не бьются. — Он отталкивает пальцы Джеймса и затем смотрит на меня с точно таким же изумлением. «Никто не может оставаться человеком после перерождения. Я видел людей, которые перерождались от вдвое меньшего количества крови. — Он издает короткий смешок. — Влад был прав».

Вырвав руку, я прижимаю пальцы к шее, чтобы самой во всем убедиться. Да, это правда. Под моими пальцами мягко и жизнерадостно пульсирует артерия. Мне хочется петь. Мне хочется танцевать. Мне хочется, нелепо размахивая руками, кричать «ура». А затем я делаю следующее открытие: кожа на моей шее безупречно гладкая.

— Ты исцелилась, — говорит Джеймс, отвечая на мой незаданный вопрос. — Ты слышала мои мысли. Я видел, как ты следила глазами за животными... Но ты дышишь. Ты живая, — вслух говорит он, но затем я слышу его мысль, которую — я знаю — он ни за что на свете не произнес бы вслух: «Это нечестно».

Повисает неловкое молчание, которое вдруг нарушается звуком чьих-то приближающихся шагов. Все мгновенно напрягаются.

— Где Девон и Эшли? — резко спрашиваю я и инстинктивно сжимаюсь, чувствуя, как мои мышцы наполняются новыми силами.

— У тебя под ногами, — отвечает Джеймс.

Я бросаю взгляд под ноги и резко отступаю, осознав, что я стою на чем-то, напоминающем пепел от двух гигантских костров. Какая мерзость.

— Мы избавились от них в первую очередь, — шепчет Виолетта и кивком головы указывает в сторону столика для пикника. — Пока ты спала на земле.

От необходимости отвечать что-то разумное меня избавляет Кэролайн, ворвавшаяся на лужайку. Ее волосы в полном беспорядке, одежда состоит в основном из дыр, и она сжимает, наверное, самую большую палку, которую можно было найти в лесу. Увидев меня, она в изумлении роняет ее на землю. Меня же охватывает совсем другое чувство. Сегодня я, может быть, и не стала вампиром, но я определенно стала самым большим любителем обниматься во всем мире.

— Я села в машину и проехала полдороги до дома, но потом повернула обратно, — говорит она мне на ухо и поднимает голову. — Погоди. Все в порядке?

— Все уже позади, — отвечаю я, хотя мой голос звучит не так уверенно, как мне бы хотелось. — По крайней мере, все, что касается Влада.

— Я так испугалась. Я чувствовала себя ужасно, — говорит она. «И я так рада, что мне не нужно ничего объяснять маме и Фреду».

Эта мысль появляется словно из ниоткуда. Хлопая глазами, я смотрю на Кэролайн, которая продолжает улыбаться мне с самым искренним облегчением. Мне очень хочется думать, что это была галлюцинация. И у меня появляется невеселое ощущение, что мне придется еще долго привыкать к неотредактированным мыслям людей — по крайней мере в ближайшем будущем.

— Пойдем домой, — говорю я и поворачиваюсь к остальным. Джеймс уже отошел и присоединился к ним. Они увлеченно обсуждают разные подробности — например, как

отвезти машину Влада домой, если ключи от нее превратились в прах вместе с ним, и многое другое. Помедлив немного, я позволяю Кэролайн увести себя.

Глава двадцатая

Кэролайн везет нас домой. У нее много вопросов — зачем я была нужна Владу? Джеймс такой он? — и она заслуживает ответов. Теперь она уже воспринимает всю эту историю с вампирами и их заложниками как что-то само собой разумеющееся — возможно, потому, что это отличное объяснение их неудавшимся отношениям с Владом. Я слишком измучена, чтобы придумывать, с чего начать, поэтому я обещаю ей рассказать обо всем позже, и после нескольких неудачных попыток вытянуть из меня историю она сдается и сосредотачивается на дороге. Мне сложно удержаться от того, чтобы не смотреть на ее шею. Не из-за раны, которая наконец-то перестала кровоточить, а из-за того, что я вижу нежное свечение, текущее от воротника вверх по шее. Я моргаю, стараясь избавиться от этой картинки, как от кругов в глазах после внезапной фотографии со вспышкой, но это мне не удается.

Мы въезжаем на подъездную дорожку к нашему дому, и она, поглядывая в зеркало заднего вида, поправляет волосы так, чтобы они закрыли следы от укуса, и затем протягивает руку к заднему сиденью. Бросив мне на колени голубую футболку, она начинает стягивать свою.

— Почему у тебя несколько смен одежды в машине? — спрашиваю я.

— А у тебя нет? — удивляется она, сняв футболку. — А стоило бы.

Я бросаю печальный взгляд на то, что когда-то было моей любимой футболкой.

— Знаешь, может, ты и права. — Я переодеваюсь в темно-синюю футболку-поло и затем смотрю на дверь нашего дома с простой деревянной ручкой. — Что ты собираешься им сказать?

Она лукаво улыбается.

— Не волнуйся. Предоставь это мне.

Так я и делаю, кивая каждый раз, когда Кэролайн делает паузу в своем рассказе о том, как я нашла ее у Аманды и как у нас спустило колесо, поэтому я такая чумазая. Меня тревожит только беспокойство, исходящее от папы. Но к тому времени, как я слышу мысль Кэролайн «Как легко они купились», я уже чувствую себя такой обалдевшей, что отпрашиваюсь наверх и, наверное, целый час моюсь под душем. Здесь, где на полу лежит такая белая и такая знакомая плитка и где я свободна от всех мыслей, кроме своих, я чувствую себя в безопасности.

Я проверяю пульс еще много дней подряд. Проверяю на уроке, проверяю за обеденным столом, проверяю на светофорах. Иногда я просыпаюсь посреди ночи с рукой на запястье или на шее. Я всегда испытываю секундную панику, прежде чем мне удастся нащупать биение. В такие моменты я успеваю подумать, что случайная удача наконец покинула меня и сейчас я вдруг почувствую, как в уголки моего рта упираются клыки. Но потом я нащупываю пульс. Я всегда нащупываю его. Он бьется быстро, сильно и так по-человечески.

Мои «побочные эффекты» никуда не делись. Баланс, нарушенный спонтанным переливанием крови, так и не приходит к равновесию. Родственники, учителя и одноклассники теперь мерцают, как светлячки, даже под лампами дневного света, и я по-прежнему, словно радаром, улавливаю их случайные мысли. Я знаю, что это ненормально; я знаю, что должна попытаться понять, что это значит и кем (или чем) конкретно я теперь являюсь. Иногда я наблюдаю за папой, который возится у дома, и размышляю, многое ли ему известно. Мне трудно представить себе, как мужчина, у которого есть галстук со снеговиками, может быть вовлечен во что-то сверхъестественное. Иногда я даже стараюсь прислушаться к его мыслям, но меня останавливает чувство вины. Теперь я

думаю о своей матери чаще, чем когда-либо за последние пять лет, но я все еще не готова к тому, чтобы узнать о ней больше. Я говорю себе: «Завтра», а завтра я говорю себе: «На следующей неделе».

Мистер Амадо не выбирает меня главным редактором. Хотя в первый момент мне хочется швырнуть что-нибудь в стену — или, по меньшей мере, снова заколоть Влада, — я знаю, что Линдси заслужила эту должность больше, чем я, хотя бы потому, что с самого начала вела честную игру. Она уже пообещала мне, что включит в номер любое мое журналистское расследование. Мне очень хочется написать статью о вампирах, но думаю, что пока вампиров с меня достаточно. По крайней мере, именно в этом я пытаюсь убедить себя все эти дни.

Джеймс не приходит в школу всю следующую неделю. У моего окна он тоже не появляется. Я стараюсь подавить в себе разочарование, но каждый раз, видя пустой стул в кабинете химии, ощущаю комок в горле. Каждую ночь я с трудом удерживаюсь от того, чтобы не коситься на его дом, и каждую ночь у меня ничего не получается. Какая-то часть меня мечтает встретиться с ним лицом к лицу, но после тех слов, которые я бросила ему в те короткие минуты, когда я думала, что я стала вампиром, мне стыдно тыкать ему в нос своей смертностью. Это может оказаться последней каплей.

Но потом, однажды ночью, когда я занимаюсь французским, пытаюсь придумать, как описать Пьера, который всегда теряется, и как пройти к булочной, я вдруг краем глаза замечаю слабое свечение. Задержав дыхание, я выглядываю в окно, и с каждой уходящей секундой слабый проблеск надежды все тает. «Давай, давай», — думаю я, вызывая к жизни этот огонек. Мое лицо всего в нескольких дюймах от стекла, когда он снова вспыхивает. Я спрыгиваю со стула так быстро, что запутываюсь в собственных ногах, ударившись коленками о подлокотники. В последнее время я часто ошибаюсь в расчете времени, которое требуется, чтобы добраться от пункта А до пункта Б. Однако сейчас мне все равно. Я с грохотом скатываюсь вниз по лестнице, не заботясь о том, кого я разбудила. Ночной воздух прохладный и свежий; уже наступила настоящая осень. Расшвыривая ногами листья, я несусь через лужайку и ныряю через дыру в изгороди, ожидая увидеть Джеймса, сидящего на крыльце. Но крыльцо пусто. Я в замешательстве иду к фасаду и заглядываю в окно, но обнаруживаю только ту же самую приводящую меня в ярость пустоту. Вот доказательство, которого я ждала. Завтра же я звоню в психиатрическую больницу.

— Я схожу с ума, — говорю я вслух, ни к кому не обращаясь.

— Да нет, — раздается откуда-то сверху голос Джеймса. Подняв глаза, я вижу его лицо над карнизом самого высокого окна.

— Ты на крыше, — тупо говорю я. Спасибо, Капитан Очевидность. Приятно осознавать, что, как бы сильно я ни изменилась за последнюю неделю, моя способность утверждать очевидные истины осталась со мной.

Он улыбается и разводит руками.

— Ну да.

— Ты собираешься спускаться? — спрашиваю я. Мне следовало бы сильнее злиться на него. Я обещаю себе начать это делать сразу после того, как мой мозг перестанет кричать «ура-ура-ура-ура-ура».

— Нет.

Что ж, можно начать злиться прямо сейчас.

— Знаешь, мне, конечно, очень весело смотреть снизу вверх на твой нос, но меня ждет домашняя работа по французскому.

— Мне кажется, тебе стоит подняться, — предлагает он.

— А мне кажется, ты чокнулся.

— Попробуй, — уговаривает он, подходя к углу крыши и показывая на навес над крыльцом. — Схватись за выступ и подтянись вверх.

Я смотрю на предмет нашего разговора, который находится в добрых четырех футах над моей головой.

— Я думаю, ты переоцениваешь мою прыгучесть.

Джеймс только улыбается в ответ.

Я решаю подыграть ему. Чуть согнув ноги, я делаю попытку прыгнуть в сторону водосточного желоба. Каково же мое удивление, когда я вдруг обнаруживаю металлический край желоба у себя под пальцами и слышу, как он скрипит, прогибаясь под моим весом!

— Теперь подтягивайся. Э-э-э... и, если можно, побыстрее. Ты сейчас сломаешь мой дом.

Все еще потрясенная, я ухитряюсь забросить одну ногу на крышу крыльца и затем забираюсь туда целиком. Заправив за уши непослушные волосы, я смотрю вверх.

— Осталось совсем чуть-чуть, — говорит Джеймс, и на этот раз я верю, что у меня все получится. Однако это чувство оказывается ошибочным.

— Ты не мог бы мне немного помочь? — прошу я, застряв с одной пяткой на крыше дома и бессильно болтая в воздухе другой ногой.

Он хватается за руку и рывком притягивает вверх, так что я ударяюсь о его грудь. На секунду его руки остаются на моей талии, и мое сердце бешено колотится. Но затем меня поражает мысль: «Я такая живая», и я откидываюсь назад, смущенная и взволнованная. Джеймс был прав: с этими новыми вампирскими штучками не так-то просто справляться.

Джеймс откашливается и усаживается на самой высокой точке крыши.

— Со временем это станет проще.

— Запрыгивать на крыши?

— Ну да. И все остальное тоже, — говорит он, и я понимаю, что он пытается убедить не только меня, но и самого себя тоже.

Какое-то время мы сидим в тишине, и я изучаю окрестности своим новым острым зрением. Улицы тихи. Только время от времени с тихим свистом проезжают машины, но в целом мы, кажется, единственные, кто сейчас не спит. На небе светится бледный тонкий месяц.

— Прости меня за то, что я наговорила в лесу, — наконец произношу я, набравшись мужества. — Я счастлива, что ты меня спас, и я была бы счастлива, даже если бы превратилась в настоящего вампира. Просто я была в шоке. И мне жаль, что это так нечестно, и ты имеешь полное право...

— Перестань, — прерывает меня он.

От того, как резко он меня обрывает, у меня сжимается желудок; не стоило сейчас об этом говорить. Я смотрю вниз, пытаюсь придумать, как мне отсюда выбраться. Мне все еще сложно свыкнуться с мыслью, что теперь я могу просто спрыгнуть с крыши.

— Возможно, нам стоит поговорить попозже, — говорю я, но не успеваю я что-то сделать, как Джеймс хватается за руку.

«Идиот, ты вовсе не это собирался сделать». Мысль врывается в мой мозг, и я не сразу понимаю, что она принадлежит не мне, а ему.

— Тогда что ты собирался сделать? — спрашиваю я и вижу, что мой вопрос его смутил.

— Ладно, это и правда немного раздражает, — говорит он, но потом лицо его становится серьезным. — На самом деле я хотел сказать, что ты не должна извиняться. Я завидовал тебе, но это вовсе не значит, что я не счастлив видеть тебя живой. Никогда не извиняйся за это.

Я смотрю на него, не понимая, что сказать, потому что эмоции переполняют меня.

— И если я когда-нибудь своим поведением заставлю тебя чувствовать себя виноватой, — продолжает он, — то ты можешь смело швырять мне в голову колпачки от ручек.

Я выдавливаю из себя слабый смешок.

— Только тогда? — шучу я, но шутка выходит совсем не смешной, потому что я полностью поглощена тем, что смотрю на него. За последние дни я так устала от слабо светящихся людей, что теперь очень рада оказаться рядом с ним — таким милым и совсем не светящимся.

— А вот ты, наоборот, похожа на метеорологическую карту, — замечает он.

Я с трудом удерживаюсь от того, чтобы не вырвать у него свою руку. Я не собираюсь к этому привыкать — ни к чтению мыслей, ни к идее того, что Джеймс воспринимает меня в виде теплого фронта.

— Правда? — спрашиваю я, чувствуя себя слегка разочарованной. По крайней мере, он не сказал мне, что я цвета попы бабуина — и на том спасибо. Он фыркает, и я понимаю, что он все еще настроен на мою волну. — Прекрати подслушивать!

— Прости, — говорит он, но по голосу его не скажешь, что он извиняется. Немного погодя он добавляет: — Я говорил несерьезно. Я вижу только слабое свечение.

— Почему я не могу слышать тебя так же хорошо, как ты меня? — спрашиваю я, потому что это действительно так. Мне кажется, что я слышу его только тогда, когда мы прикасаемся друг к другу.

— Я не знаю, — признается он. — Возможно, потому, что ты не полностью вампир.

Возможно. Несмотря на все мои попытки вернуть себя к нормальной жизни, у меня по-прежнему остается множество вопросов. Недавно я пыталась вспомнить то, что говорил Влад, и отделить разумные идеи от бредовых. Мне стоило взять его идиотскую записную книжку, когда он предлагал ее мне.

— Тогда что я такое?

— Ты Софи, — отвечает Джеймс. — Это единственное, что имеет для меня значение. И единственное, что имеет значение для кого-либо еще.

— Как ты думаешь, другие вампиры останутся?

— Марисабель уже уехала.

— Что?

— Да, уехала несколько дней назад. Она сказала, что здесь слишком много воспоминаний и что она хочет наконец-то попытаться пожить самостоятельно.

— Но куда она пойдет? — спрашиваю я.

— Она сказала, что придумает что-нибудь.

— Значит, остаются Виолетта с Невиллом?

— Виолетту отсюда и палкой не прогонишь. А у Невилла сейчас какая-то роль в мюзикле. В «Трое», что ли. Не помню. Он очень взволнован.

Даже странно, насколько я рада слышать, что Виолетта останется. Хотя это значит, что проблема с Нилом все еще... ну, впрочем, это проблема Нила.

— А что насчет Влада?

— Он мертв, Софи.

— Знаю. Но неужели люди в школе не будут интересоваться, куда он делся? — спрашиваю я.

— Нигде не осталось никаких записей. Влад с помощью силы убеждения заставил всех думать, что он должен быть здесь, а я смогу убедить их в том, что его здесь быть не должно. И к тому же, у него ведь нет родителей, которым можно доложить о том, что он прогуливает.

— А ты остаешься? — спрашиваю я. Хотя все говорит в пользу этого, мне просто необходимо, чтобы он сам сказал мне это.

Джеймс смотрит на меня потемневшими глазами. Лицо у него тоже потемневшее — наверное, потому, что сейчас вообще-то полночь. Но глаза его темнее. Клянусь.

— Куда мне еще идти? — тихо произносит он.

— Не знаю. Я подумала, вдруг ты захочешь уйти от... воспоминаний.

Он смотрит на небо, на звезды над головой.

— Когда я вернулся, мне казалось, что если я перееду в свой старый дом, то это будет так, словно... словно я исправил что-то. Я думал, мне будет казаться, что ничего не изменилось. А потом, когда я не почувствовал этого, я возненавидел этот дом. Я возненавидел каждый его кирпич и каждый камешек. Но теперь это уже неважно.

— Почему?

Он пристально смотрит на меня.

— Потому что когда я с тобой, я по-прежнему чувствую себя самим собой. И мне кажется, что этого вполне достаточно.

Его признание приводит меня в восторг — я не знаю другого слова, которым можно описать это чувство, — и это вызывает несколько технических проблем на пути между моим мозгом и ртом. Но, может быть, это потому, что теперь мне не нужно говорить. На этот раз у меня не возникает проблем с выражением своих эмоций. Я промахиваюсь со своим поцелуем немного к юго-востоку от цели, но Джеймс, повернув голову, исправляет мою тактическую ошибку. Конечно, это не идеальный поцелуй. Конечно, его губы прохладнее, чем губы среднестатистического парня, и, наверное, он мог бы без труда поднять меня на одной ладони. Но при данных обстоятельствах — очень странных обстоятельствах — я думаю, что это счастливейший конец.

И знаете что? Целоваться на крыше — это просто фантастика.

Благодарности

Эта книга не появилась бы без помощи команды удивительных людей, среди которых Кристина Хоупкер, самый первый наш чирлидер и официальная крестная; Меган Дине, которая была не только замечательным критиком, но и выдержала больше обедов, за которыми главной темой беседы было «Вампиры и книги про них», чем кто-либо другой; Линдси Рибар, чей энтузиазм и опыт бесценны; Прити Чиббер, будущая звезда издательского дела (ты у меня дождешься!); Эмми Спалдинг, щедрый даритель зажигательных бесед в гугл-чате, и Дженни Джексон, без чьего терпения и понимания эта книга никогда не была бы опубликована. Не говоря уже о других страшно интеллектуальных читателях ранних редакций, среди которых: Лаура Бретт, Тина Брилей, Линдси Каддебек, Маара Дэбришус, Эмили Гиглиерано, Марджори Хакала, Марисабель Хоупкер, Молли Джекобе, Алайя Джонсон, Лаура Ланкастер, Крис Лох, Робин Келлер, Лиз Кис, Крисси Маркум, Джессика Сисон и Ники Вуд.

Я бесконечно благодарна команде HarperTeen: Эрике Суссман, самому талантливому редактору, которого только можно пожелать; Тайлеру Инфингеру, чья помощь, я уверена, была гораздо больше, чем мне известно; Элисон Клаптор, дизайнеру сногшибательной обложки, и Джессике Берг, превосходному выпускающему редактору. Через Левин Гринберг я хочу передать благодарности Бет Фишер, которая помогла доставить Софи в Германию и Россию, и Виктории Шкурник, самому прекрасному в мире боссу и еще более прекрасному агенту. И наконец, миллион миллиардов благодарностей Сью Робинсон, больше известной как мама, которая не только бесконечно меня вдохновляла, но и записывала мои рассказы, когда мне было четыре года, и ни разу не вычеркнула из рукописи взрывающегося рождественского гуся, а также Гэри Робинсону, или папе, который не только читал мои подростковые романы про вампиров, но и первым помог их закончить.

Ребята, вы — супер.

1

«Дэйри Куин» (англ. Dairy Queen) — популярная американская сеть закусочных.

2

Вероника Марс — героиня одноименного американского телесериала, помогающая в расследованиях своему отцу, частному детективу. Нэнси Дрю — девушка-детектив, героиня многих фильмов, книг и компьютерных игр.

3

«Под стеклянным колпаком» — роман американской писательницы Силвии Плат, в котором рассказывается история тяжелых душевных переживаний героини, задумывающейся об уходе из жизни.

4

Кэти Курик — известная американская журналистка и телеведущая.

5

«Баффи — истребительница вампиров» — американский молодежный телесериал о девушке, обладающей сверхъестественными силами.

6

6.«Бриолин» — романтический американский кинофильм о жизни молодежи в Америке 1950-х годов с Джоном Траволтой и Оливией Ньютон-Джон в главных ролях.

7

Мальчик — летучая мышь (Batboy) — герой газетных «уток», неоднократно публиковавшихся в еженедельном американском таблоиде «Weekly World News», существо с крыльями за спиной, якобы пойманное агентами ФБР в одной из глубоких пещер.

8

Клингоны — вымышленная инопланетная цивилизация гуманоидов из научно-фантастической вселенной «Звездного пути». Наиболее заметной их чертой является остроконечный лоб.

9

Тони Сопрано — главный герой телесериала «Клан Сопрано», выпускаемого американским телеканалом HBO.

10

«Носферату. Симфония ужаса» и «Носферату — призрак ночи» — экранизации романа «Дракула» Брэма Стокера